ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
ЛЕНИНГРАД · 1961

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

ЭПОХА БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА СИБИРИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
ЛЕНИНГРАД · 1961

Б. А. ЛАТЫНИН

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ ФЕРГАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1934 г.

Работы Ферганской археологической экспедиции начались с разведок в районе Коканда, Хакулабада, Уч-Кургана и Намангана, проведенных еще в 1930 г. по предложению Среднеазиатского музея истории и истории революции [1]. В 1933 и 1934 гг. они были продолжены ГАИМК и Государственным Эрмитажем в восточной и южной частях Ферганской долины по соглашению с гидротехническими проектными организациями. При их помощи и с заданиями по археологическому обследованию зон будущей Нарынской ГЭС (в 1933 г.) [2] и Шариханской и Исфаринской ирригационных систем (в 1934 г.) и проводились эти исследования. Постоянное содействие им оказывалось научными организациями Узбекистана. Особое внимание в работах экспедиции во все эти годы уделялось вопросам изучения истории орошаемого земледелия и ирригации древней Ферганы.

Начатыми работами был получен довольно большой материал по такой мало еще в то время известной в археологическом отношении области Средней Азии, как Фергана.

На его основе наметились тогда же и некоторые обобщающие построения и в отчете о работах 1933 г. были выделены керамические комплексы, которые характеризуют памятники того или иного периода. Была предложена в предварительном порядке и схема археологической периодизации древней Ферганы [3]. В том же отчете и затем в отдельной статье была сделана попытка обобщить наблюдения и по вопросам истории ирригации [4].

Основные положения этих работ, в частности систематика керамики, археологическая периодизация и характеристика отдельных ступеней развития ирригации, получили известное распространение и учитывались (или были приняты) в некоторых дальнейших исследованиях по Фергане.

Работы экспедиции прервались в 1935 г. Однако начатое ими археологическое изучение Ферганы широко продолжалось в последующие годы. Особенное значение имели организация археологического надзора на строительствах Большого, Южного и Северного Ферганских каналов, работы В. Ф. Гайдукевича на Фархадстрое, работы

---

[1] Отчет о работах 1930 г., так же как и составленный А. А. Потаповым отчет о раскопках 1929—1930 гг. Пскентского курганного могильника, проведенных А. А. Потаповым, М. В. Воеводским и Б. А. Латыниным, остаются неизданными. Оба отчета хранятся с другими материалами Узкомстариса в Архиве Комитета по делам строительства и архитектуры, в Ташкенте.

[2] Б. А. Латынин. Работы в районе проектируемой гидростанции на реке Нарыне в Фергане. ИГАИМК, вып. 110, Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., т. II, Л., 1935. Материалы из разведок 1930 г. и работ экспедиции в 1933 г. поступили в Музей истории Академии наук УзССР в Ташкенте, материалы 1934 г. хранятся в Государственном Эрмитаже.

[3] Там же, стр. 142, 157.

[4] Б. А. Латынин. К вопросу об истории ирригации. Сб. «Академия Наук СССР академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, стр. 697—708.

руководимой А. Н. Бернштамом Памиро-Ферганской экспедиции ИИМК, разведки М. Э. Воронца в северной части Ферганы, раскопки Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского на Исфаре, Б. А. Литвинского в Кайрак-кумах и систематические раскопки В. И. Спришевского у Чуста. В последние годы археологические исследования были организованы Ю. А. Заднепровским в районе Узгена на городище Шурабашат и др. и на селище у Дальверзина на Кара-Дарье. Н. Г. Горбунова и Б. З. Гамбург вели раскопки курганных могильников в районе г. Фергана, в том числе могильника раннего времени у Ак-тама и андроновского могильника у Вуадиля. Они же и В. И. Козенкова начали раскопки и некоторых больших тепе в этом районе. Институт истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР развернул большие работы в Куве. Ю. Д. Баруздин начал раскопки курганов на Сохе.

Результаты этих исследований опубликованы в ряде работ М. Е. Массона, В. Ф. Гайдукевича, А. Н. Бернштама, Т. Г. Оболдуевой, В. Д. Жукова, Я. Г. Гулямова, М. Э. Воронца, В. И. Спришевского, Б. А. Литвинского, Ю. А. Заднепровского, Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбурга. Накопление материалов по ранним периодам истории Ферганы позволило Ю. А. Заднепровскому в своей диссертации подвести и некоторые уже общие итоги их изучения.

Издание отчета Ферганской экспедиции 1934 г. сильно задержалось. Поэтому те новые данные по теме истории ирригации, которые наметились на основе ее работ и исследований, проводившихся в Фергане в последующее время, были резюмированы в предварительном порядке в отдельной статье[5]. В ней была дана и таблица со схемой археологической периодизации земледельческих культур древней Ферганы с теми дополнениями и поправками, которые стали возможными с учетом этих новых материалов.

В графы таблицы вошли предлагаемые определения общественного строя, деление на периоды и намечаемые, как возможные для первых двух периодов, хронологические этапы. В ней также даны условные шифровые обозначения: — ФI для раннего периода, ФII для среднего и ФIII для позднего, примеры типичных для них памятников и характерные признаки ведущих типов керамики.

Изложение результатов полевых работ 1934 г. имеет целью ввести в научный оборот материалы этой экспедиции и, поскольку это стало теперь возможным, дополнить и уточнить наметившиеся ранее обобщения и выводы. В тексте отчета применяются условные шифровые обозначения предлагаемой археологической периодизации и приводятся обоснования ее построения.

ЗАДАЧИ И ОРГАНИЗАЦИЯ ФЕРГАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1934 г.

Хотя работы экспедиции 1934 г. имели определенные задания, главным образом по истории ирригации, нельзя было отделять тематику, непосредственно относящуюся к истории той или иной оросительной системы, от археологического изучения в целом тех периодов, когда эти системы создавались и использовались.

Так например, определение времени сооружения продолжавшего действовать или заброшенного уже древнего канала или датировка эпохи, в которую неиспользуемая сейчас площадь земель была орошена и заселена, для ранних периодов возможны лишь на основании археологических исследований, связанных с этими сооружениями древних поселений. Даты же абсолютной хронологии могли быть получены только на основе комплексов вещественных находок.

Таким образом, объектами исследования должны были явиться не только сама сеть древних каналов, заборные и распределительные узлы и т. п., но и связанные с ними археологические памятники данного района.

Представлялось также несомненным, что, ведя работу по изучению истории ирригации, необходимо захватывать весь круг вопросов истории общества, неразрывно связанной с развитием его производитель-

[5] Б. А. Латынин. Вопросы ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956; то же, в докладе на Первом совещании археологов и этнографов Средней Азии. КСИЭ, вып. XXVI, М., 1957, стр. 12—15.

ных сил, которое для земледельческих культур Средней Азии и определялось, в основном, возникновением и последующим развитием орошения.

Составленный с учетом этого план работ Ферганской экспедиции предусматривал в 1934 г.: 1) разведочные раскопки поселения архаического типа, обнаруженного при разведках 1933 г. в районе Хакулабада на городище у Эйлатана; 2) дополнительное обследование древней оросительной системы в Кызыл-ярской степи в целях уточнения устройства головной части ее магистрального канала; 3) дополнительные, главным образом стратиграфические, исследования небольшого холма (тепе) в районе Кугая, на котором разведочные раскопки были начаты в предыдущем сезоне; 4) археологическое обследование зон Шарихансайской и Исфаринской ирригационных систем для получения материалов по истории их возникновения и развития.

Работы выполнялись в сентябре — ноябре 1934 г. отрядом сотрудников Государственного Эрмитажа в составе А. П. Манцевич, Т. Г. Оболдуевой и Б. А. Латынина.

ГОРОДИЩЕ ШААРИ-ХАЙБЕР У ЭЙЛАТАНА

В самом конце полевых работ 1933 г., при обследовании большого городища Шаари-Хайбер у кишлака Эйлатан близ Хакулабада, были встречены образцы керамики, принадлежавшей к наиболее архаическому из известных тогда в Фергане керамических комплексов. Этих же типов керамика оказалась обнаруженной и в нижнем горизонте тепе, раскопки которого были начаты в 1933 г. на полях Нарынского совхоза, у Кугая[6].

Городище Шаари-Хайбер расположено в 1,5 *км* на восток от железнодорожной станции Хакулабад. Оно имеет форму не совсем правильного квадрата размерами около 500 × 500 *м*, ограждено достигающими 4—5 *м* высоты валами (оплывшими сырцовыми или глинобитными стенами). В толще валов, на расстоянии 55—60 *м* друг от друга, хорошо заметны выступающие бугры оплывших башен. Городище в южной части перерезано с востока на запад полотном железной дороги Андижан-Наманган[7].

В юго-западном углу городища, где на его территорию заходят постройки небольшого кишлака Эйлатан, валы почти уничтожены. Южной стороной оно примыкает к обрывистому склону террасы над низиной поймы правого берега Кара-Дарьи. Почва городища довольно сильно засолена. Предгорная степь, прилегающая к нему с севера и северо-востока, до конца 20-х годов, пока сюда не был проведен новый магистральный канал из Нарына и на вновь орошенных землях не были разбиты хлопковые поля, в большей своей части пустовала или лежала под багарными перелогами.

На расстоянии 0,5 *км* от описанной ограды городища проходит его вторая, внешняя, ограда валов (стен), с такими же выступами оплывших башен. Направление их совпадает с направлением внутренней ограды, так же как совпадают их высота, профили и расстояния между выступами башен (рис. 1).

Валы внешней ограды сравнительно хорошо сохранились лишь с восточной стороны городища и в северо-восточном его углу. Остальная часть северного вала сильно повреждена. По его гребню проходила дорога. Северо-западный угол внешней ограды находился под постройками кишлака Кюль-тепе, и валы его почти совершенно уничтожены.

По тем незначительным остаткам валов, которые еще местами были заметны в садах и полях, окружающих кишлак, представляется вероятным, что валы внешней ограды городища подходили к расположенному здесь огромному холму Кюль-тепе. В южной части городища валы внешней ограды не прослежены.

Выходов культурного слоя на площади между внешней и внутренней оградой валов при наружном осмотре почти не замечалось. В северо-восточной ее части расположено несколько небольших сильно оплывших тепе. Площадь же внутреннего городища вся покрыта невысокими разложистыми холмообразными возвышениями, на поверхности которых и в обрезах

[6] Б. А. Латынин. Работы в районе..., стр. 141, 134 и рис. 118.

[7] Там же, карта на стр. 121 (городище под № 7) и рис. 112.

различных выемок в довольно большом количестве были обнаружены обломки керамики.

Эта керамика делилась на две резко отличных группы: архаических типов, лепную, иногда покрытую жидкой, лиловатой красной облицовкой, а в отдельных случаях и со следами черной росписи, периода ФI намечаемой для древней Ферганы периодизации, и изготовленную на ножном гончарном круге, иногда с тусклым, сургучно-красным ангобом. Последняя группа характерна для памятников периода ФIII.

Керамика с густым блестящим оранжево-красным ангобом и прочерченным сквозь него орнаментом, характерная для периода ФII, на городище не встречалась. Она была обнаружена только при сборах на поверхности Кюль-тепе и в нижних слоях разведочного раскопа, заложенного еще при работах 1930 г. у его подошвы. Поливная керамика в сборах на городище отсутствовала вовсе.

Для разведочных раскопок в 1934 г. было выбрано низкое, расплывчатое тепе в северо-восточном углу внутренней ограды, на котором в 1933 г. были сделаны первые находки архаической керамики. По данным предварительного обследования здесь с наибольшим вероятием можно было ожидать присутствия древних напластований в ненарушенном виде, хотя и в целом ряде других точек северо-восточной части внутреннего городища и на поверхности его валов также встречались обломки керамики архаических типов.

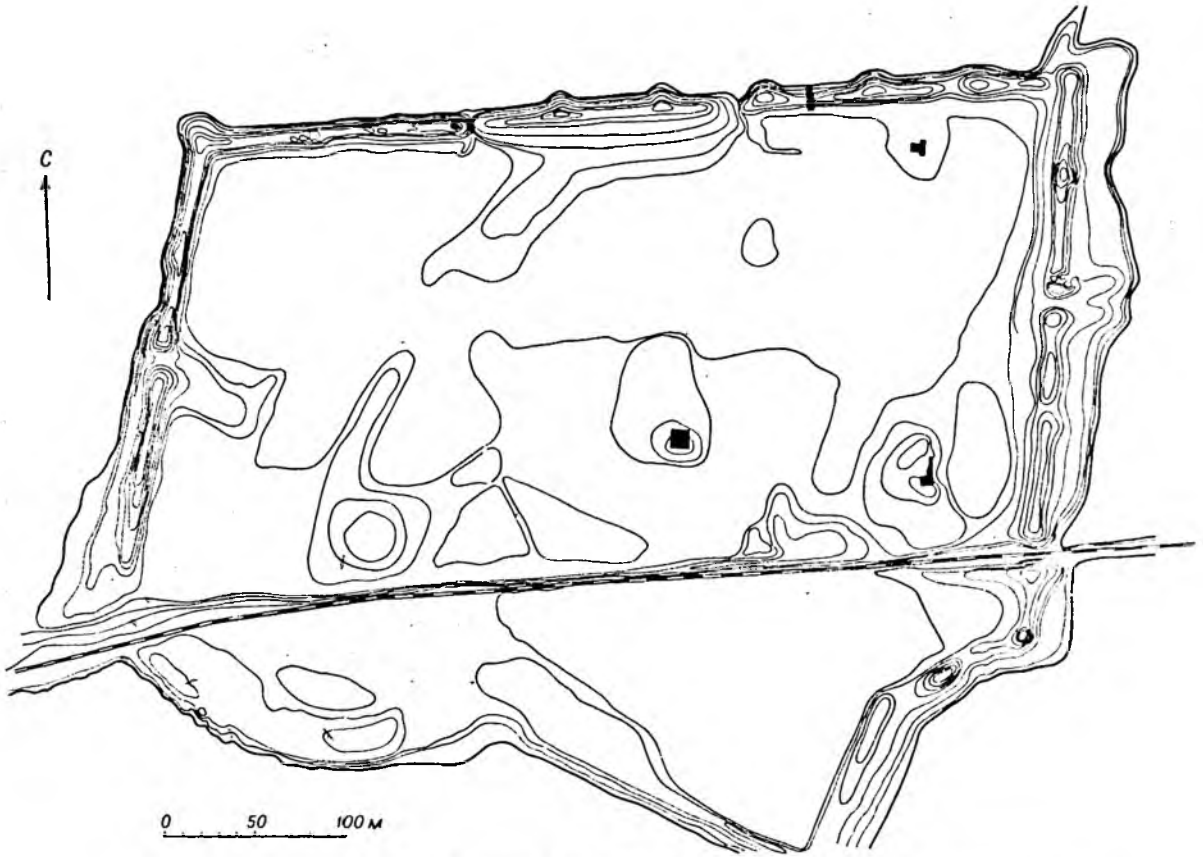

Рис. 1. Внутреннее городище Шаари-Хайбер у Эйлатана (по Ю. А. Заднепровскому).

К основному раскопу «А», площадью в 30 $м^2$, ориентированному по странам света и заложенному на восточном склоне тепе, в процессе работ были присоединены с севера и юга добавочные раскопы «В» и «С», так что общий размер вскрытой площади

достиг 42 *м*² (рис. 3). Заложенный разведочный раскоп являлся, по существу, большим стратиграфическим шурфом, целью которого было установить культурные напластования холма и условия залегания в них слоя с архаической керамикой.

отдельные угольки и небольшие линзы золы. Остатков ненарушенной кладки стен в двух верхних слоях не обнаружено. Толщина слоя 0,25—0,3 *м*.

3. Еще ниже залегал на 0,3—0,4 *м* слой аморфного коричневого рассыпчатого лесса,

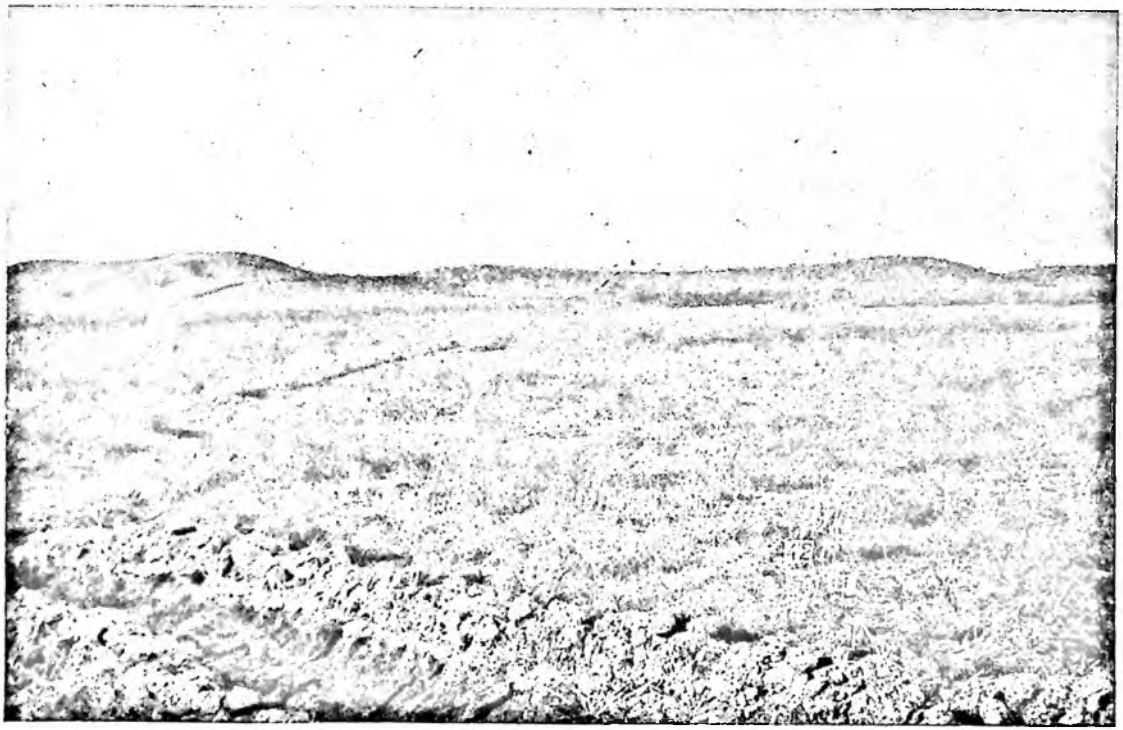

Рис. 2. Вид с места раскопа на восточный вал внутреннего городища у Эйлатана.

Последовательное поквадратное снятие горизонтов по 0,2 *м* (рис. 5) и затем расчистка нижнего горизонта 3-го слоя вскрыли следующее, начиная сверху, чередование слоев.

1. Под тонкой, слабо гумусированной дерновой прослойкой залегли желтый твердый лесс с редкими включениями культурных остатков, аналогичных находкам, характерным и для нижележащего 2-го слоя. Толщина 0,2—0,25 *м*.

2. Ниже шел слой лесса более темного оттенка, имевший довольно ясно заметную комковатую структуру оплывших сырцовых вальков. Как и 1-й, верхний, слой, его характеризовали обломки керамики периода ФIII, изготовленной на ножном гончарном круге и иногда покрытой сургучно-красным ангобом. Поливной керамики нет. Заметны прорезанного толстой прослойкой и линзами золы с вкраплениями мелких углей. В квадратах северной части раскопа она насыщена золой слабее, переходя в смешанные зольно-лессовые линзы. В этом слое, но преимущественно в нижнем его горизонте, обнаружено большое количество обломков лепной керамики (рис. 6) архаических типов, с поверхностью, иногда покрытой жидким слоем красной красочной облицовки. На кв. 29 расчищен фрагментированный глиняный котел с закопченными толстыми стенками, стоявший на небольшом кострище. Обломки керамики из нижнего культурного слоя в ряде случаев склеиваются, образуя крупные фрагменты сосудов.

Среди других находок в нижнем слое следует отметить овальную подвеску с просверленным отверстием у края, сделанную

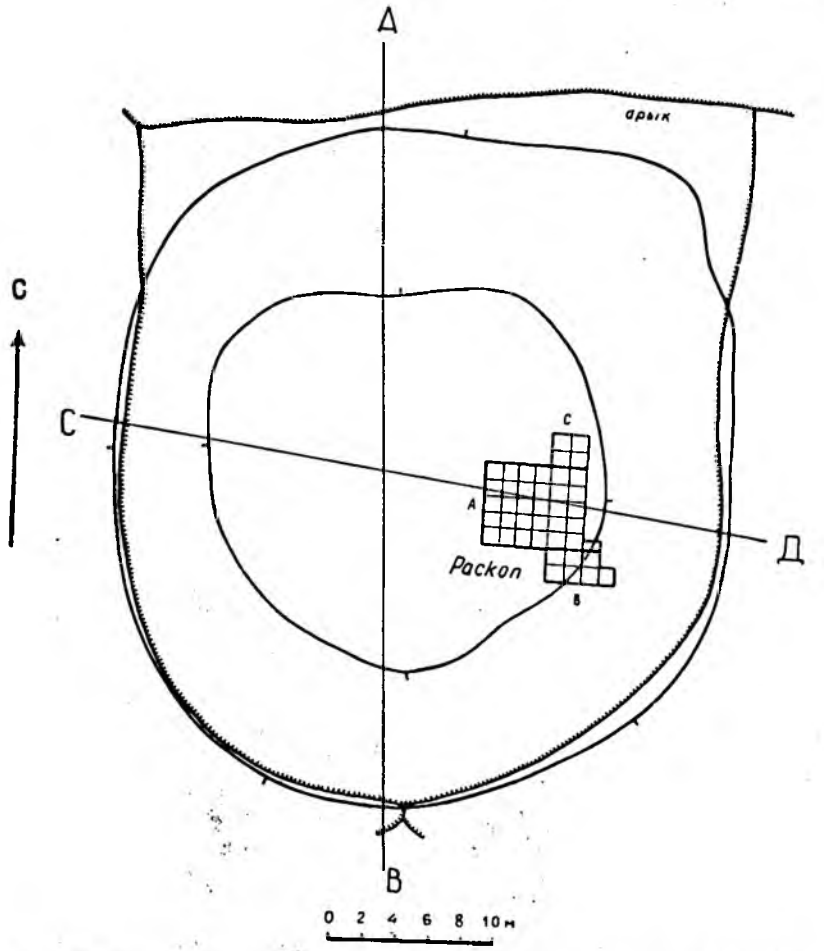

Рис. 3. План расплывчатого тепе близ северного вала внутреннего городища у Эйлатана и заложенного на нем раскопа.

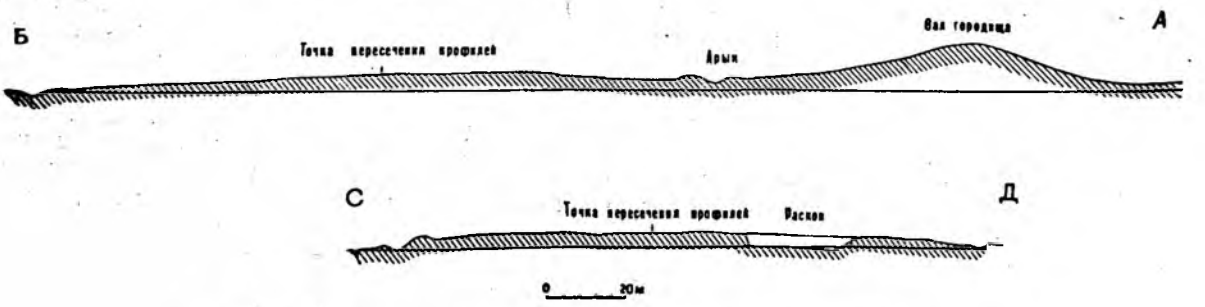

Рис. 4. Разрез того же тепе на внутреннем городище у Эйлатана.

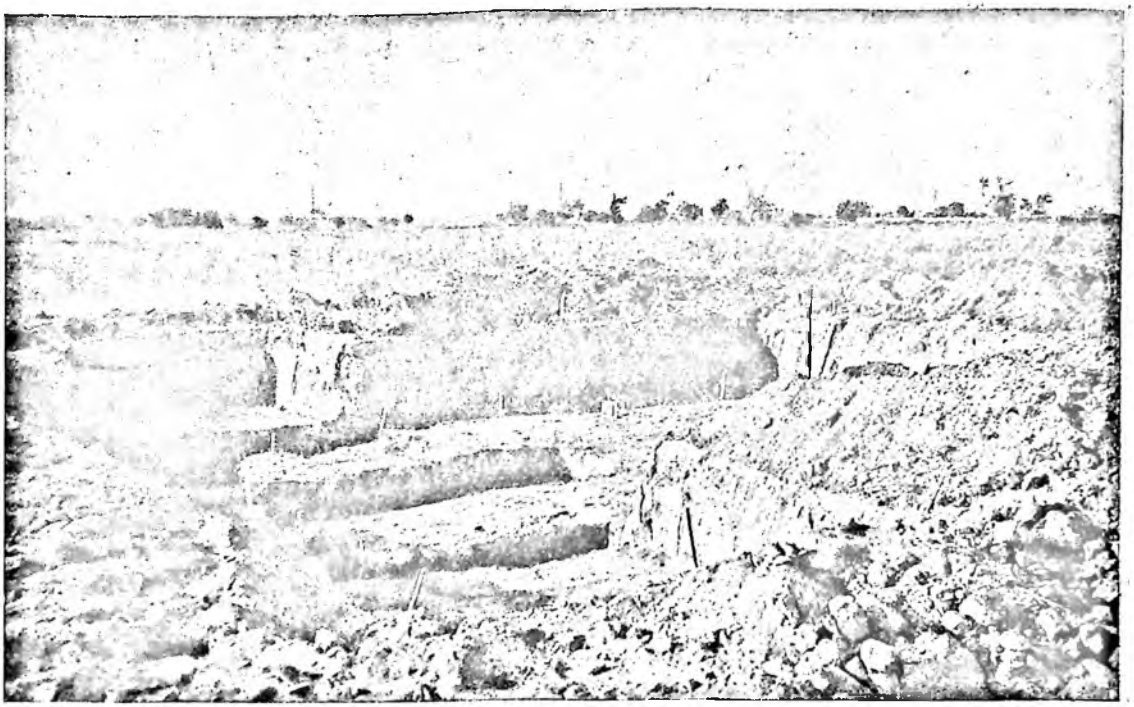

Рис. 5. Вскрытие квадратов 3-го (нижнего) слоя раскопа. Вид с юго-востока.

из обточенного по краям обломка стенки сосуда архаического типа, фрагмент прекрасно отполированной небольшой булавы из белого мраморовидного камня и узкую каменную ручную зернотерку. Другая зернотерка, но более массивная и широкая, была найдена выше, во втором слое.

На глубине 1 *м* залегание культурных слоев заканчивается (рис. 7). Раскоп дошел до нерушенного материкового грунта— плотного аморфного лесса с вкраплениями мелких конкреций гипса.

Работы 1934 г. на площади внутреннего городища у Эйлатана вскрыли, таким образом, в нижнем слое разведочного раскопа остатки поселения, относящегося к наиболее раннему из известных в то время этапов истории земледельческой Ферганы. Хотя ясных следов жилищ и не было прослежено, но метаморфизованный, рыхлый лесс с прослойками золы в третьем слое раскопа, вероятнее всего, образовался в результате разрушения остатков сырцовой кладки.

Возможно, что вскрытый участок поселения являлся двором какого-то жилища, а место самой постройки расположено где-то под оставшейся еще не раскопанной частью холма [8].

Разность структуры и граница нижнего (3-го) слоя и двух верхних, позднейших, несомненно принадлежащих к одной эпохе и несколько отличавшихся только в результате большого воздействия на верхний горизонт внешних естественных факторов, прослеживались с большею ясностью. Стратиграфическое соотношение слоев не оставляет сомнений.

Предположение, высказанное еще на основе находок в 1933 г. фрагментов керамики архаических типов в насыпи валов внутреннего городища Шаари-Хайбер, о том, что городище с его стенами и башнями, относится к сравнительно позднему времени и возникло на месте более древнего поселения, получило подтверждение в стратиграфической последовательности обнаруженных раскопками культурных напластований.

[8] При дополнительных разведочных раскопках, произведенных на Эйлатанском городище в 1952 г. Ю. А. Заднепровским, в нижнем слое были обнаружены остатки сырцовых стенок. См. Ю. А. Заднепровский. Городище Эйлатан. СА, 1960, № 3, стр. 31, рис. 3.

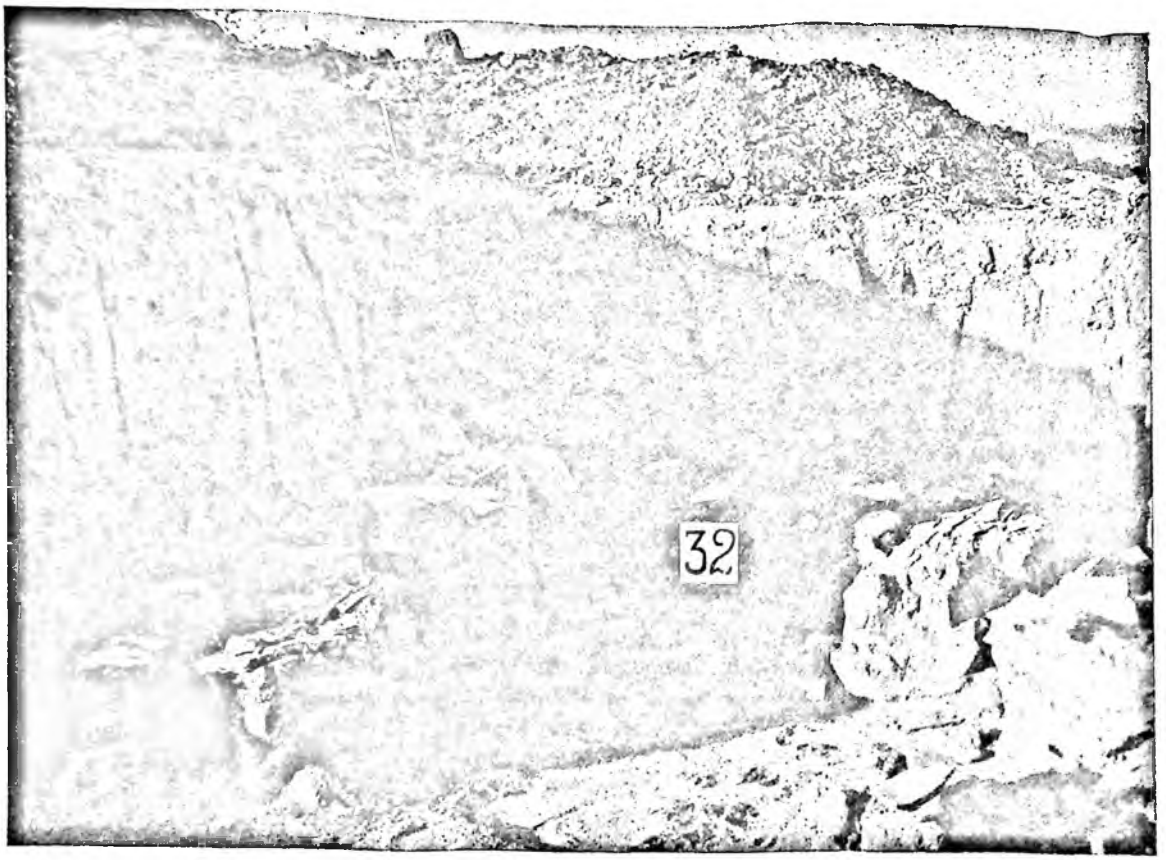

Рис. 6. Расчистка нижнего культурного слоя.

Отсутствие стерильной прослойки между двумя верхними, позднейшими слоями, отложившимися в процессе разрушения сырцовых построек укрепленного раннесредневекового города, и нижним слоем, относящимся к первоначальному поселению, вполне естественно в условиях образования почвенного покрова на лессовых суглинках Ферганы. Оно не может быть понято, как показатель непрерывности обитания этого пункта. Наоборот, полная метаморфизация лесса, образующего нижний, насыщенный золою слой и хорошая сохранность комковатой структуры его во втором (среднем), говорит за то, что образование нижнего и двух верхних слоев исследованного тепе отделены друг от друга весьма значительным промежутком времени. Этот промежуток падает на все протяжение периода ФII, керамика которого в наслоениях тепе не обнаружена.

Разведочные раскопки на Эйлатанском городище у Хакулабада и малого тепе на землях Нарынского совхоза в районе Кугая, описание которых приводится ниже, не были непосредственно связаны с изучением какой-либо из оросительных систем. Однако они явились существенным звеном в работе над вопросами истории ирригации, заставив обратить внимание на природные условия и некоторые гидрологические особенности расположения памятников с архаической крашеной керамикой периода ФI по окраинам низин.

Они позволили также сделать ряд стратиграфических наблюдений и получить комплексы керамики, относительная хронология которых определялась объективными данными стратиграфии. Намечаемая археологическая периодизация получила, таким образом, подтверждение и дополнительные обоснования, а характеристику и классификацию керамики представилось

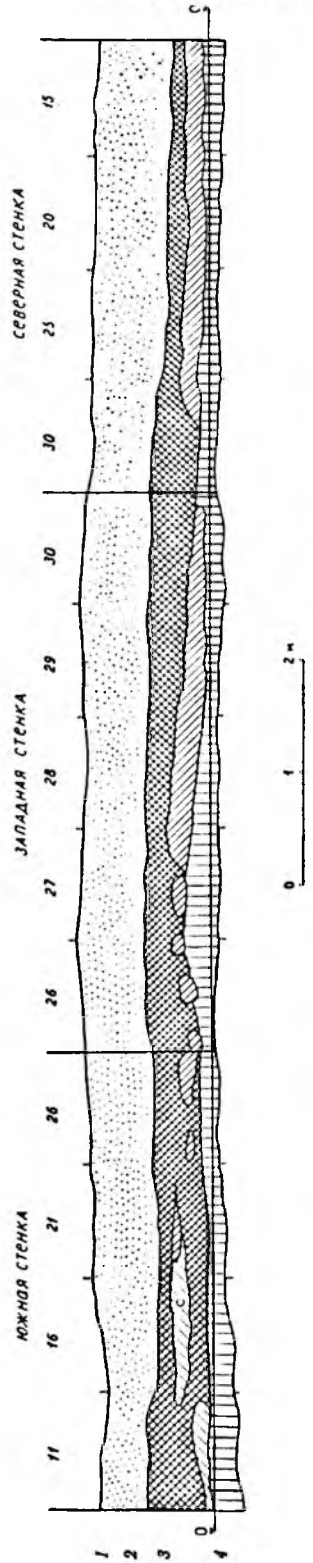

Рис. 7. Разрез по стенкам раскопа А:
1, 2 — два верхних слоя; *3* — третий нижний слой с зольными прослойками; *4* — материковый лесс.

возможным значительно уточнить и расширить.

Это прежде всего относится к комплексу ферганской архаической крашеной керамики, впервые обнаруженному при раскопках у Эйлатана в ненарушенном культурном слое (рис. 8).

Он значительно отличался от всех других более поздних комплексов, выявленных работами Ферганской экспедиции в 1930 и 1933 гг. и в предварительном порядке описанных в упоминавшемся ее отчете.

При несомненной близости ряда характеризующих его признаков этот комплекс делился на несколько керамических типов, определявшихся, очевидно, различным бытовым назначением посуды.

Прежде, чем давать их описание, можно кратко охарактеризовать эти общие для всего комплекса признаки следующим образом.

Масса (лессовая глина) — серовато-черных, иногда коричневато или красновато-серых оттенков от действия восстановительного и нейтрального пламени при обжиге без гончарных печей (горнов). Она пориста, обычно со следами измельченной растительной примеси, выгоравшей при обжиге и оставившей мелкие пустоты, хорошо заметные в изломе черепка и на поверхностях сосудов. В массе имеется и обычная примесь песка, — очень мелкого у небольших, тщательнее изготовленных и отделанных сосудов с лощеной или окрашеной поверхностью, и более крупнозернистого у сосудов больших размеров хозяйственного назначения. Излом черепка довольно ровный, но не острый, сам черепок не звонкий.

Профили сосудов и линии окружностей довольно симметричны. Толщина стенок равномерная и относительно небольшая, хотя вылеплены сосуды от руки, без гончарного круга, на покрытой тканью болванке (матерчатой, насыпанной песком, или, что вероятнее для сосудов открытых форм, — на покрытом тряпкой выпуклом дне перевернутого сосуда), так что на внутренней их поверхности иногда сохраняются ее отпечатки[9]. По крайней мере

[9] Об этой технике см., например: М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3, стр. 179; Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, стр. 28.

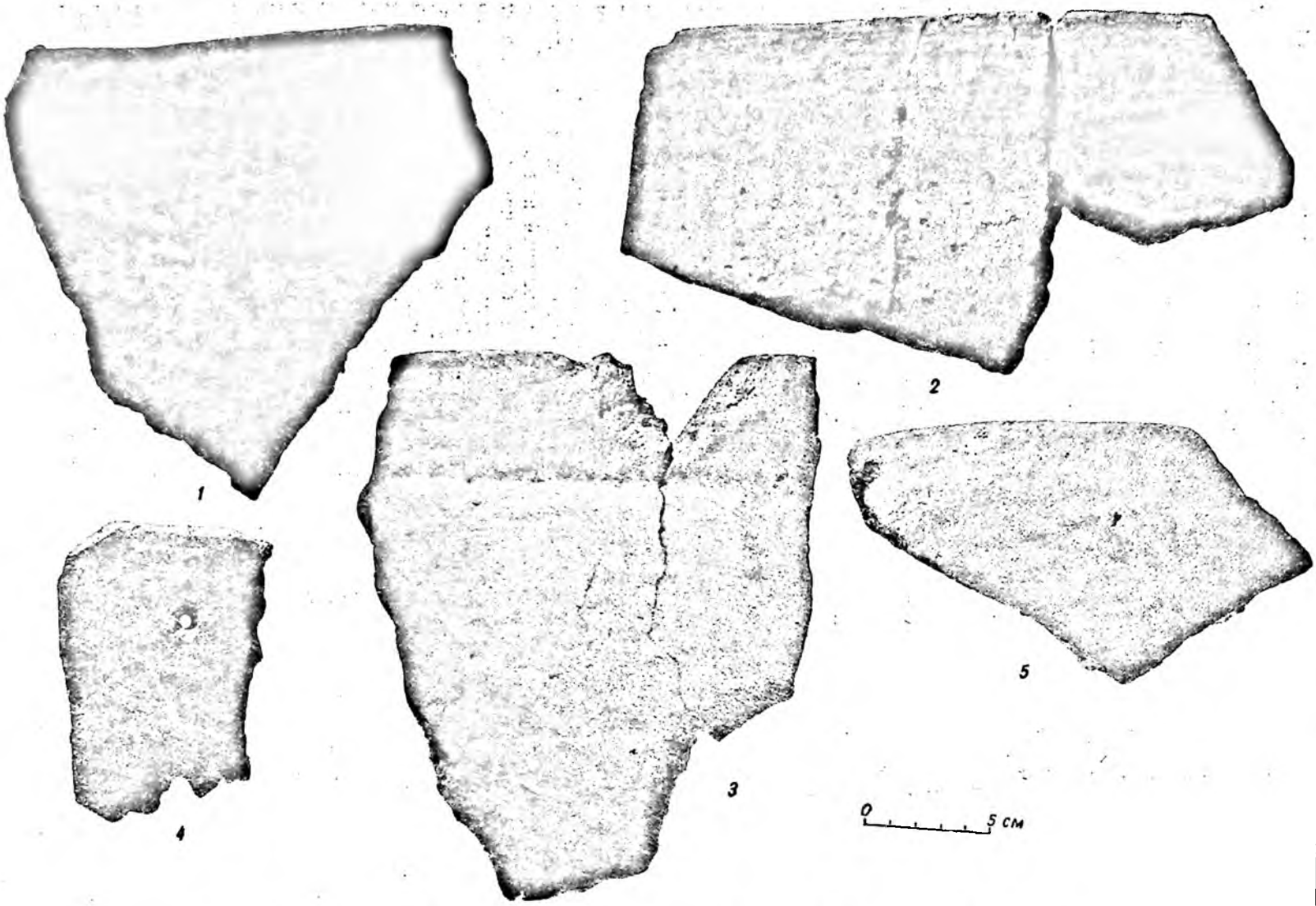

Рис. 8. Лепная крашеная керамика из 3-го (нижнего) слоя раскопа на Эйлатанском городище:

1, 2, 3 — с жидкой лиловато-красной красочной облицовкой и полосой краски вдоль края сосуда; *4, 5* — только с красочной облицовкой.

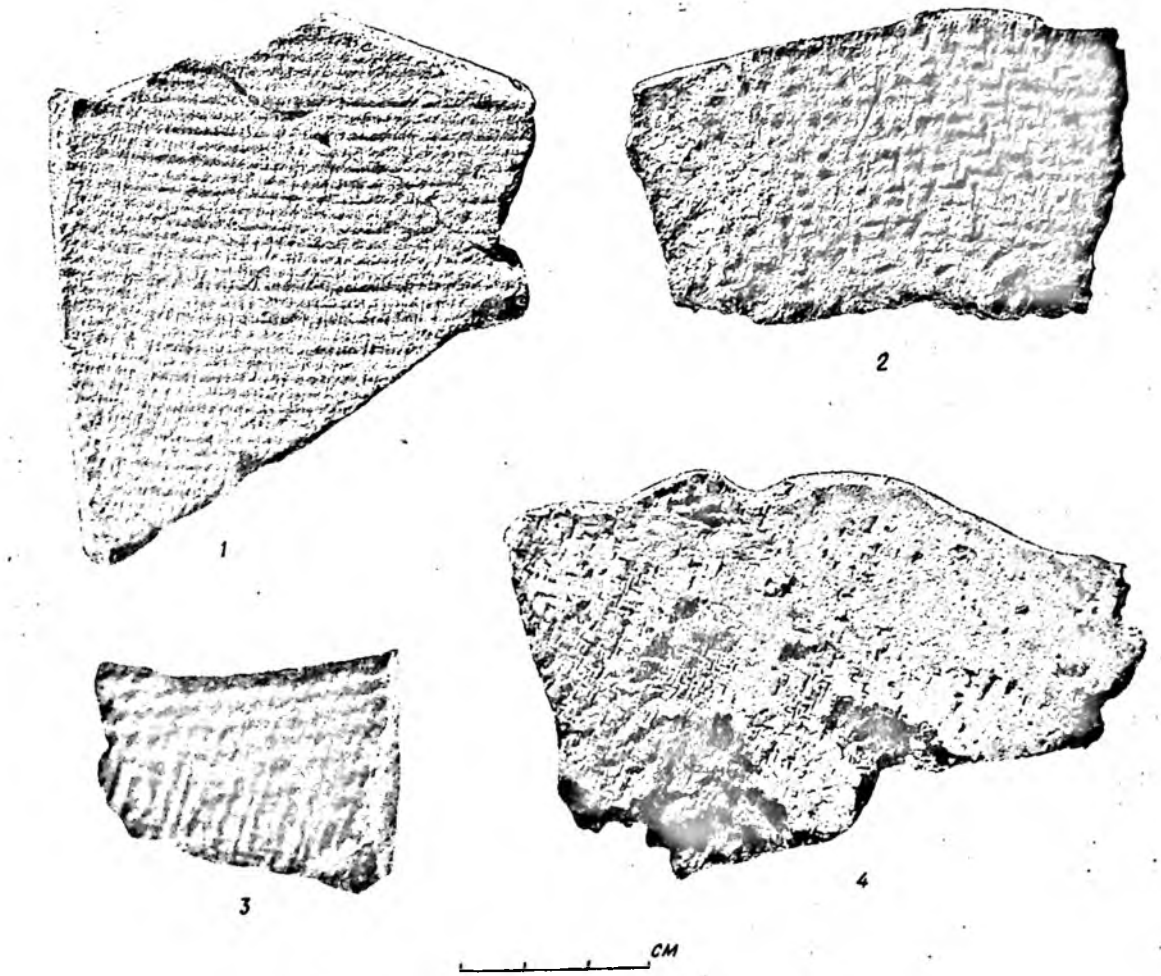

Рис. 9. Отпечатки ткани на лепной эйлатанской керамике:
1, 4 — тонкостенная; *2, 3* — „кухонная" керамика.

в отношении сосудов больших размеров, можно с уверенностью сказать, что стенки их наращивались при лепке лентами. Хорошо заглаженная и обычно лощеная поверхность более мелких, тщательнее изготовленных чаш и горшков, не дает возможности судить о том, применялась ли ленточная техника и при их изготовлении. Ее применение, однако, вполне вероятно. Одной из типичных особенностей этой керамики является сеть мелких трещинок, покрывающая лощеные поверхности сосудов.

Отпечатки на крупных «кухонных» сосудах воспроизводят грубую, толстую, так называемую «репсовую» или «саржевую» ткань (рис. 9, *1—3*). Они иногда имеются и на наружной поверхности плоского дна, хотя редко, но встречающегося у крупных сосудов хозяйственного назначения. Это следы хорошо известного примитивного приема лепки на матерчатой подстилке, дававшей возможность поворачивать сосуды при формовке и снимать их с места еще сырыми, сразу по изготовлении. У сосудов меньших размеров, сохраняющиеся иногда на внутренней их поверхности отпечатки передают более тонкую ткань косого, «саржевого» или, реже, прямого, «полотняного» переплетения. Следы ткани при сглаживании поверхности замазывались сверху (как бы замывались мокрой рукой)

тонким слоем разжиженной глины, а у некоторых типов посуды они заравнивались еще и при последующем лощении. Особенно заметны следы такой замывки, когда сколовшийся тонкий поверхностный слой обнажает скрытый под ним участок с отпечатками, настолько уже подсохшими к моменту заглаживания, что слой жидкой глины не уничтожил, а только покрыл их сверху (рис. 9, *4*).

Это, так же как и матерчатые подкладки под дно при лепке, позволяет установить известную уже расчлененность процесса изготовления глиняной посуды на отдельные операции. Сосуды изготовлялись не каждый в отдельности и полностью от начала и до конца, а по нескольку за один раз, сперва формуя их, затем заглаживали у всех поверхности и т. д.

Будучи, вероятно, женским и, несомненно, не выделившимся как ремесло, а лишь домашним, для своих потребностей, производством, гончарство, видимо, входило в общую систему хозяйства и едва ли не имело того сезонного характера, которое оно имеет, например, в сохранившем весьма древние, архаические черты женском производстве керамики у горных таджиков. Это производство хорошо теперь изучено, главным образом благодаря работам Е. М. Пещеревой, и дает прекрасные этнографические параллели, позволяющие яснее и глубже понять многие археологические материалы [10].

Все это, так же как и конструктивно неразвитые формы сосудов, преимущественно полусферических или округленно-конических очертаний со слегка лишь уплощенным дном, отсутствие закраинок на венчиках и прилепных ручек, не только дужкой, но и более простых форм (кольчатых, плоских, трубчатых), дает сумму признаков весьма еще примитивной и архаической керамики, характерной для хозяйства первобытнообщинного строя. В сочетании с не менее архаическими приемами обработки поверхностей сосудов сплошным лощением, покрытием их жидкой красной красочной облицовкой, а иногда и черной «геометрической» росписью, эти признаки ставят керамический комплекс из нижнего слоя Эйлатана в один типологический ряд с архаической крашеной керамикой очень ранних земледельческих культур Передней Азии.

Ближайшей типологической аналогией ферганского комплекса архаической крашеной и расписной керамики, эйлатанские типы которой, как выяснилось впоследствии, представляют собой относительно поздний уже его вариант, будет керамика раннего Анау (Анау I) и подобных ему памятников южной Туркмении.

У подножий Копет-дага, при несовпадении темпов хода развития исторического процесса, она будет более ранней по датам абсолютной хронологии. Однако расписная керамика раннего Анау явится, по-видимому, аналогичной ферганской не только типологически, но и по уровню развития и характеру создавших их культур. И там, и здесь они базировались на близких, очень ранних формах поливного земледелия, были близки по строю общества, а, вероятно, и по этнической общности племен древней Туркмении и древней Ферганы.

Как уже указывалось, при близости ряда признаков всего ферганского комплекса архаической лепной керамики по некоторым особенностям, и прежде всего по различию приемов обработки поверхностей сосудов, в нем можно выделить несколько отдельных типов.

1-й тип. Сосуды тщательной изготовки с наружной поверхностью, покрытой слоем жидкой лиловато-красной красочной облицовки и сплошным лощением, переходящим у чаш и на внутреннюю поверхность. Иногда по этому красноватому фону темно-бурыми (видимо, выгоревшими черными) узкими полосами краски нанесена роспись. Обычно, поскольку можно было судить по имевшимся образцам, это опоясывающие полосы (рис. 8, *1—3*) и ряды заштрихованных вкось или в сеточку треугольников.

2-й тип. Вполне аналогичен 1-му, но лощеные поверхности сосудов не имеют красочной облицовки и росписи.

Из форм сосудов (рис. 10) для обоих типов характерны небольших размеров полушарные и более глубокие, конические, с выпуклыми стенками чаши и округлые горшочки с наклоненными внутрь или слабо отогнутыми краями. Дно округлое или слегка уплощенное.

[10] Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959.

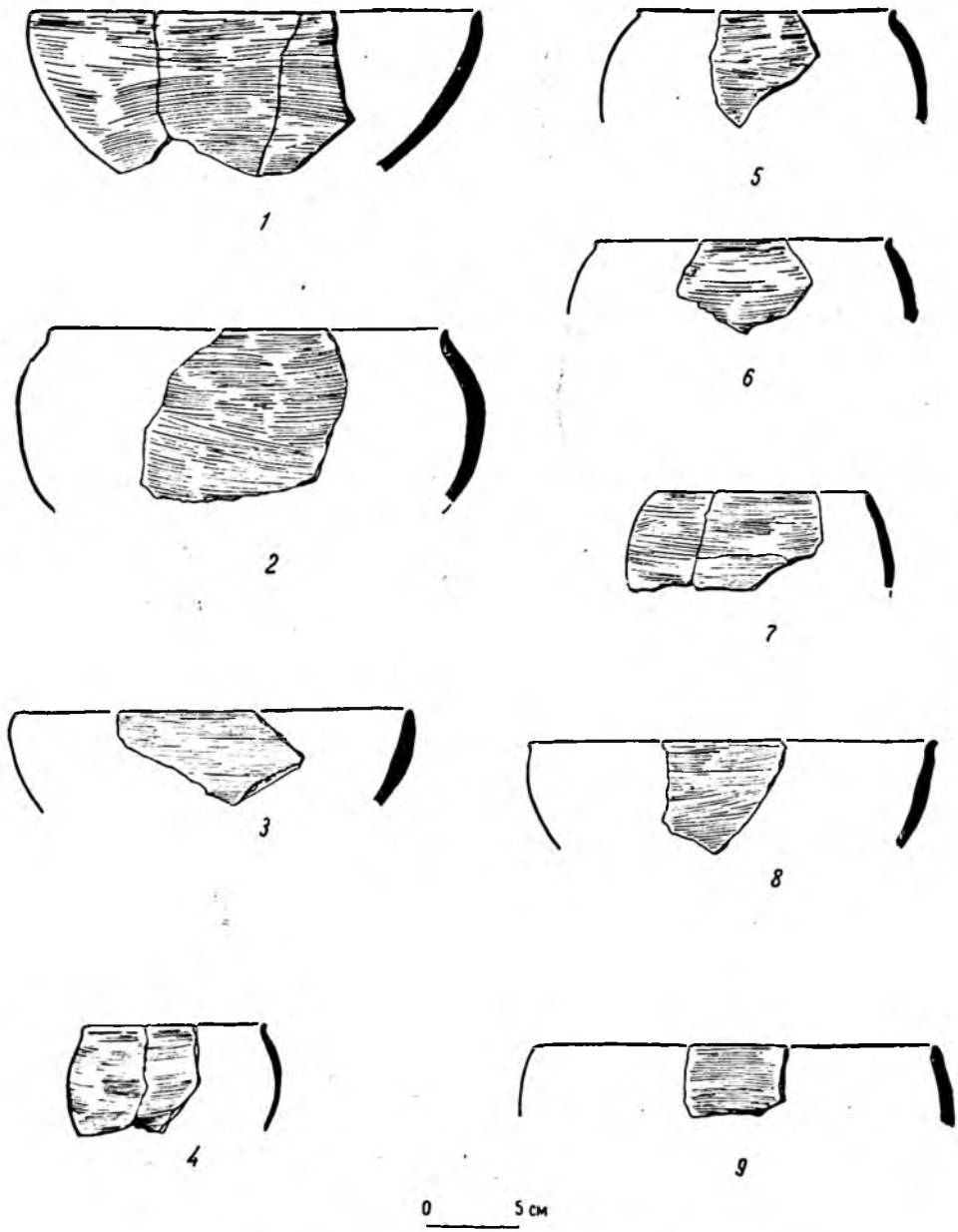

Рис. 10. Профили эйлатанской лепной крашеной керамики.

3-й тип. Менее тщательно изготовленная посуда, без лощения поверхностей, но с красочной облицовкой, которая располагается нешироκой полосой лишь по наружному и внутреннему краям сосудов. Формы те же, только сосуды 3-го типа имеют обычно большие размеры, чем в двух предыдущих типах.

4-й тип. Грубая, с примесью крупнозернистого песка и известняковой дресвы, слабее обожженная, с неровной, серой поверхностью «кухонная» посуда. Сосуды, в своем большинстве, средних и больших размеров, иногда плоскодонные (рис. 11, *5*). К этому типу принадлежит и большой полушаровидной формы котел с округлым

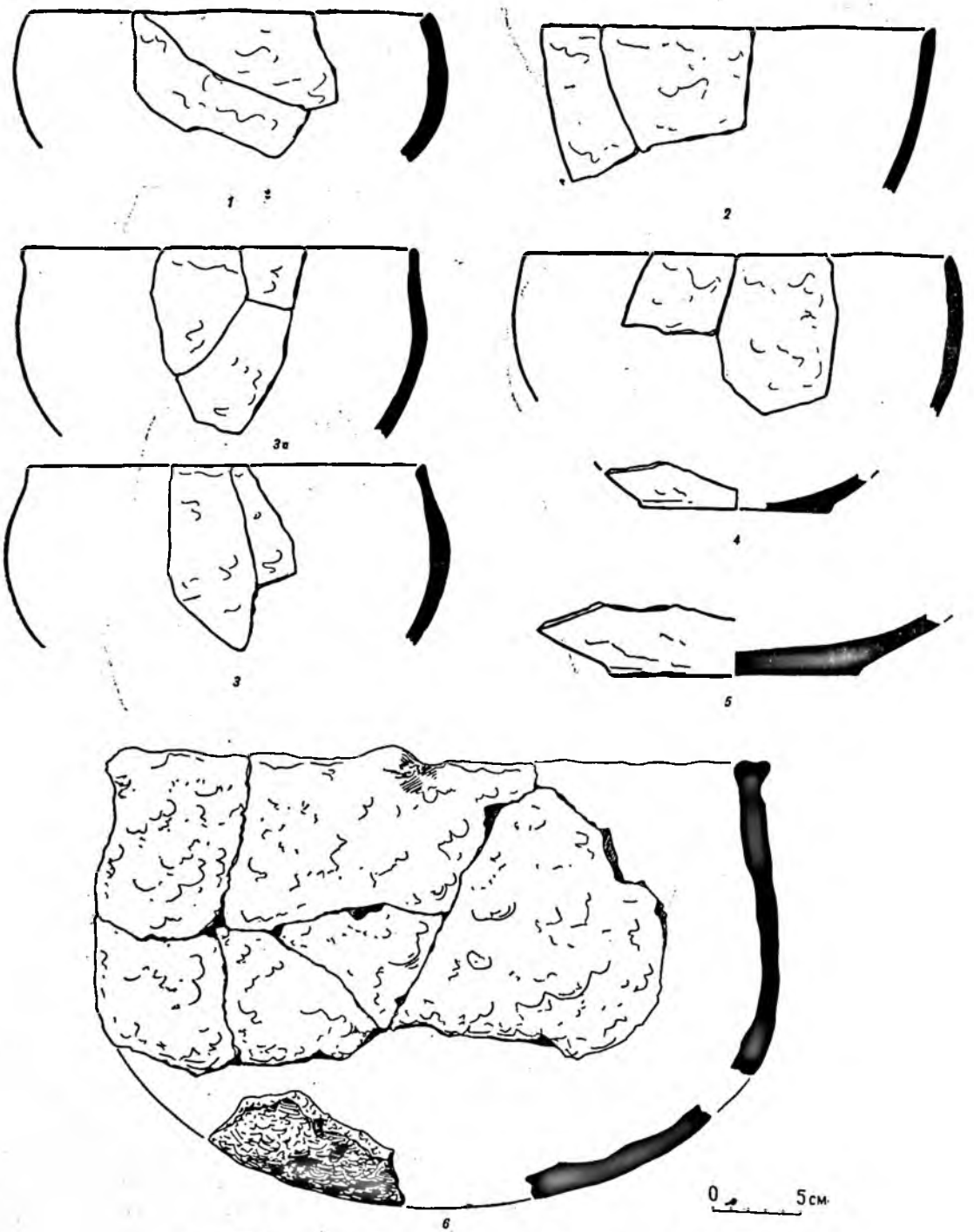

Рис. 11. Профили эйлатанской лепной „кухонной" керамики.

дном и коническими выступами у краев, обнаруженный на кострище открытого очага при расчистке нижнего горизонта третьего слоя (рис. 11, *б*). Верхняя часть его наружной поверхности черная, видимо, далеко на западе, между Днепром и Дунаем, почти во все длительное время существования трипольской культуры (этапы B, C и γ), грубая, слабого обжига «кухонная» посуда с примесью к глине толченой ракоокрашенная, низ желтовато-серый, возможно от слабого вторичного прокаливания на углях очага.

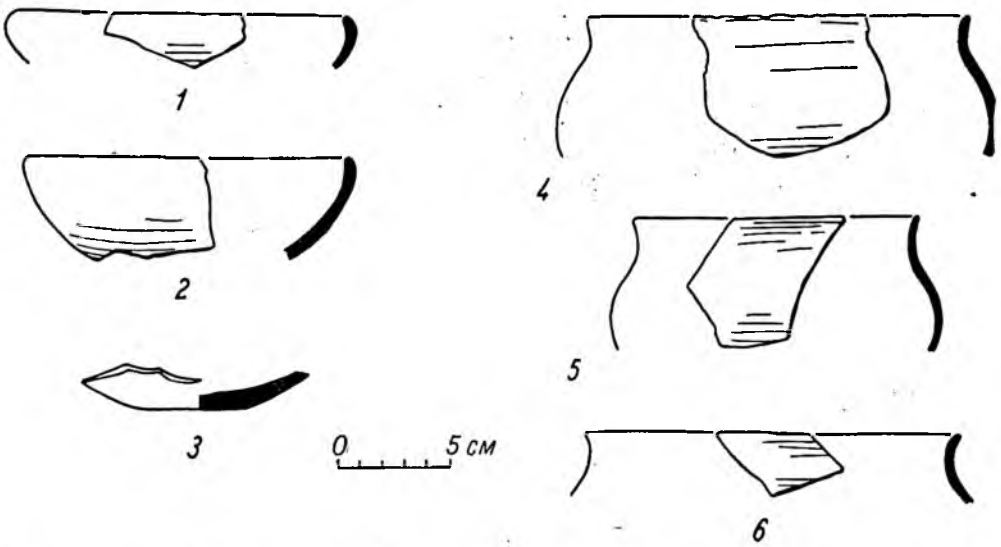

Рис. 12. Профили станковой керамики архаического типа из 3-го (нижнего) слоя раскопа на Эйлатанском городище.

Примесь известняковой дресвы или толченых раковин [11] образует устойчивый «скелет» керамического теста и препятствует усадке и деформации при просушке. Но такая раковинная примесь не может выдержать сильного обжига, превратившего бы ее в негашеную известь, вызывающую разрыв стенок сосудов при соприкосновении с водой. Подобная «кухонная» посуда с примесью известняковой дресвы или раковин встречается и в более позднем комплексе керамики ФII.

Какие-то особые, ценные в хозяйстве свойства, едва ли ограниченные только меньшей усадкой и доформацией, обусловили возникновение и широкое распространение этого своеобразного приема изготовления керамики. Значительно раньше, вины также, например, сосуществовала вместе с прекрасно обожженной керамикой иных типов, без раковинной примеси.

При всей несомненности совершенной независимости этих явлений, а лишь явной их конвергентности, нельзя не обратить внимания на поразительное совпадение, очевидно, очень удачного для своего времени разрешения каких-то особых технологических задач гончарного производства, с одной стороны — в трипольской культуре энеолитической Европы, с другой — в древней Фергане.

5-й тип. Он сильно отличается от всех предыдущих, близких, в основном, друг к другу типов данного комплекса керамики, хотя и обнаружен вместе с ними в том же нижнем слое Эйлатана. Сосуды этого типа были представлены в раскопках 1934 г. небольшим количеством фрагментов тонкостенных малых размеров чаш, со слегка загибающимися внутрь или неширокими, прямыми, отогнутыми наружу краями, и горшочков (рис. 12). Изготовлены они из прекрасно выделанной глины

[11] Возможно, что это были створки ископаемых раковин. На находки их в культурном слое Чустского селища обратил мое внимание В. И. Спришевский.

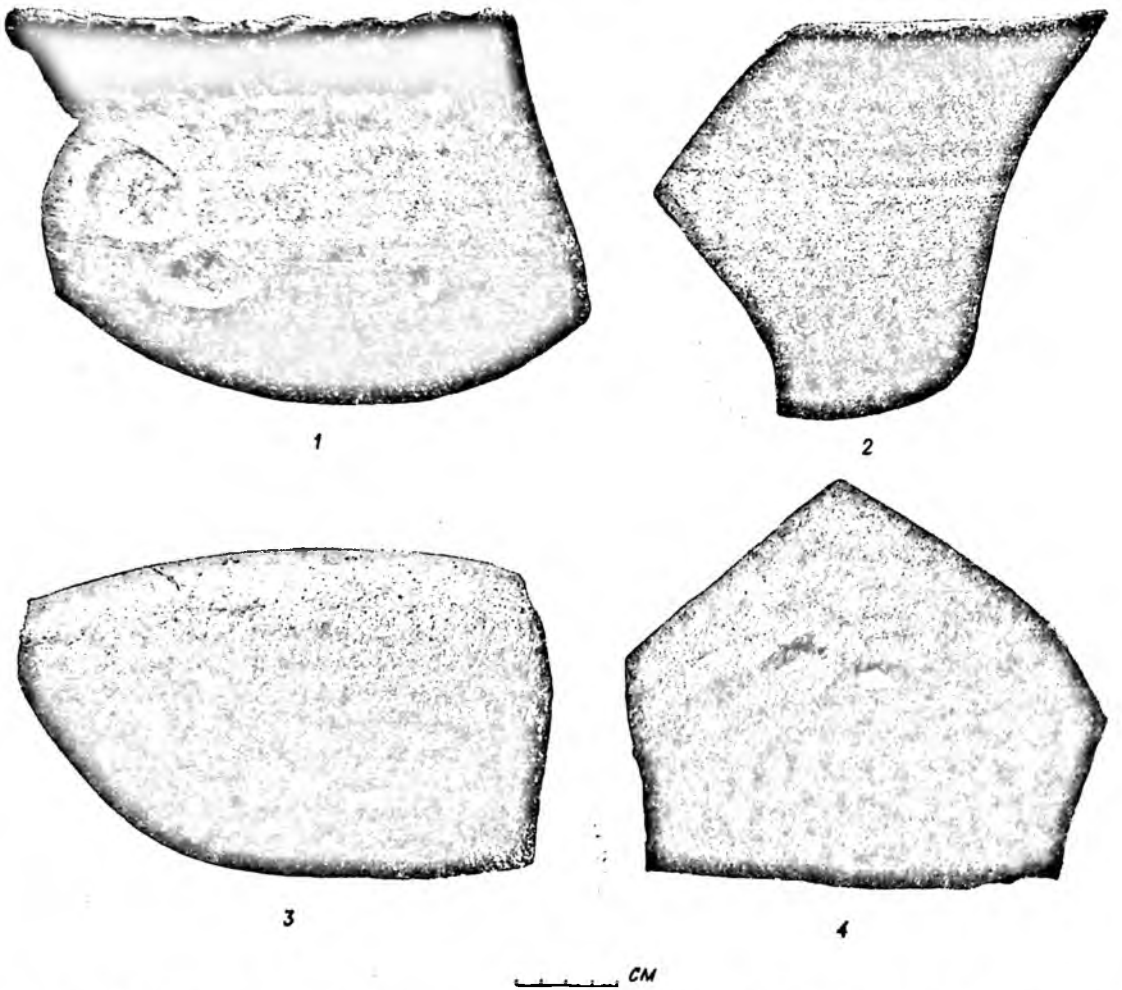

Рис. 13. Станковая керамика архаического типа из 3-го (нижнего) слоя раскопа на Эйлатанском городище.

с примесью мельчайшего песка. Примесь растительных частиц, обычная для других типов керамики эйлатанского комплекса, отсутствует. Обжиг окислительный, дававший плотный, желтовато-кофейных оттенков, крепкий, острый в изломе и звонкий черепок. Поскольку можно было судить по имеющимся фрагментам, сосуды 5-го типа не лепные, а изготовлялись на каком-то примитивном гончарном круге. Поверхности гладкие, но не лощеные и без облицовки. На крае одного фрагмента чаши нанесен ряд косых коротких оттисков зубчатого штампа (рис. 13, *1*).

По условиям залегания на разных участках вскрытого раскопом ненарушенного нижнего слоя Эйлатана нельзя было предположить случайное смешение этой керамики с остальными, более архаического облика типами эйлатанского керамического комплекса [12].

[12] Раскопки Н. Г. Горбуновой и Б. З. Гамбурга Актамского могильника близ г. Фергана в 1954—1959 гг. обнаружили керамику, очень близкую к эйлатанской. В числе других ее типов имеются и сосуды, совершенно тождественные керамике 5-го типа Эйлатана. Они оказались действительно изготовленными на очень, видимо, примитивном ручном круге-подставке и находились в ряде актамских погребений вместе с лепной расписной посудой, аналогичной эйлатанской (Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Ак-Тамский могильник. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 84, след. и рис. 30).

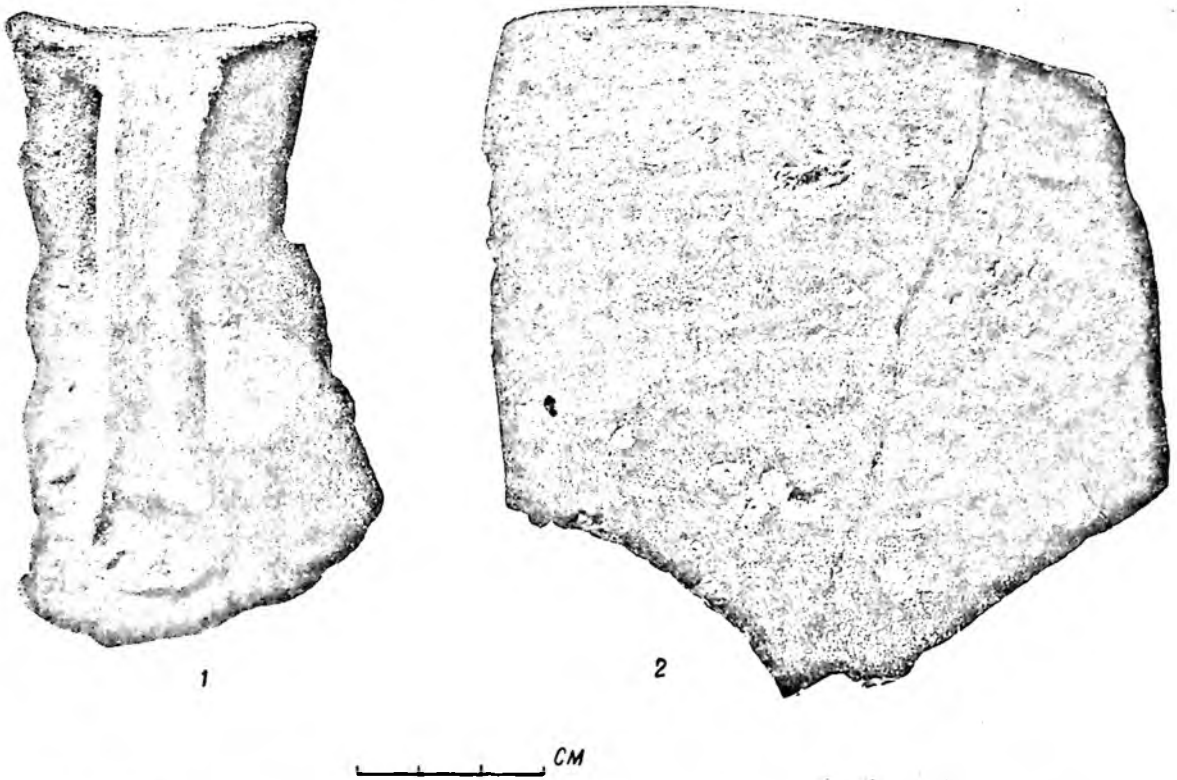

Рис. 14. Поздняя станковая керамика из верхнего слоя раскопа на Эйлатанском городище.

Поскольку можно судить по результатам обследований и разведочных раскопок, само городище Шаари-Хайбер у Эйлатана, с его двойным прямоугольным обводом стен и симметрично расположенными башнями, должно быть отнесено к раннему, до-мусульманскому средневековью, к периоду ФIII, приближенно датируемому V—VII вв. н. э. В систему его оборонительных сооружений, возможно, оказался включенным как цитадель уже существовавший здесь ранее холм Кюль-тепе, нижние слои которого датируются керамикой еще периода ФII, т. е. концом первого тысячелетия до н. э. — первыми веками н. э.

В верхних горизонтах насыпи Кюль-тепе при работах 1930 г. была встречена керамика, характерная для периода ФIII — та же, что и в двух верхних слоях раскопа на городище (рис. 14). В одной из позднейших ям близ вершины Кюль-тепе был обнаружен и круглый каменный жернов. Эти верхние горизонты холма и прилегающей к нему возвышенной площадки, очевидно, и относятся к тому времени, когда он был занят раннефеодальным замком или являлся цитаделью города.

Восточной своею частью этот укрепленный город, покинутый к VIII в. н. э., видимо, местами перекрыл остатки значительно более древнего поселения. Оно характеризуется керамикой архаических типов, относящихся к периоду ФI, но, как показали исследования, проводившиеся в Фергане в последующие годы, не к самому раннему, а к следующему, несколько более позднему его этапу Ф I/2, который можно в предварительном порядке датировать VII—V вв. до н. э.

Обнаружена архаическая лепная керамика и за пределами валов городища, что также подтверждает более позднюю дату возникновения его укреплений. В 1926 г., в 200—250 *м* на северо-восток от него, около находившегося здесь кладбища, у границы заболоченной низины, сотрудником Средазводхоза И. А. Анбоевым был найден крупный фрагмент глубокой

расписной чаши. Эта находка поступила в собрание отдела Востока Государственного Эрмитажа и явилась одной из предпосылок для разведок, начатых в районе Хакулабада еще в 1930 г. [13]

Как указывалось, архаическая, эйлатанских типов керамика оказалась также и в нижнем горизонте небольшого тепе у ст. Кугай, под развалинами раскапывавшегося в 1933—1934 гг. сырцового дома, погибшего от пожара и хорошо датируемого концом периода ФII.

В последующие годы, памятники, характеризуемые архаической лепной крашеной керамикой, были обнаружены еще в целом ряде мест Ферганской долины, а также и в некоторых прилегающих к ней районах. В одних из этих памятников она оказалась совершенно аналогичной или очень близкой к эйлатанскому комплексу, в других была представлена несколько отличающимися типами, что дало возможность наметить хронологические этапы в ее развитии.

На строительствах Большого, Южного и Северного Ферганских каналов такие памятники обследовались Т. Г. Оболдуевой и В. Д. Жуковым [14], а на строительстве Ташкентского канала А. И. Тереножкиным, который выделил их на Ангрене как особую «бургулюкскую» культуру [15].

В работах Памиро-Ферганской экспедиции они были отмечены А. Н. Бернштамом в районе г. Ош и на двух селищах у Дараут-кургана и Кзыл-кургана в Алайской долине, а также близ Касана, у Гурмирона. Расписные чаши, близкие к керамике Эйлатана, были обнаружены им и в двух курганных погребениях скифского времени в могильнике Шарт в Алайской долине [16].

Среди открытых за последнее время памятников, характеризуемых архаической ферганской крашеной керамикой, наиболее широко и систематически исследовалось обширное селище близ Чуста. Раскопки его, начатые М. Э. Воронцом, продолжаются В. И. Спришевским и дали уже большой и весьма ценный материал для характеристики раннеземледельческой культуры древней Ферганы [17]. Они позволяют выделить керамику Чуста, с ее черной «геометрической» росписью, аналогичную находкам Т. Г. Оболдуевой на 13 участке строительства БФК и А. Н. Бернштама у Гурмирона, как наиболее ранний из пока известных комплексов ферганской архаической керамики.

Очень близко стоит к Чустскому селищу и поселение у Дальверзина, на Кара-Дарье, раскопки которого ведутся Ю. А. Заднепровским [18]. Им же проводились раскопки на городище Шурабашат близ Узгена, давшие новый и очень своеобразный комплекс крашеной и расписной керамики более позднего времени [19].

---

[13] Подробнее см. Б. А. Латынин. Эйлатанская расписная чаша. КСИИМК, вып. 80, 1960.

[14] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Тр. Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 19, 21, 23, 33, 35, 39; В. Д. Жуков. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина; там же, стр. 42, 46, 48, 56—57, 64; его же. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Изв. УзФАН, 1940, № 1. Находки керамики периода ФI на строительстве ЮФК не описаны в этом отчете, но она имеется в составе коллекции, поступившей в Ферганский областной музей; Т. Г. Оболдуева. Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. Изв. УзФАН, 1940, № 10, стр. 30.

[15] А. И. Тереножкин. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. Изв. УзФАН, 1940, №9; его же. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 154—155.

[16] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1954, стр. 186 и 198—200 и рис. 83; там же. О находках архаической крашеной керамики у Кызыл-кургана и Дараут-кургана на Алае, стр. 193, 197. Второе погребение в Шарте (Шарт II), датируемое бронзовыми втульчатыми стрелами, не издано. О чаше из Гурмирона см. А. Н. Бернштам. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. «По следам древних культур», т. III, М., 1954, стр. 271.

[17] М. Э. Воронец. Археологические рекогносцировки 1950 г. по Наманганской области. Изв. АН УзССР, 1951, № 5, стр. 95—97; В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы (раскопки 1953 г.). СЭ, 1954, № 3; его же. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.). КСИИМК, вып. 69, 1957; его же. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.). КСИИМК вып. 71, 1958; его же. Раскопки Чустского поселения в 1956 г. СА, 1958, № 3; его же. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 г. Изв. АН УзССР, серия общественных наук, 1958, № 6.

[18] Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище. КСИИМК, вып. 69, 1957. Об аналогичном селище над обрывом к пойме Кара-Дарьи см. Ю. А. Заднепровский. Ашкал-тепе, новый памятник чустской культуры в Фергане. СА, 1959, № 3.

[19] Ю. А. Заднепровский. Городище Шурабашат. КСИИМК, вып. 71, 1958; его же. Архео-

Сотрудники Ферганского областного краеведческого музея Н. Г. Горбунова и Б. З. Гамбург исследовали курганный могильник с невысокими округлыми или длинными галечными насыпями у Ак-Тама. Погребения дали большое количество расписной архаической керамики, весьма близкой к эйлатанской. Находки трехлопастных бронзовых наконечников стрел скифского типа в погребениях Актамского могильника позволяют датировать его VI—IV вв. до н. э.[20] В 1956 г. этими же исследователями при раскопках Ташкурганской группы курганов в районе г. Ферганы, относящихся, в основном, к более позднему времени (ФIII), были обнаружены и погребения с прекрасными расписными сосудами раннего, «чустского» типа.

Ю. А. Заднепровский в своей диссертации предложил, и как мне представляется совершенно правильно, разделить на основе этих новых находок I-й, древнейший период на два этапа. Более ранний — «чустский» — он отнес ко второму тысячелетию до н. э., к эпохе бронзы, а более поздний— «эйлатанский», на основе аналогии с двумя расписными чашами из погребений в урочище Шарт, датировался им VI—IV вв. до н. э.[21]

Возможно, что определяемые Т. Г. Оболдуевой как более поздние, чем Эйлатан, переходные к периоду ФII комплексы с 3 и 8—9 участков Большого Ферганского канала и из погребений у с. Касканьяр, позволяют выделить еще и третий, заключительный этап периода ФI[22].

Если для него понадобилось бы также подыскивать какое-то особое название, то, думаю, наиболее мог бы подойти термин «бургулюкский». Он был предложен, что уже отмечалось, А. И. Тереножкиным для группы памятников (оседлые земледельческие поселения и случайные находки) эпохи поздней бронзы — раннего железа, выделенной им для района Чирчика и Ангрена как особая культура[23].

Чрезвычайная близость бургулюкской керамики с ее полусферическими чашами и котлами, вылепленными от руки на матерчатом шаблоне, с комплексом 8—9 участков Большого Ферганского канала несомненна. Близки также к бургулюкским, как их определяет А. И. Тереножкин, бронзовые однолезвийные ножи, найденные на этом отрезке трассы канала.

И бургулюкская керамика Ангрена и аналогичный ей ферганский комплекс поздней лепной керамики имеют, как отмечали А. И. Тереножкин и Т. Г. Оболдуева, некоторое сходство с керамикой из так называемых усуньских курганов Семиречья. Это сходство, однако, представляется мне только формальным, основанным на близости приемов лепки чаш на матерчатой болванке.

Стратиграфически «бургулюкская культура» предшествует в древнем Чаче культуре Каунчи II, по-видимому синхронной культуре периода ФII в Фергане, и подразделяется А. И. Тереножкиным на два этапа: «Бургулюк» I и II. В предварительном порядке он датировал их VII — IV и IV—III вв. до н. э.

Имеющиеся данные о культуре древней Ферганы периода ФI, о характере поселений и типе жилищ, о хозяйстве и общем уровне материального производства времени поздней бронзы и, затем, появления железа далеко еще неполны. Однако то, что стало уже известным, главным образом по раскопкам Чустского селища, дает достаточные основания отнести ее к эпохе первобытнообщинного строя.

Несомненно, что дальнейшие археологические работы позволят расширить и уточнить представления об этой ранней, основанной на простейших способах ирригации земледельческой культуре. Они дадут возможность с большей уверенностью установить и ее деление на этапы и их датировку. Сейчас в предварительном порядке можно предложить как дату для заключительного ее этапа, представленного «бургулюкским» комплексом лепной керамики

логические работы в Южной Киргизии в 1956 г. КСИИМК, вып., 76, 1959.

[20] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, ук. соч., стр. 86 и рис. 29.

[21] Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1954, стр. 7—8.

[22] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе..., стр. 15, 23—24 и 29—30; ее же. Археологические наблюдения..., стр. 30.

[23] А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 153—155, 158 и таблица периодизации, разделы XVI—XIX; его же. Памятники материальной культуры..., стр. 30—36.

с 8—9 участков БФК, IV—III вв. до н. э. и условное шифровое обозначение Ф I/3, а для среднего, представленного нижним слоем Эйлатана и Ак-Тамом, VII—IV вв. до н. э. и шифр Ф I/2. Для более ранних памятников, подобных селищам у Чуста и Дальверзина, можно наметить датировку началом первого — второй половиной второго тысячелетия до н. э. (эпоха бронзы) и шифр Ф I/1 (см. схему периодизации).

Хотя ирригационные сооружения более позднего времени сильнейшим образом повлияли на водный режим и на ряд других, связанных с ним природных условий Ферганской долины, первоначальный ландшафт зоны, в которой обнаружены остатки древних поселений периода ФI, может быть установлен довольно хорошо.

Это были те пониженные части долины, которые заболачивались разливами сбегавших с гор и затухавших на плоскости речек и сезонных, так называемых саевых и сбросовых потоков. Иногда это были отдельные пониженные участки поймы крупных рек.

Судя по расположению древних поселений 1-го периода у Эйлатана и Кугая, где при работах в поле было обращено особое внимание на изучение топографии местности, сами поселения располагались не непосредственно в этих низинах, а по их окраинам. Об этом же говорят и те данные, которыми можно сейчас располагать, об условиях обнаружения памятников с расписной архаической керамикой на 9 и 13 участках БФК и у Чуста. В аналогичных условиях, но на невысоком бугре среди низкой поймы Кара-Дарьи расположено и Дальверзинское селище, а Ашкал-тепе — над обрывом к ее пойме.

СХЕМА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР ДРЕВНЕЙ ФЕРГАНЫ

Общественный строй	Периоды (археологические культуры)	Намечаемое хронологическое подразделение их на этапы	Шифровые обозначения	Даты
Ранний феодализм	Фергана III	На основе археологических материалов пока не устанавливается	Ф III	VIII—V вв. н. э.
Патриархально-рабовладельческий	Фергана II	Поздний	Ф II/3	IV — II вв. н. э.
		Средний	Ф II/2	I в. н. э. — I в. до н. э.
		Ранний	Ф II/1	II—III вв. до н. э.
Первобытнообщинный	Фергана I	Поздний («бургулюкский»)	Ф I/3	III — IV вв. до н. э.
		Средний («эйлатанский»)	Ф I/2	IV — VII вв. до н. э.
		Ранний («чустский»)	Ф I/1	VIII в. — вторая половина II тыс. до н. э. (эпоха бронзы)

Сами же заболачиваемые низины явились той наиболее доступной и пригодной в данных природных и исторических условиях зоной, в которой на основе простейших приемов естественного лиманного и каирного орошения и возникло в древней Фергане поливное земледелие [24].

На уровне развития техники и организации общественного производства первобытнообщинного строя родовые группы населения древней Ферганы могли создавать в период ФI лишь небольшие, изолированные «оазисы» такого естественно-орошаемого земледелия. Их пределы и возможность расширения были ограничены малым стоком (дебитом) воды тех затухавших при выходе на равнину потоков, разливы которых и использовали для естественного орошения.

Только позже, в следующем периоде ФII, появляются такие, искусственные уже, оросительные системы, которые позволяли значительно расширить ареал поливных земель за счет освоения зоны засушливых расположенных выше участков долины.

Появление их отражает более высокий уровень развития производительных сил и производственных отношений и являлось шагом вперед в технике ирригации, который стал возможным с накоплением опыта длительного ее применения в предшествующую эпоху [25].

Некоторые наблюдения по этой поре дальнейшего развития ирригации в древней Фергане были сделаны преимущественно при работах экспедиции в зоне реки Нарына.

РАБОТЫ В КЫЗЫЛ-ЯРСКОЙ СТЕПИ

У выхода Нарына из горного ущелья в Ферганскую долину, на очень высокой террасе правого берега реки, раскинулась обширная засушливая Кызыл-ярская степь. Еще при обследованиях 1933 г. было установлено, что во всей ее юго-западной части имеется большое количество малых и средних размеров тепе, образовавшихся в процессе разрушения древних сырцовых построек. Кроме того, в той же юго-западной части Кызыл-ярской степи, но ниже по течению Нарына, над обрывами к его галечной пойме было отмечено два прямоугольных городища.

Первое из них занимает площадь до 1 *кв. км* и обнесено высокими валами с симметрично расположенными на равном расстоянии друг от друга конусообразными выступами, представляющими собою остатки оплывших сырцовых стен и башен. Второе расположено еще юго-западнее. Оно меньших размеров, валы ниже, без башен.

Над самым обрывом к пойме в систему восточного края первого, большего городища включен достигающий 14 *м* высоты крутой насыпной холм, имевший, по-видимому, значение цитадели (арка) [26].

Эпоха и культурная принадлежность древних земледельческих поселений Кызыл-ярской степи, остатками которых и являются многочисленные тепе, определяются керамическими находками на их поверхности и в различных обнажениях культурного слоя. В своем большинстве они принадлежат к комплексу керамики, характерному для периода ФII.

Как руководящий при его определении тип в нем может быть выделена прекрасно обожженная, но изготовленная еще на примитивном, так называемом ручном круге посуда с оранжево-красным блестящим ангобом и прочерченным сквозь него своеобразным геометрическим орнаментом.

В значительно меньшем количестве была встречена керамика, характерная для следующего периода ФIII, изготовленная уже на ножном гончарном круге, иногда также покрытая ангобом, но более тусклым, сургучно-красным.

Как и на других поселениях Ферганы этого времени, в обоих комплексах иногда наблюдается покрытие сосудов и черным

[24] В. И. Спришевский. Чустское поселение..., КСИИМК, вып. 69, стр. 41 и рис. 9 и КСИИМК, вып. 71, стр. 86, 96; Ю. А. Заднепровский. Дальверзинское селище..., стр. 51 и рис. 15; его же. Ашкал-тепе..., рис. 1. См. также Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации..., КСИИМК, вып. 64.

[25] Б. А. Латынин. Некоторые вопросы методики изучения истории ирригации Средней Азии. СА, 1959, № 3.

[26] Б. А. Латынин. Работы в районе..., стр. 123, 126, 131 и рис. 94, 95, 101.

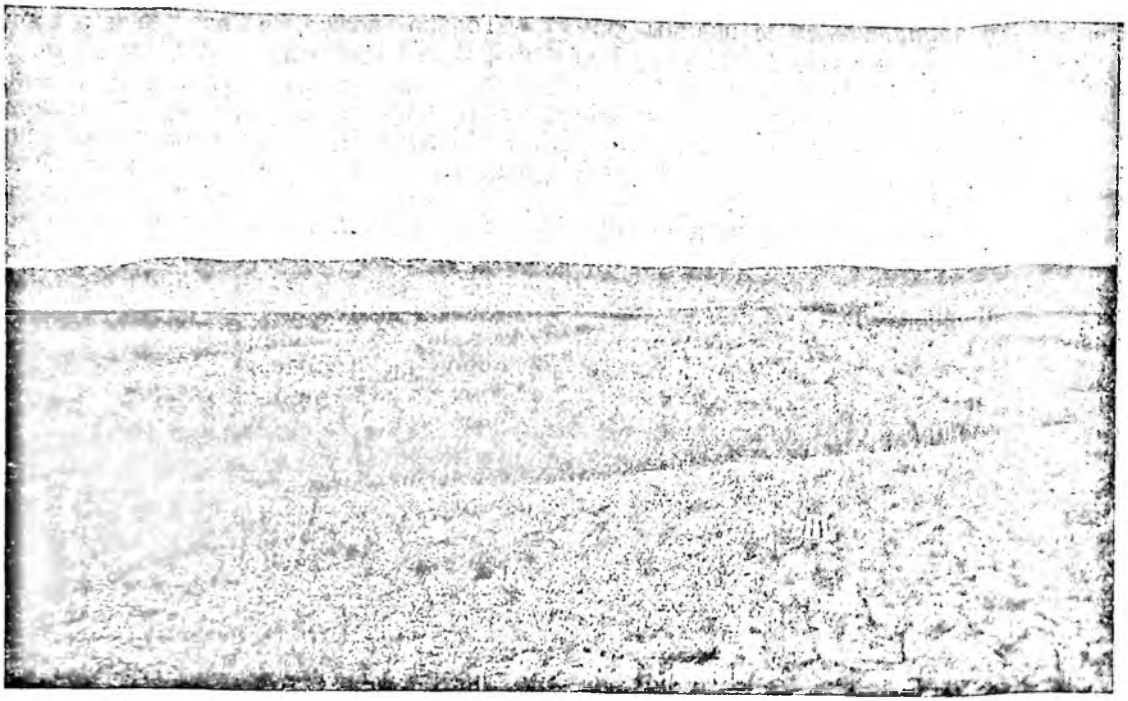

Рис. 15. Вал и прилегающее к нему ложе древнего оросительного канала в Кызыл-ярской предгорной степи. Вид с восточной стороны.

ангобом. На керамике ФII этот ангоб густой и блестящий, иногда с прочерченным сквозь него (так же как и на керамике с оранжево-красным ангобом) орнаментом. На керамике ФIII он матовый и жидкий, а прочерченного орнамента на нем нет. Более чем вероятно, что произведенные здесь раскопки вскрыли бы двуслойность некоторых памятников.

Особо следует отметить большое количество находимых на поселениях в Кызыляре крупных, овально-вытянутых каменных зернотерок.

Культурный слой обоих укрепленных городищ, видимо, незначителен и беден находками. Датирующим материалом является керамика с сургучно-красным тусклым ангобом периода ФIII. Но еще при обследованиях 1933 г. было установлено, что 1-е городище, с его прямоугольной оградой и башнями, возникло на месте, где уже имелись культурные отложения более раннего времени. На его площади были заметны несколько расплывчатых очертаний небольших тепе, давших керамику ФII. Встречена она и в сборах на поверхности 2-го городища. Ни на 1-м городище, ни на рассеянных по степи группах тепе малых размеров, поливной керамики не обнаружено [27]. На поверхности 2-го городища было найдено несколько обломков поливной посуды позднейшего времени.

В обрезах крутых склонов «арка» 1-го Нарынского городища можно было проследить, что нижняя часть его холма образовалась не в процессе разрушения и последующей постройки на том же месте сырцовых строений, а представляет собою искусственную насыпь. В основании ее видна прослойка, выложенная в «елочку» из двух рядов речных некрупных валунов.

Наибольший интерес в Кызыл-ярской степи имели остатки обнаруженной экспедицией еще в 1933 г. древней оросительной системы. Ее существование и обусловливало возможность гораздо более полного хозяйственного использования степи в предшествующие эпохи, чем это имело место в последующее время, когда она не орошалась, была лишена оседлого населения и в ней могли производиться лишь богарные посевы.

[27] Там же, стр. 126, 131.

Следы древней земледельческой культуры, невозможной здесь без искусственного орошения, которое, однако, по условиям рельефа не может быть устроено путем вывода каналов из Нарына, имеются не во всей Кызыл-ярской степи, а лишь

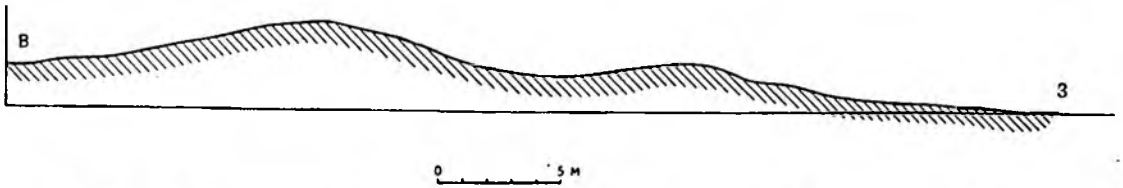

Рис. 16. Профиль вала и ложа древнего оросительного канала в Кызыл-ярской степи.

в юго-западной, понижающейся ее части. Они резко обрываются на северо-востоке у древнего, сильно оплывшего вала, пересекающего Кызыл-ярскую степь в поперечном, слегка наискось, направлении от самых предгорий и до обрыва к Нарыну (рис. 15). За валом, в северо-восточной части степи, древних памятников нет.

Юго-восточный конец вала с примыкающими к нему группами тепе подходит почти вплотную к месту, намечавшемуся в 30-х годах для крупного промышленного строительства. Он должен был неизбежно пострадать при производстве работ, почему и было необходимо детально обследовать этот вал, представляющий к тому же, как выяснили работы 1934 г., исключительно большой интерес.

По подошве внутренней, юго-западной стороны вала, вдоль его ската проходит лоткообразная, довольно расплывчатых очертаний выемка, представляющая собой ложе древнего магистрального канала, при посредстве которого некогда и орошалась юго-западная часть Кызыл-ярской степи (рис. 16).

При работах 1933 г. вал и примыкающий к нему канал не могли быть изучены достаточно подробно, особенно в тех частях, которые приближались к предгорьям. Было высказано предположение, что головная часть канала, вероятно, подходит у предгорий к верховью русла среднего из трех пересекающих степь больших оврагов (саев), по которым теперь сбегают в Нарын воды во время дождей и таяния снегов. Предполагалось, что древняя оросительная система пользовалась водой из этих саев [28].

Проведенные в 1934 г. дополнительные изыскания позволили точнее проследить направление вала и сопутствующего ему канала на всем их протяжении. Как выяснилось, они идут не по прямой линии, а по дуге, почти точно следуя горизонтали современной топографической нивелировки, и упираются в первую гряду предгорий (адыров) несколько юго-западнее начала среднего сая.

Более тщательное обследование предгорий заставило, таким образом, отказаться от предположения о том, что система, орошавшая Кызыл-ярскую степь в древности, питалась водой, попадавшей в магистральный канал из русла сая. Вместе с тем оно позволило выяснить и действительное устройство ее головного сооружения, оказавшегося не водозаборным, а *водосборным*.

Было установлено, что склоны предгорий от самой подошвы и до высоты в 15—20 *м*, а местами и выше, опоясаны проходящими почти в горизонтальном направлении, один над другим (рис. 17), небольшими параллельными арыками. В сохранившемся, значительно заплывшем, виде они достигают 0,5 *м* ширины, при глубине до 0,5—0,75 *м*. Пройдя расстояние в 50—70 *м*, такой поперечный арык своим слегка ниже расположенным концом делает поворот под острым углом и спускающимся вкось по крутому склону коленом Z-образно соединяется со следующим горизонтальным арыком, проходящим на 1—1,5 *м* ниже его. Пройдя некоторое расстояние по горизонтали, этот следующий арык такой же косой короткой перемычкой соединяется с арыком, расположенным еще ниже и т. д., до тех пор, пока они все не окажутся соединенными

[28] Там же, стр. 128.

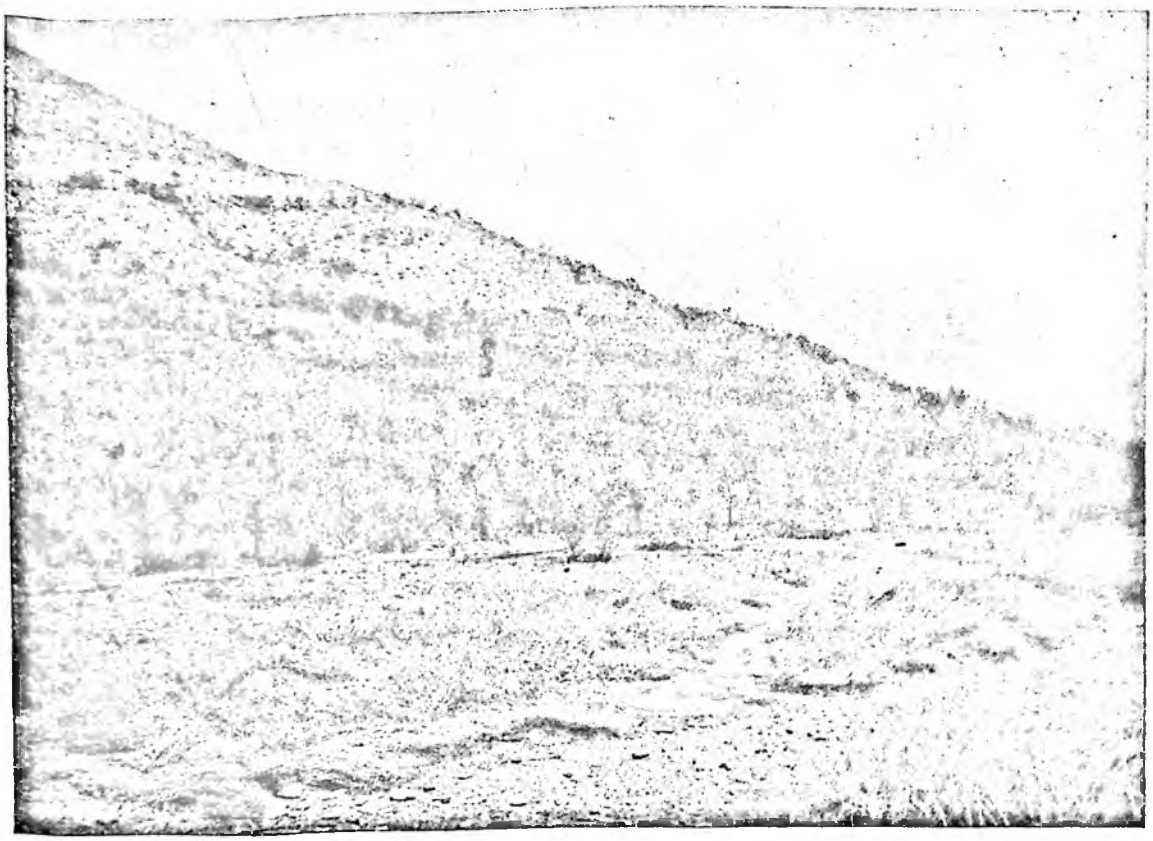

Рис. 17. Водосборная система параллельных арыков на склоне адыра у начала канала в Кызыл-ярской степи.

с магистральным каналом, проходящим вдоль вала от подошвы предгорий в степь.

Эти ряды небольших параллельных водосборных арыков опоясывали ложбину на склонах предгорных адыров, являющуюся естественным водостоком. Проведенные с легким уклоном в одну сторону и соединенные косыми перемычками, они образовывали единую систему, которая задерживала и собирала воду, сбегающую с предгорий после дождей и таяния снегов. По магистральному каналу она отводила ее в желаемом направлении и с нужным уклоном на прилегающие участки степи, расположенной настолько высоко, что оросить ее иным способом (из Нарына) не представлялось возможным.

Следы еще нескольких подобных небольших водосборных систем были прослежены и на склонах предгорий, ограничивающих Кызыл-ярскую степь с севера, а также на правых склонах широкой ложбины уходящего на значительное расстояние в горы Джида-сая.

Некоторые из них в сравнительно недавнее время, возможно, частично возобновлялись и использовались киргизами, прикочевывавшими сюда с гор на время посева и жатвы. Одна такая, но миниатюрная, водосборная система была обнаружена действовавшей еще и в 1934 г. Она была устроена у 1-го городища, на невысоком здесь склоне террасы Кызыл-ярской степи. Несколько маленьких параллельных арыков, соединенных косыми перемычками, собирали талые весенние воды и направляли их на поливку бахчи и небольшого поля джугары, возделываемых прикочевавшими сюда киргизами на нанесенном на галечную пойму Нарына нетолстом слое лесса [29].

[29] Д. Д. Букинич наблюдал этнографические параллели подобных водосборных сооружений в Северном Афганистане (Н. И. Вавилов и

Назначение таких сооружений не ограничивалось только сбором воды и направлением ее на участки, подлежащие орошению. Одновременно они защищали их от весенних силевых потоков, которые, если бы талые воды не были собраны постепенно и отведены в эти арыки, смывали бы своим бурным течением расположенные ниже поля и заносили их галькой и песком.

Северо-западный пониженный конец вала с проложенным вдоль него древним магистральным каналом подходит вплотную к предгориям в той точке, где и в настоящее время собираются сбегающие весной по их склонам воды. Уже не сдерживаемые и не регулируемые древним водосборным сооружением, они стекают по намытому галечному ложу в средний из трех пересекающих степь глубоких оврагов (саев).

Представляется вероятным, что аналогичная водосборная сеть, устроенная на правом склоне Джида-сая, через другой магистральный канал орошала в древности лежащую далее на юго-запад часть степи, где были также обнаружены остатки земледельческих поселений в виде небольших и средних размеров тепе. Наиболее высокие из них расположены у обрыва к галечной пойме Нарына над тем местом, где находится голова Наманганского (Янги-арык) канала, выведенного в позднейшее время по правому берегу реки.

Эпоха возникновения ирригационной системы, обнаруженной в Кызыл-яре, не вызывает сомнений. Она устанавливается не только самим фактом существования остатков многочисленных древних земледельческих поселений периода ФII в такой предгорной степи, которая и сейчас не могла быть орошена каким-либо иным путем. Совершенно очевидна также связь их расположения с древним валом и проведенным вдоль него каналом, в который вода и могла попадать только из описанной водосборной сети. На синхронность вала и оросительного канала с тепе развалин поселений периода ФII, видимо, указывают несколько таких же небольших тепе, которые входят в систему вала. Два из них представляют собой оплывшие укрепления его воротного проезда. Они были отмечены еще при работах 1933 г.[30]

На основе этих работ в Отчете экспедиции за 1933 г. было высказано предположение об эпохе, в которую как закономерный этап развития искусственного орошения могла возникнуть, существовать довольно длительное время и затем быть оставленной и зыбытой реконструируемая по данным археологических изысканий ирригационная система[31]. Оно остается в силе и лишь уточняется и подкрепляется новыми фактическими материалами, позволяющими уже не гипотетически, а вполне уверенно подойти к основному с точки зрения истории ирригации вопросу о питании этой системы водой.

Решение его не только подтвердило, что Кызыл-ярская и некоторые аналогичные ей высоко расположенные засушливые степи Ферганы некогда орошались, если и не весь летний период, то в течение весеннего сезона, что обеспечивало, однако, зерновым культурам условия несравненно лучшие, чем иногда практиковавшиеся там в позднейшее время богарные посевы. Изучение искусственных водосборных сооружений на склонах предгорий дало объяснение и тому, что именно делало это возможным и установило один из приемов, которыми орошение этих степей некогда осуществлялось.

РАБОТЫ В УЧ-КУРГАНСКОЙ И КУГАЙСКОЙ СТЕПЯХ

Полевые исследования на противоположном, левом берегу Нарына явились продолжением изысканий в Кызыл-ярской степи и были связаны с той же проблемой древней ирригации предгорных, возвышенных районов Ферганской долины.

Расположенные здесь Уч-курганская и Кугайская степи также когда-то были орошены и имели густое оседлое земледельческое население. Об этом свидетельствуют многочисленные остатки поселений в виде малых, средних и больших тепе и городища. Позже, почти вся северная,

Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции. Приложение 33, Л., 1929, стр. 165).

[30] Б. А. Латынин. Работы в районе..., стр. 123.
[31] Там же, стр. 123, 126.

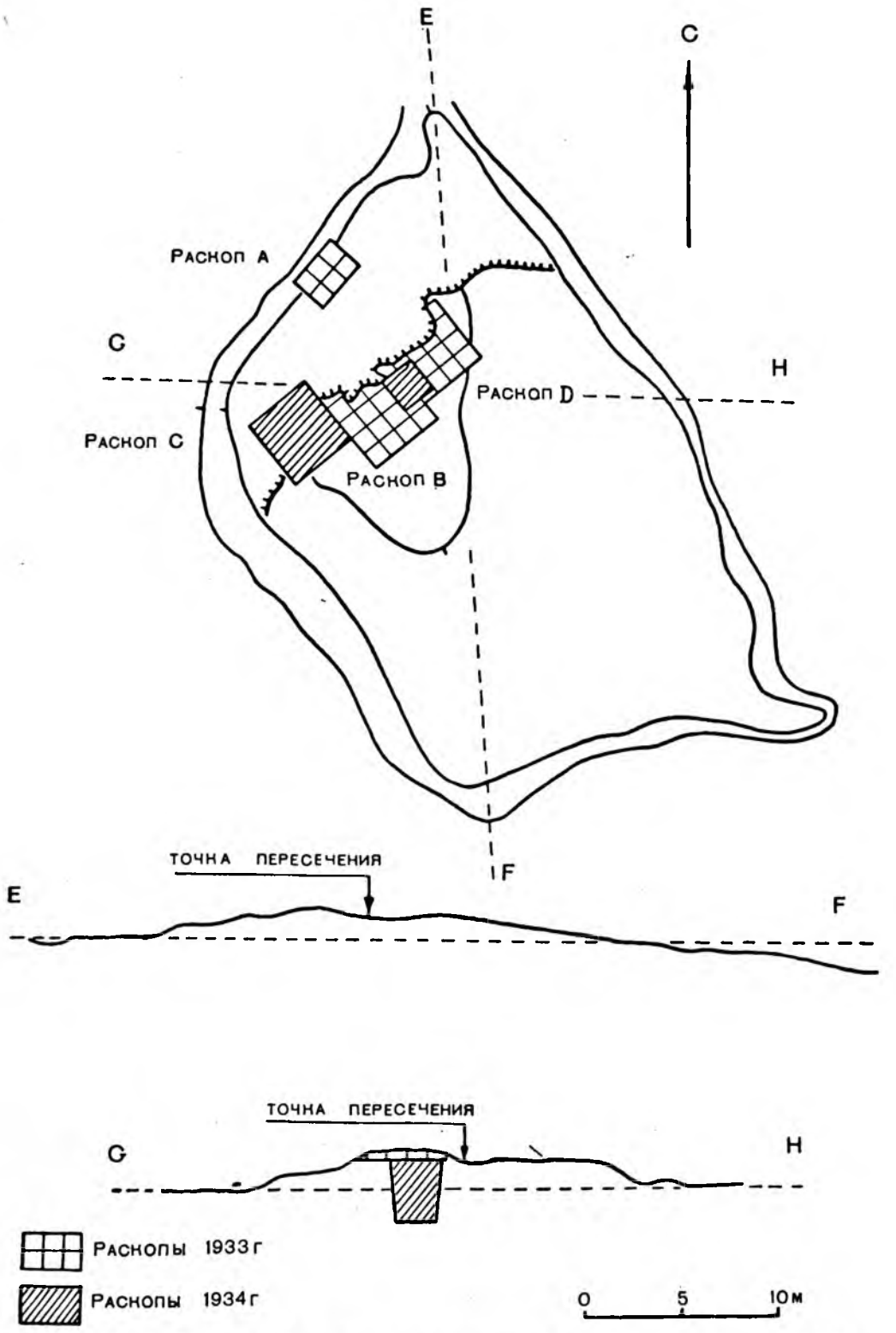

Рис. 18. Кугай. План и профили тепе малых размеров и заложенных на нем раскопов.

центральная и предгорная северо-восточная зоны степи оставались в большей своей части пустынными. Более низкая, юго-западная сторона степи в конце 20-х годов была вновь орошена выведенным из Нарына Уч-курганским каналом и на ее территории возник обширный Нарынский хлопковый совхоз. С 1939 г. она орошается водами сооруженного методами народной стройки Большого Ферганского канала.

Внешний облик древних памятников Кызыл-ярской и Уч-курганской степи, т. е. правого и левого берегов этой части Нарына, их расположение, комплексы вещественного инвентаря, весь характер отражаемой ими культуры — тождественны. Было очевидным, что они относятся к одному и тому же времени, определяемому главным образом периодом ФII и отчасти ФIII. Это позволило ограничиться разведочными раскопками в данном районе в одном из пунктов только левого берега, где они были легче осуществимы.

Целью раскопок было продолжить изучение небольшого тепе, расположенного среди хлопковых полей Нарынского совхоза, в 0,5 *км* на восток от полотна железной дороги Кугай — Уч-Курган и в 1,5 *км* на север от здания главной конторы совхоза. Высота насыпи тепе около 2 *м*, диаметр с С на Ю — 48,5 *м*, с З на В — 33,5 *м*. Оно входило в число нескольких тепе малых и средних размеров, образующих группу у огромного холма Ак-тепе с примыкающим к нему небольшим городищем, и обозначено на приложенной к отчету 1933 г. схематической карте под № 3 [32].

Раскопками 1933 г. в верхних слоях насыпи тепе были обнаружены относительно хорошо сохранившиеся остатки жилого строения. Строение это погибло от пожара и рухнувшие обугленные балки и глинобитный настил кровли завалили на его земляном полу сохранившиеся *in situ* некоторые предметы домашнего обихода и, в частности, прекрасно стратиграфически характеризованный бытовой комплекс керамики [33].

В 1934 г. небольшими дополнительными раскопками была вскрыта западная часть верхнего горизонта насыпи тепе. Заложенный раскоп «С», размерами 4 × 4 *м* (рис. 18), позволил проследить западную границу сгоревшего строения, а также дал материал для его датировки.

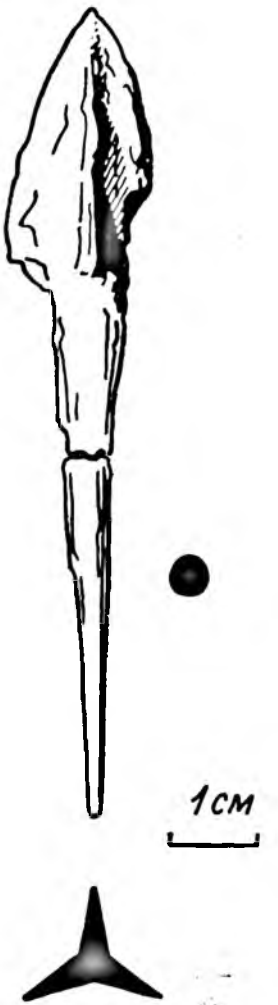

Рис. 19. Кугай, раскоп С. Железный черешковый наконечник стрелы.

На расчищенном участке земляного пола этого строения, являвшемся непосредственным продолжением пола, вскрытого в смежном раскопе «В» в 1933 г., как и тогда, были обнаружены обломки нескольких сосудов, раздавленных рухнувшей при пожаре кровлей, куски обуглившихся бревен и зола.

На квадрате 7, на глубине 0,6 *м* от поверхности, при расчистке пола был найден крупный черешковый наконечник железной трехперой стрелы (рис. 19). Этот тип так

[32] Там же, стр. 132, след. и рис. 100, 102—108.

[33] Там же, стр. 133, 134 и рис. 109, 110, 113—117.

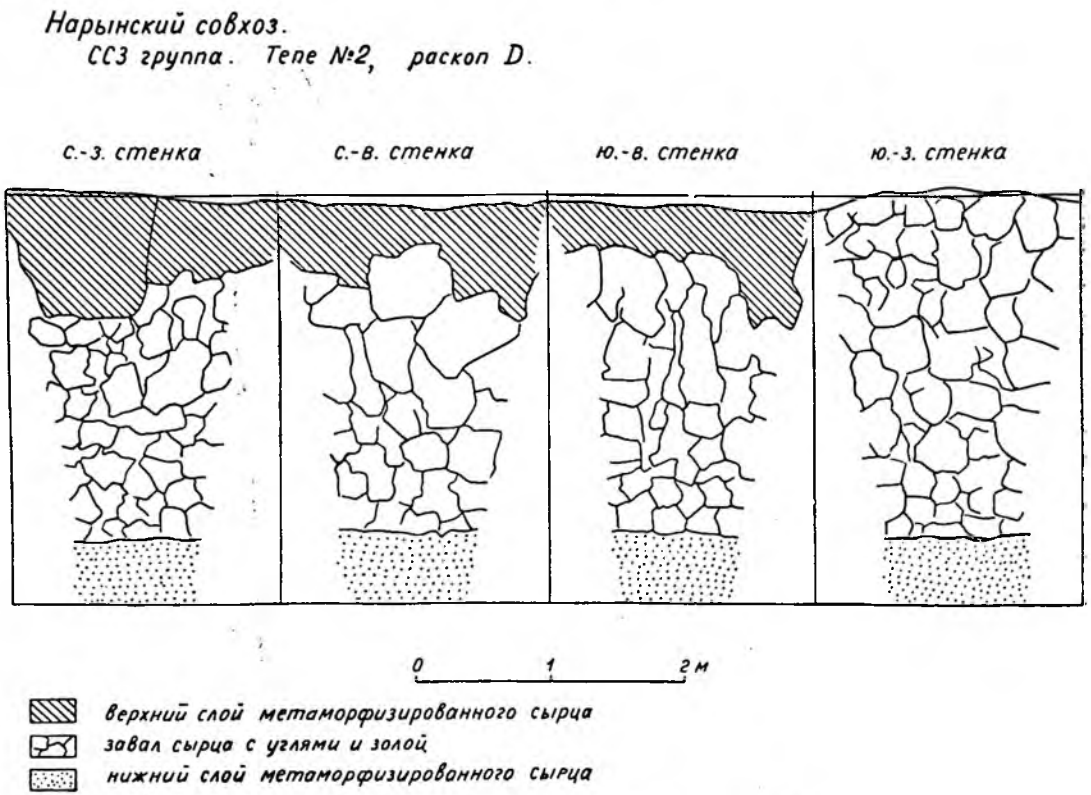

Рис. 20. Кугай. Разрезы по стенкам раскопа D.

называемых позднесарматских стрел известен по многочисленным находкам и его датировка II—IV вв. н. э. может считаться достаточно хорошо установленной [34].

Второй дополнительный раскоп «D», размерами в 4 $м^2$, был заложен в наиболее возвышенной точке тепе, на площади, уже обнаженной снятием верхних слоев в раскопе «В» 1933 г., т. е. ниже пола тех частей сгоревшего здания, которые уже были расчищены и сняты ранее. Он должен был пройти как стратиграфический шурф всю толщу насыпи тепе и выяснить характер и структуру нижних ее слоев.

Раскоп этот, дойдя до глубины 3 *м*, не обнаружил, однако, ненарушенной почвы (так называемого материка), хотя дно раскопа доведено было, как это показывала нивелировка, до глубины на 1,55 *м* ниже современного уровня подошвы тепе и прилегающего поля.

В обрезах стенок раскопа «D» можно было проследить два слоя (рис. 20). Верхний, толщиною в 2—2,5 *м*, образован развалом крупных слежавшихся комьев сырца вперемешку с золой, углем, мелкими кусками полуобожженного сырца и отдельными окатанными камнями. В довольно большом количестве встречены крупные обломки сосудов, идентичные тем, что были обнаружены выше, при расчистке пола сгоревшего строения, к которому, очевидно, также относится и весь этот развал.

При последующей расчистке зольных прослоек, в толще верхнего горизонта южной части раскопа «D», где скопление углей и золы было особенно велико, обнаружилось, что раскоп в этом месте прошел в не-

[34] Вопрос об этом типе стрел в Средней Азии разбирался А. И. Тереножкиным в его рецензии на отчет Г. В. Григорьева о раскопках 1935 г. на Каунчи-тепе (Изв. УзФАН, 1940, № 8, стр. 86) и в работе С. С. Сорокина (О датировке и толковании Кенкольского могильника. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 10—11 и табл. 2, рис. 4 и особенно 5). Ближайшие аналогии см. А. М. Мандельштам. Могильник Арук-тау в Бишкентской долине. КСИИМК, вып. 76, 1959, стр. 77, рис. 33—*4, 5*.

посредственной близости от стыка двух сходящихся под углом стен. Одна из них сложена из крупных вальков сырца и уходила в нераскопанную южную часть тепе. Другая, сложенная из таких же, но меньших по размерам сырцовых вальков, почти под прямым углом отходила на запад, в направлении раскопа «С». Угол между ними до верхнего края обреза был завален кусками сырца, углем, золой и другими остатками сгоревшего строения. Недостаток времени не позволил расширить раскоп и выяснить соотношение этих стен и сгоревшего строения, обнаруженного непосредственно над ними, в верхних наслоениях тепе. Возможно, что мы имели дело с остатками двухэтажной постройки с массивными сырцовыми стенами нижнего этажа, стоявшими на существовавшей уже небольшой древнейшей насыпи, и легкой надстройкой сгоревшего второго этажа типа «балаханы» современных построек Ферганы. *

Нижний слой насыпи, прорезанный под основаниями сырцовых стен этого строения на 0,5—1 *м*, состоял из более темного и однородного рыхлого лесса, в котором можно было наблюдать вкрапление мелких угольков. В изломе отдельных его кусков были заметны отпечатки растительной примеси. Несомненно, что и нижний слой возник в результате разрушения некогда возводимых на этом месте сырцовых строений, но сырец, из которого они были сложены, в значительной степени уже метаморфизовался и слился в одну массу, в то время, как в более позднем, верхнем слое он еще сохранил форму отдельных вальков.

В этом нижнем слое, так же как и в раскопе «А», где он был вскрыт при работах 1933 г.[35], встречены фрагменты только лепной керамики архаического типа с жидкой лиловато-красной красочной облицовкой, вполне аналогичные керамике нижнего слоя городища у Эйлатана (рис. 21).

Описание комплекса керамики ФII, обнаруженной в 1933 г. в верхнем горизонте насыпи тепе при раскопках погибшего от пожара строения, было приведено в отчете о работах экспедиции за тот год. Находки на дополнительно вскрытых в 1934 г. участках дали те же типы посуды и несколько глиняных биконических пряслиц с оранжево-красным ангобом.

Работы 1934 г. и полевые исследования в Фергане, проводившиеся в последующие годы, в особенности археологическая инспектура на строительствах Большого и Южного Ферганских каналов, подтвердив предложенную классификацию керамики периода ФII, значительно, вместе с тем, пополнили материалы по этой теме.

Многочисленные находки целых сосудов из прорезанных каналом могильников позволили Т. Г. Оболдуевой, В. Д. Жукову и Я. Г. Гулямову, с гораздо большей полнотой, чем это было возможно раньше, установить формы сосудов и мотивы их орнаментации[36].

С учетом этих новых материалов керамический комплекс, характеризующий памятники периода ФII, к которому принадлежат и находки в верхнем горизонте насыпи тепе, раскапывавшегося в 1933—1934 гг. у Кугая, можно разделить на 5 типов. Первые четыре из них весьма близки по определяющим их признакам состава глины и примесей, способа изготовки и обжига. Разнятся они главным образом по отделке и орнаментации поверхности, что, очевидно, было связано с различным назначением посуды, которое отразилось во многих случаях также и на ее формах. Пятый тип, включающий так называемую «кухонную» посуду, сильно отличается по сумме признаков от всех остальных.

Не давая сейчас развернутого описания выделяемых типов керамики ФII, можно ограничиться следующим кратким номенклатурным их перечнем: 1 — керамика с

---

* В свете результатов раскопок, производившихся в Ср. Азии в последующие годы, возможно понимание этого слоя как забутовки спланированных остатков строения более раннего времени.

[35] Б. А. Латынин. Работа в районе..., стр. 134 и рис. 118.

[36] Описание форм сосудов см. Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе..., стр. 12—15, табл. I—IV, IX, X; В. Д. Жуков. Отчет о работе..., стр. 53, след. и табл. V—VIII; Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина. Тр. Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, стр. 85, след. и табл. III, IV; В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала. Изв. УзФАН, 1940, № 10, стр. 23, след. и таблица посуды из Кувинского могильника. Классификация керамики ФII, или «мархаматской», по предлагавшейся Ю. А. Заднепровским терминологии, была дана им и в его кандидатской диссертации. См. Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана (автореферат диссертации), стр. 8, 9.

красочной облицовкой (ангобом) и прочерченным сквозь нее орнаментом (рис. 23); 2 — такая же, но без орнамента (рис. 22, *4*); 3 — сосуды без красочной облицовки, но опоясанные отдельными широкими полосами краски (рис. 22, *2*, *3*); 4 — неангобированная керамика, обычно со светлой, палевой поверхностью (рис. 22, *1*). К ней следует по типологическим признакам отнести и большие сосуды хозяйственного назначения, так называемые хумы (пифосы); 5 — особый тип «кухонной» посуды с примесью к глине известняковой дресвы или толченых раковин.

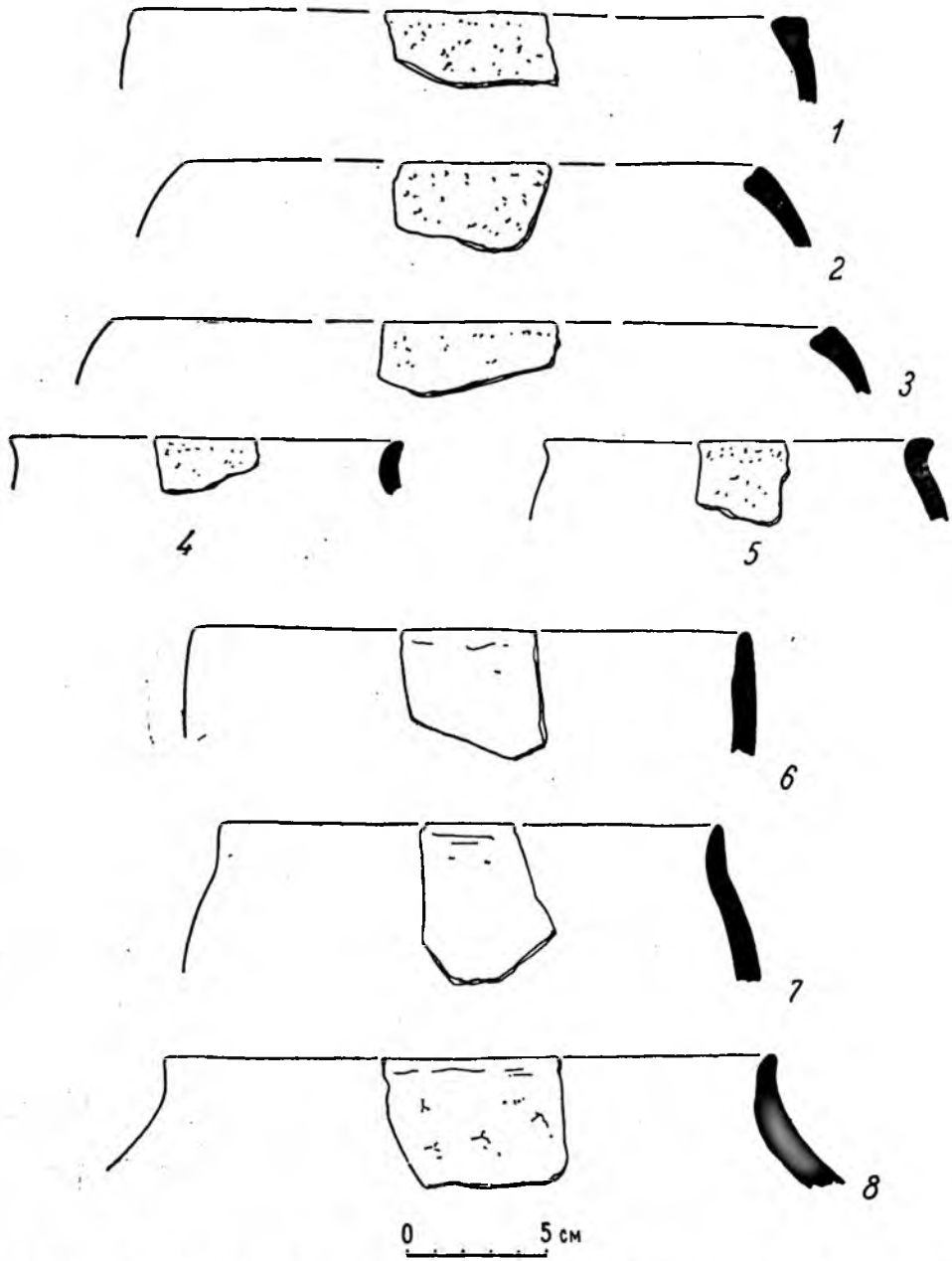

Рис. 21. Кугай. Профили лепной архаической керамики из нижнего слоя раскопа D.

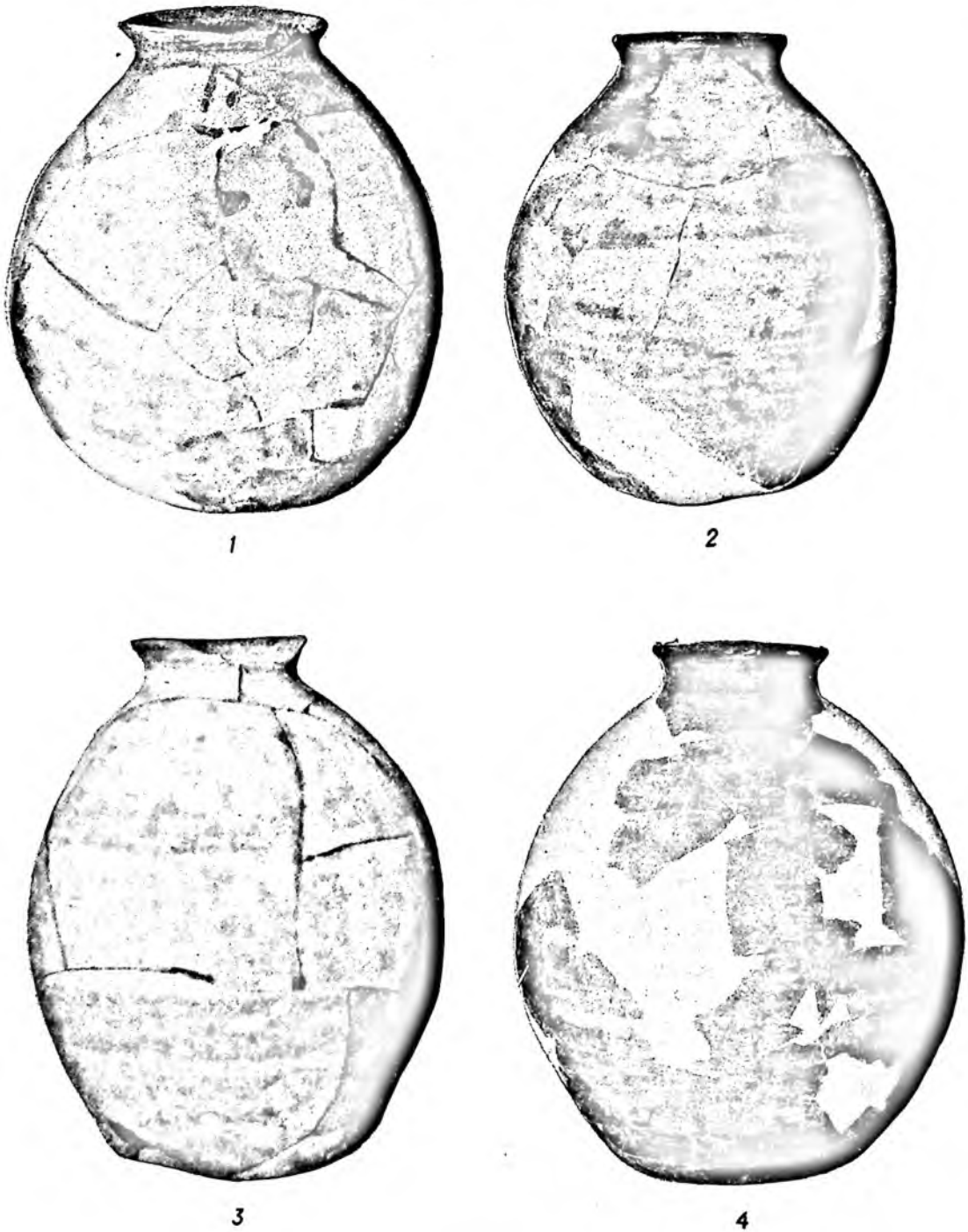

Рис. 22. Кугай, раскоп В. Керамика периода ФII:

1 — неангобированная, *2, 3* — с опоясывающими полосами красного ангоба, *4* — красноангобированная, неорнаментированная.

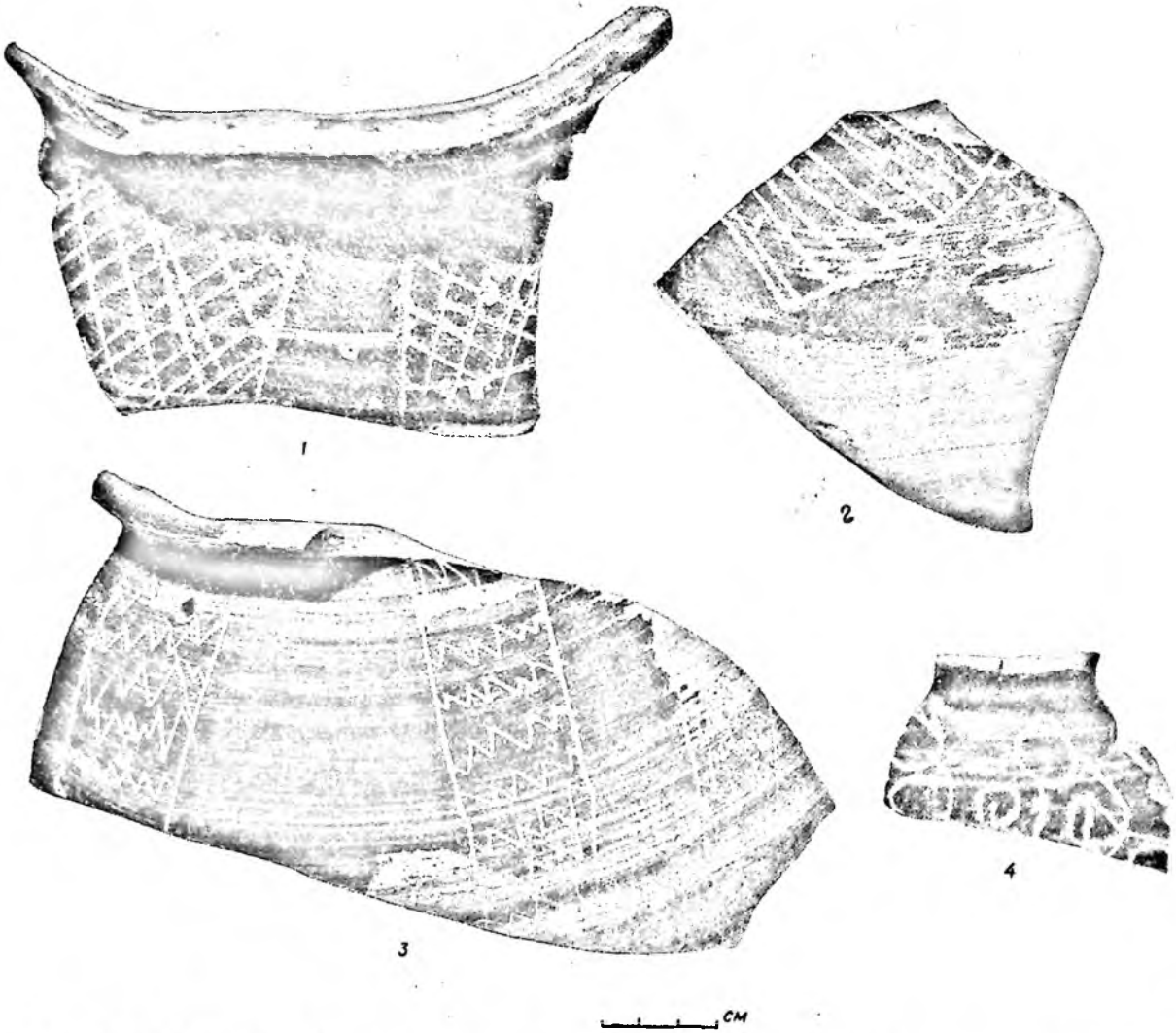

Рис. 23. Кугай, раскоп С. Керамика периода ФII из того же комплекса, что и представленная на рис. 22, покрытая в верхних частях сосудов черным (*1*, *2*) или красным (*3*, *4*) ангобом с прочерченным по нему орнаментом.

Наиболее характерной для комплекса керамики периода ФII является посуда 1-го типа с оранжевым или оранжево-красным, реже черным, обычно густым, блестящим красочным покрытием (ангобом) и прочерченным сквозь него весьма своеобразным «геометрическим» орнаментом (рис. 23). Типичными мотивами орнаментации являются ряды заштрихованных углов и одиночные спиральные завитки, заключенные в широком поясе, охватывающем верхнюю, а иногда и всю среднюю части сосуда. Очень характерно заполнение орнаментальных полей короткими зигзагообразными или волнообразными полосками.

Применение красновато-оранжевой красочной облицовки (ангоба) довольно широко распространено в керамике ряда областей Средней Азии во второй половине последнего тысячелетия до н. э. и первых веках н. э. Оно известно в древнем Хорезме, Чаче, Согде, Кобадиане и Южной Туркмении. Иногда, хотя и без особых к тому оснований, такую керамику называют «кушанской». Однако ферганская красноангобированная керамика, выделяемая как 1-й

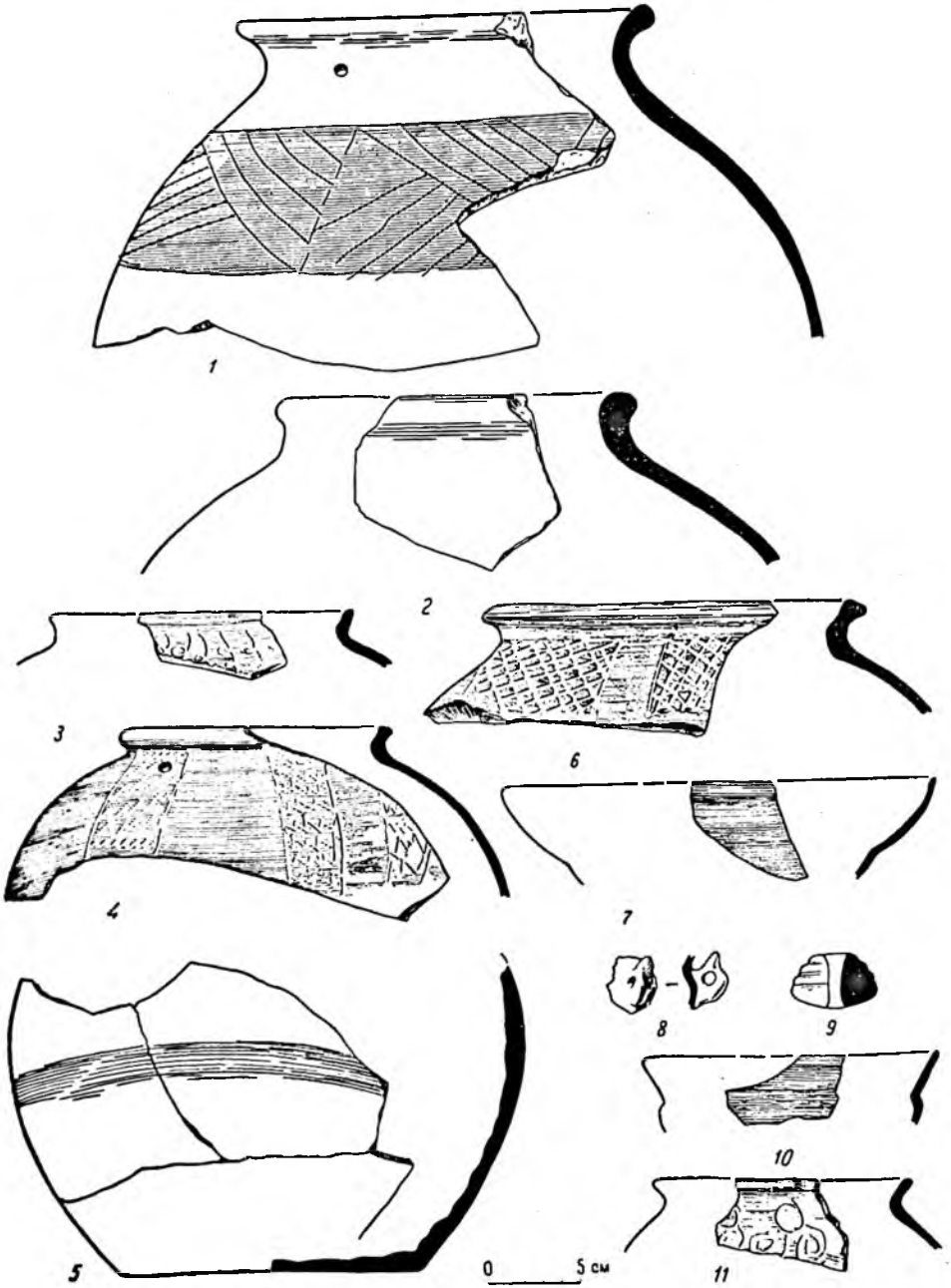

Рис. 24. Кугай, раскоп С. Профили керамики периода ФII.

и 2-й типы керамического комплекса периода ФII, стоит особняком и прямых аналогий ей до сих пор не могло быть указано. Ни по плотности, твердости и блеску ее оранжево-красного ангоба, ни по своеобразию техники нанесения прочерченного по нему орнамента, его элементов, мотивов и стиля, точных соответствий ей пока найти не удается. В цитированной выше работе Е. М. Пещеревой (на стр. 30) отмечено добавление поваренной соли в белый ангоб, получающий после обжига особый блеск.

Возможно, что блеск и твердость красного и черного ангоба керамики периода ФII обусловлены такой же добавкой соли.

Хорошо промятая лессовая глина с примесью мелкого песка, из которой изготовлялись сосуды первых четырех типов, давала при окислительном, горновом обжиге плотный, острый в изломе, звонкий, палевых или розоватых, иногда красных тонов черепок.

Определение техники изготовления этих сосудов, в особенности с оранжево-красным или черным ангобом, вызвало ряд затруднений.

Относительно малая толщина, ровность их поверхности (получаемая без дополнительной обработки), следы от горизонтального сглаживания в результате свободного поворачивания сосудов вокруг оси при формовке указывают на применение какого-то гончарного круга (рис. 24).

В то же время, многие формы сосудов имеют не совсем ровные широкие днища и не с плавным внутри, как это бывает у посуды, изготовленной на быстро вращающемся ножном круге, а с довольно резким, угловатым переходом от дна к стенкам. Края сосудов обычно не имеют профилированных закраинок. Заметна некоторая спутанность и прерывистость следов сглаживания при изготовке и косое, иногда почти вертикальное, их направление. Обращают на себя внимание массивные, простых и тяжелых профилей, формы сосудов и обычная асимметричность их, являющаяся не результатом неравномерной усадки при сушке и обжиге, а самой формовки [37].

Убедительным примером особенностей техники керамического производства периода ФII могут служить крупные фрагменты орнаментированных сосудов, воспроизведенные на стр. 143, рис. 25. На них хорошо заметны следы соединения широкого, плоского и не совсем ровного днища с наращиваемыми на него ленточным налепом стенками (рис. 25, *3*) и примазывания к ним сформованного отдельно горла (рис. 25, *2*).

На наружной поверхности эти следы тщательно сглажены мелкозубчатой лопаточкой, оставившей в нижних частях сосудов очень характерные, перекрещивающиеся группы бороздок (рис. 25, *1*). Такой прием заглаживания швов пережиточно сохранился в Средней Азии до последнего времени при изготовлении ленточным налепом тех больших хумов, которые по своим размерам не могут быть сформованы на обычном гончарном круге.

Все эти признаки привели к изложенному в отчете экспедиции 1933 г. заключению о том, что при изготовлении глиняной посуды периода ФII применялся не ножной гончарный круг, а какое-то более примитивное приспособление типа простейшего так называемого ручного круга-подставки, позволявшее при формовке свободно поворачивать сосуд, но не использовавшее еще вращение по инерции.

Эта техника соответствует и всему довольно раннему облику керамики ФII, характеризуемой конструктивно мало еще развитыми формами, отсутствием ручек дужками и только в некоторых случаях появлением кольчатых ручек или плоских, с проткнутым отверстием ушек [38], и ее ранним по техническим приемам нанесения, по сюжетам и стилю орнаментом.

Вопрос о типе гончарного круга в культуре периода ФII, какие для нее, также весьма условно, не предлагались бы названия — «даваньская», «кушанская» или «мархаматская» — для некоторых исследователей оставался спорным. Приведенные соображения заставляют, однако, продолжать настаивать на определении его как только очень примитивного еще, ручного [39].

Решение этого вопроса, казалось бы чисто технического, тем не менее, далеко выходит за пределы только истории техники.

Если эта керамика действительно изготовлялась на примитивном ручном кругеподставке, то это говорило бы о том, что гончарство оставалось еще домашним производством, на техническом уровне, обычном для эпохи разложения родового строя и начальных этапов образования рабовладельческого общества.

Если же применялся ножной круг, то подобное обстоятельство давало бы основания полагать, что гончарство уже

---

[37] См., например, Т. Г. Оболдуева. Отчет о работах..., табл. I, II.

[38] Т. Г. Оболдуева. Там же, стр. 15, табл. IV, *1—3*.

[39] К тому же выводу пришел и С. С. Сорокин в работе о кермике ФII из ферганских курганов (С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы. СА, XX, 1954, стр. 137).

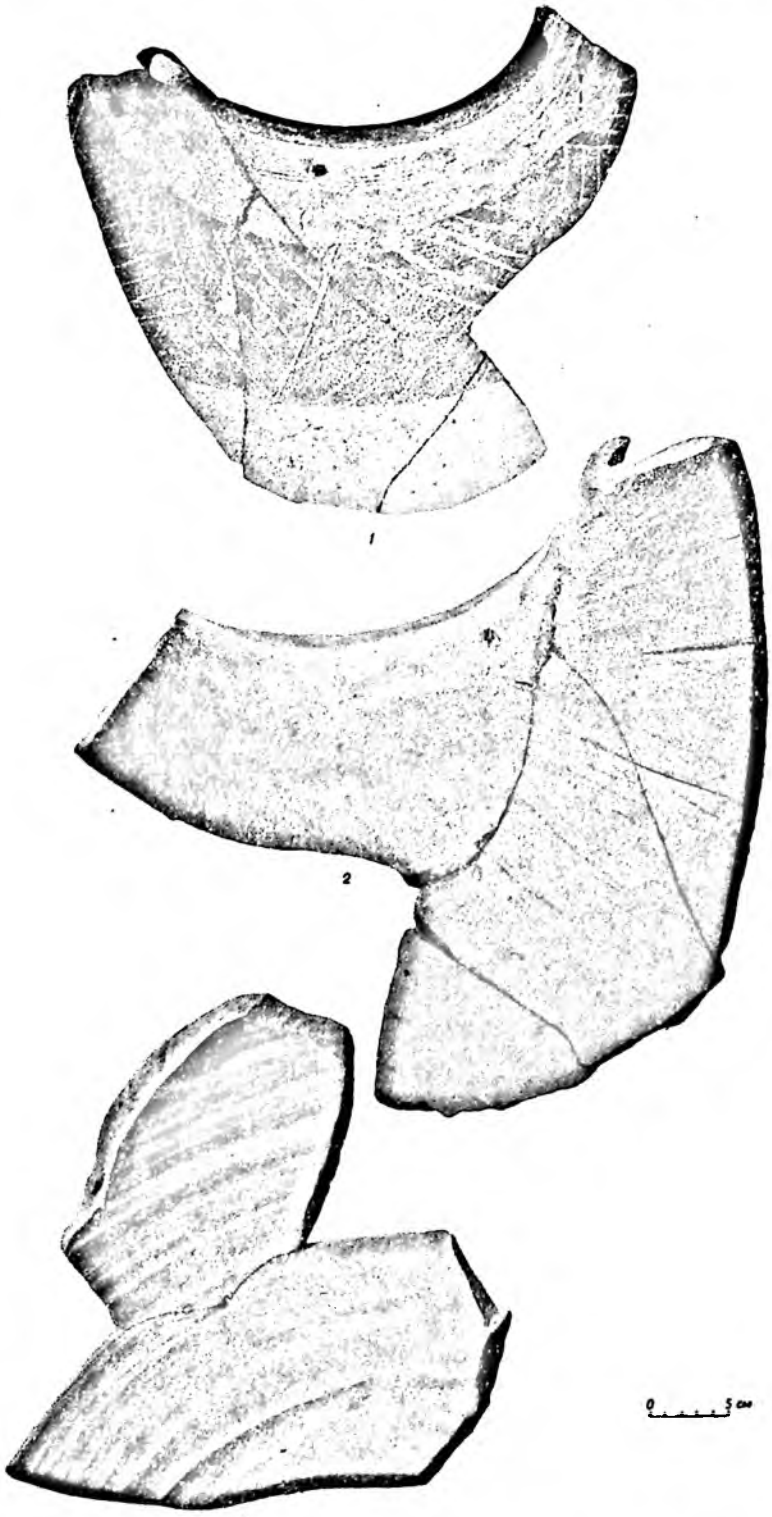

Рис. 25. Кугай, раскоп С. Поверхности сосудов периода ФII со следами изготовления их на ручном круге-подставке.

выделилось как ремесло и глиняная посуда стала товаром городских центров. Этому, однако, противоречат указанные ее технические особенности и явно не ремесленный и не стандартный, не рыночный характер типов керамики ФII, а также все то, что вообще дает археологическое изучение памятников данного периода древней Ферганы.

Определение техники формовки сосудов в керамике ФII, получающее, таким образом, весьма большое значение, осложняется еще тем, что этот культурно-исторический период охватывает, очевидно, не менее 5—6 столетий. За это время техника производства, в том числе и керамического, несомненно не оставалась совершенно неизменной. Но поскольку выделить более ранние и более поздние памятники периода ФII по имевшимся материалам было еще затруднительным, проследить эти изменения керамики во времени не представлялось возможным.

Рассматривая же по необходимости керамику ФII, как единый, не поддающийся хронологическому расчленению комплекс, было неизбежным сталкиваться с вариантными отклонениями в тех или иных ее признаках. Недостаточные еще для уверенной и детальной, чисто типологической классификации, они, в то же время, давали повод для различного понимания керамики ФII в целом.

Попытки, которые были сделаны для расчленения периода ФII на основе некоторых общих соображений и типологического анализа керамики на ограниченном и хронологически не датированном материале, остались недоказательными [40].

Отдельные факты, определяющие соотношение некоторых типологических вариаций или групп керамики ФII, вероятно, можно было бы наметить все же уже и сейчас, но несколько иным, не типологическим путем.

Так, для определения вариантных ее особенностей в более раннее время могут служить наблюдения, сделанные Т. Г. Оболдуевой на 3 и 8—9 участках строительства Большого Ферганского канала. Здесь вместе с архаической лепной керамикой наиболее позднего ее комплекса ФI/3, были встречены и небольшие кувшинообразные неорнаментированные сосуды с густым оранжево-красным блестящим ангобом [41].

Принадлежность их к красноангобированной керамике, характерной для памятников периода ФII, не вызывает сомнений. Без особых возражений следует, видимо, принять и предложенную Т. Г. Оболдуевой датировку этих типологически смешанных, но стратиграфически единых комплексов, как III в. до н. э. Входящую в них красноангобированную керамику можно, таким образом, считать наиболее ранним из пока устанавливаемых ее вариантов или хронологических групп.

Другим, также уже датируемым, но значительно более поздним памятником периода ФII, относящимся к заключительному, по-видимому, его этапу, явится погибшее от пожара строение, вскрытое в верхнем горизонте малого тепе у ст. Кугай. Находка в 1934 г. наконечника стрелы позднесарматского типа дала основание для его датировки II—IV вв. н. э.

Обнаруженные на глинобитном полу этого здания, заваленном сверху рухнувшими при пожаре обгорелыми балками и глиняной обмазкой кровли, сосуды 1-го типа имеют довольно тусклый и жидкий, коричневатых оттенков ангоб. У больших сосудов он покрывает не всю поверхность, а лишь верхнюю орнаментированную часть. Нанесен орнамент и вообще отделана посуда несколько менее тщательно, чем это обычно для керамики ФII. В то же время, технически она относительно более совершенна. Обжиг прекрасный. Конструктивно более развитые и пропорциональные профили сосудов, а также характер следов сглаживания их стенок при формовке свидетельствуют о дальнейшем развитии гончарного производства и о применении, хотя также еще ручного, но более усовершенствованного уже круга-подставки. Он позволял теперь не только поворачивать, но и свободно вращать сосуд при изготовлении его ленточным налепом. Изучение

[40] В. Д. Жуков. Отчет о работах..., стр. 77; А. Н. Бернштам. Археологические очерки..., сводная таблица периодизации. См. также по этому вопросу — Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана, стр. 9.

[41] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе.... стр. 23—24, табл. I, рис. 8 и табл. IX, рис. 9. О распространенности этих кувшинообразных сосудов в красноангобированной керамике периода ФII см. там же, стр. 13, 8-й раздел перечня форм сосудов и В. Д. Жуков. Отчет о работе..., стр. 46, 48 и табл. II.

керамики из тепе у ст. Кугай, относительно более поздней по времени, но неотделимой от керамики периода ФII в целом, позволяет заметить и еще ряд черт, которые, не выходя за пределы вариаций данного комплекса, сближают ее уже с керамикой, характерной для следующего периода ФIII.

Обе эти группы красноангобированной керамики (с 3 и 8—9 участков БФК — более ранняя, а из Кугая — более поздняя) периода ФII происходит из территориально весьма близких памятников. Близки они и типологически, но как отделенные одна от другой, вероятно, не менее, чем пятью столетиями, имеют свои особенности.

При рассмотрении их вместе, как это приходится нередко делать с керамическим материалом, не определяемым хронологически или стратиграфически, затруднения и в такой общей характеристике и в попытках типологического расчленения были бы неизбежны. Сравнительное же изучение на основе объективных данных хронологического порядка и комплексности позволяет проследить изменения определяющих керамику признаков не как вариации умозрительно устанавливаемого типологического ряда, а как реальное отражение процесса развития материального производства данного общества на протяжении какого-то определенного времени.

Именно этим путем, полагаю, и удастся расчленить культуру периода ФII на более дробные этапы и подойти к ее изучению в процессе ее исторического развития.

Одни типологические построения, не опирающиеся на объективные данные стратиграфии, комплексности находок, и хронологическое их соотношение будут, как и обычно, почти бесполезны.

Намечая периодизацию ранних земледельческих культур древней Ферганы на основе результатов первых лет работы экспедиции, нельзя еще было сколько-нибудь уверенно датировать выделяемые периоды.

В результате раскопок, произведенных в районе Кугая в 1934 году и работ ряда последующих лет представилось возможным уточнить эту датировку для периода ФII временем с III в. до н. э. по IV в. н. э.[42] Наиболее раннюю дату дают указанные смешанные комплексы с 3, 8 и 9 участков строительства Большого Ферганского канала. Это подтверждает также найденная на городище Кайноват в Уч-курганской степи упоминавшаяся уже медная монета, так называемого варварского чекана, греко-бактрийского правителя Гелиокла (первая половина II в. до н. э.[43]). Наиболее поздней датирующей находкой пока остается позднесарматского типа стрела из раскопок тепе у Кугая.

Учитывая эти данные, можно было бы предложить в предварительном (так же как для периода ФI) порядке и для периода ФII следующее внутреннее подразделение[44].

Ранний этап, — с условным обозначением его ФII/1 и датировкой III—II вв. до н. э. К нему можно отнести памятники, характеризуемые красноангобированной керамикой, аналогичной посуде с густым блестящим (возможно лощеным) ангобом из смешанных, ранних, комплексов с 3 и 8—9 участков БФК.

Поздний, заключительный этап, с шифром — ФII/3 и датируемый II—IV вв. н. э. В него войдут памятники, характеризуемые комплексом керамики, которая аналогична обнаруженной в сгоревшем строении, раскопанном в верхнем горизонте малого тепе у Кугая.

К среднему этапу, с шифром — ФII/2 тогда можно было бы отнести памятники I в. до н. э. — I в. н. э., но керамику их, за отсутствием датирующих находок этого времени, выделить пока трудно. Видимо, это будут комплексы с посудой, имеющей оранжево-красный ангоб и широкий пояс прочерченного по нему орнамента, подобной керамике Коштепинского могильника, некоторых тепе в Уч-курганской степи и у Бузульмаса, близ Хакулабада (см. схему периодизации на стр. 128).

Древняя Фергана в эпоху периода ФII намечаемой археологической периодизации стояла на довольно высоком уже уровне развития общества. Это было время сложения и последующего развития раннe-

[42] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе..., стр. 39—40; Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана..., стр. 9.

[43] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе..., стр. 17, 24.

[44] Б. А. Латынин. Вопросы хронологии древней Ферганы. Исследования по археологии СССР. Сб. в честь М. И. Артамонова, Л., 1961 (в печати).

классового, рабовладельческого строя, в котором патриархальные родовые отношения и сельская община, очевидно, сохраняли еще очень большое значение.

Среди археологических материалов для вопроса о характере общественных отношений и социальном строе Ферганы периода ФII особенно важны наблюдения над типом многочисленных, сильно укрепленных, но очень небольших по площади городищ с высоким холмом (тепе) цитадели, характерных для этого времени. В ближайшей округе таких городищ и больших «тепе с площадкой» располагаются рассредоточенные группы малых тепе, вероятно, представляющих собою оплывшие развалины отдельных крестьянских усадеб. К числу их относилось и небольшое тепе, которое раскапывалось в 1933—1934 гг. у Кугая. Оно входило в одну из групп малых тепе, располагавшихся поблизости от городища с огромным холмом арка Ак-тепе.

Кроме данных археологического изучения Ферганы, эта эпоха освещена и известиями китайских письменных источников. Около 125—128 гг. до н. э. Фергану или Та-Юань, т. е. Большую Юань (по чтению Бичурина, Давань), как ее называли китайцы времени династии Старших Хань, посетил китайский посланник к Большим Юэчжи Чжан-Кянь. В своем денесении о путешествии в Западные страны Чжан-Кянь привел ряд сведений и о Та-Юани. Они были затем дополнены еще некоторыми данными из других источников и вошли в Исторические записки (Шицзи, гл. 123) и хронику Старших Хань (Цзянь-ханьшу, гл. 95) [45].

Несмотря на ряд трудностей в использовании древних иероглифических текстов, недостаточно, к сожалению, еще прокомментированных специалистами синологами, известия китайских авторов неоднократно привлекались как источники по истории древней Ферганы. Анализируя их, А. Н. Бернштам, К. В. Тревер и Ю. А. Заднепровский пришли к выводам о раннеклассовом рабовладельческом строе Ферганы-Давани, сохранявшем еще сильные пережитки патриархально-родовых отношений [46].

В работе Ю. А. Заднепровского, который уделяет этому вопросу особенно большое внимание, ряд возражений, однако, вызывает несколько некритическая оценка значения упоминаний китайских авторов о «городах» в Та-Юани.

Если подавляющее большинство совершенно невероятного, конечно, количества «городов» Чжан-Кяня («до 70») и было его «малыми городами» (сяо-чен), то, по-видимому, правильно относя к ним, как это делает Ю. А. Заднепровский, небольшие городища с холмом цитадели периода ФII, нет никаких все же оснований считать их поселениями городского типа. Не больше есть оснований принимать такие же сильно укрепленные, но только еще меньших размеров «городища с вышкой» за сельские общинные поселения (чен-го). Разница в размерах занимаемой площади не может еще определять социально-экономическое значение этих совершенно схожих в остальном памятников, и ни те, ни другие, полагаю, городами не являлись.

Никак нельзя согласиться и с пониманием Ю. А. Заднепровским «больших городов» (да-чен) Чжан-Кяня как поселений действительно городского типа, которые были бы «административно-политическими и торгово-ремесленными центрами Ферганы II—I вв. до н. э.» [47].

Это прежде всего противоречит тому, что дает археологическое изучение памятников периода ФII, к которому хронологически относятся известия Шицзи о Та-Юани. В Фергане, кроме неправильно многоугольного городища Кайноват, площадью около 15 *га*, неизвестно других памятников этого периода, которые по своим размерам могли бы быть развалинами города. 1-е большое городище в Кызыл-яре и городище у с. Мархамат, с их прямоугольными оградами валов (стен) и симметрично расположенными башнями, так же как и несколько еще других городищ, были отнесены Ю. А. Заднепровским к числу «больших городов» (да-чен) «мархаматского периода»

[45] Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, 2-е издание, т. II. М.—Л., 1950, стр. 149, след.; F. Hirt. The Story of Chang-Kien chinas Pioneer in Wester Asia. Journal of the American Oriental Society, т. 37, ч. 2, сентябрь, 1917.

[46] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. Ташкент, 1951, стр. 10, 14; К. В. Тревер. История народов Узбекистана, т. I, 1950, стр. 108—111; Ю. А. Заднепровский. Древняя Фергана..., стр. 17, 18.

[47] Ю. А. Заднепровский. Там же, стр. 12, 13, 18.

без достаточных оснований, ошибочно. Укрепления и планировка, которые и определяют относительно большие размеры этих городищ, резко отличаются от укреплений и планировки поселений периода ФII, и несомненно, принадлежат к значительно более позднему времени, к периоду ФIII. Как и ограды валов Эйлатанского городища, они должны датироваться временем не ранее V века н. э., хорошо определяемым обнаруживаемой на всех них керамикой.

Типичные же городища периода ФII, Та-Юани китайских авторов ханьского времени, имеют малые размеры, редко превышающие 1—2 *га* и ограждены подквадратным обводом мощных валов (стен) с несимметричными бастионообразными башнями. До одной четверти площади таких городищ занимает огромный холм арка с примыкающей к нему возвышенной площадкой. Иногда такое большое «тепе с площадкой» и вовсе не имеет валов у подошвы. Это были сильно укрепленные «замки» земельной, патриархально-рабовладельческой знати, но никак не города в современном значении этого слова.

Для понимания термина «город» (чен), употреблявшегося в китайских официальных документах, представляется необходимым учесть, что он означал в них вообще всякое поселение, окруженное стенами, а не город в нашем понимании. Таких окруженных стенами поселений в Та-Юани было действительно много, но нет никаких оснований считать их городскими центрами [48].

Возможно, что отдельные «города» Та-Юани как резиденции-крепости «правителей» имели и более крупные размеры. Такие, например, как резиденция вана Мугуа — «Эрши», которую китайский полководец Ли Гуан-ли осаждал 40 дней и не смог взять ее «внутренних стен» (арка), или резиденция «правителя» какой-то восточной области Та-Юани «город Ю» (Ю-чен). Можно допустить, хотя на это и нет пока никаких прямых указаний, что для потребностей двора «правителя» и правящей верхушки рабовладельческой знати в таких крепостях-«городах» начали уже складываться в какой-то начальной форме элементы ремесла и торговли. Но ни в китайских хрониках, ни в археологических материалах нет ничего, что могло бы дать основания говорить о городах в социологическом смысле этого слова и тем более о «расцвете городской жизни Ферганы» периода ФII. Ни концентрации населения в мирное время в сколько-нибудь значительных центрах, ни противопоставления его сельскому населению, ни продуктов ремесленного производства для рынка, в том числе такого как гончарство, ни, наконец, реальных следов самих городов в таюаньской (периода ФII) Фергане нет.

В области техники период ФII — это эпоха использования железа и значительного дальнейшего роста производительных сил на основе перехода от примитивных форм естественно орошаемого земледелия к начальным, но все же гораздо более уже эффективным способам искусственного орошения. Они давали возможность расширения ареала поливных земель, главным образом за счет освоения относительно высоко расположенной зоны Ферганской долины и ее предгорных степей.

Как показали древняя ирригационная система, обнаруженная в Кызыл-ярской степи, и изучение природных условий расположения оседлых земледельческих поселений периода ФII, это освоение шло в основном двумя путями. Водосборные системы на склонах предгорий, как в Кызыляре, и использование саевых потоков, как в Нура-тау, позволили освоить некоторые участки верхнего пояса предгорной степи [49].

Для орошения нижнего пояса этой зоны использовались боковые протоки, прорывавшиеся первоначально только в паводки в сторону от главного русла реки, при выходе ее в долину. Необходимость постоянной расчистки от наносов и устройство

[48] Это особое значение термина «город» в китайском было хорошо известно Бичурину, прекрасному знатоку китайской письменности и культуры. Чрезвычайно показательны в этом смысле его комментарии к переводам текстов с описаниями Японии. Переводя в Хоуханьшу, гл. 115, фразу — «Есть домы, но нет городов», он тут же поясняет в примечании: «То-есть нет селений, обнесенных стенами», а в тексте Суйшу, гл. 81, к переводу фразы «Городов нет», делает сноску: «То-есть городов, обведенных стенами» (Н. Я. Бичурин, ук. соч., т. II, стр. 46, примеч. 4 и стр. 95, примеч. 2).

[49] Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации..., стр. 15, 18; Я. Г. Гулямов. К изучению древних водных сооружений в Узбекистане. Изв. АН УзССР, 1955, № 2, стр. 63, след.; его же. История орошения Хорезма. Ташкент, 1957, стр. 55—59.

головных заборных сооружений постепенно превратили такие протоки в древнейшие магистральные каналы периода ФII.

К ним, например, очевидно относится несколько небольших древних каналов, орошавших западную, пониженную часть междуречья Нарына и Кара-Дарьи. Они, несомненно, были выведены по старым руслам боковых паводковых протоков, прорывающихся по левому, низкому здесь, берегу Нарына между Уч-Курганом и впадением в него Кара-Дарьи. С этими каналами и связан ряд таких памятников периода ФII, как расположенные в их нижних частях городища и группы тепе Катта-мугаль и Бузульмас. Никакой иной возможности для орошения этой части междуречья не могло быть по гидрологическим условиям местности, так же как ее не было и в позднейшее время, когда эти небольшие древние «туземные» каналы были зафиксированы на карте Ферганы 70-х годов прошлого столетия.

Переход к искусственному орошению значительно расширил экономическую базу создавшего и применявшего его общества. Но сооружение и эксплуатация древнейших искусственных ирригационных систем не были еще связаны с необходимостью осуществления особенно больших, сложных и трудоемких земляных работ. Каждая из таких систем охватывала сравнительно лишь небольшой район, хотя общая площадь орошения за их счет в период ФII значительно увеличилась.

Дальнейшее расширение и изменение ареала поливных земель охватило обширную плодородную равнину, лежавшую между заболачиваемыми низинами и предгорными, возвышенными степями. Оно стало возможным на основе дальнейшего развития и усложнения способов и приемов ирригации и происходило в следующем периоде ФIII.

Несомненное значение в этом имело более широкое применение железных орудий для земляных ирригационных работ и появление, вероятно, в эту именно эпоху, специально приспособленных для таких целей тяжелых мотыг — кетменей. С помощью их и сделалось достижимым проведение в твердом ферганском лессе, а местами и в галечных наносах и конгломератах, тех бесчисленных, тянувшихся иногда на десятки километров каналов, при посредстве веерной сети которых только и могла быть орошена новая зона поливных земель [50].

На тяжелых работах по сооружению огромных и сложных, охватывающих теперь целые области оросительных систем было необходимо сосредотачивать на длительное время организованный труд больших масс людей. В конкретных исторических условиях древней Ферганы это стало возможным не в период ФII, в эпоху рабовладельческого строя, не получившего, повидимому, в Фергане особого развития, а лишь в следующий период ФIII, в эпоху раннего феодализма.

Такие работы были еще недоступными сельским общинам периода ФII, с тем, едва ли значительным, количеством рабов, которое могло находиться в распоряжении общин и отдельных рабовладельцев в условиях не сложившихся в крупное политическое объединение ранних рабовладельческих государств (или государства) Ферганы. Они осуществлялись в периоде ФIII руками закрепощенных теперь общинников-земледельцев и продолжавших существовать (и еще в большем количестве) рабов. Их подневольный труд и был направлен крепнувшей силой феодального государства на создание огромных веерных оросительных систем и магистральных каналов, контроль над которыми и даваемой ими водой и являлся в условиях орошаемого земледелия основой власти господствующего класса.

Для установления времени и условий возникновения этих сложных оросительных систем первостепенное значение имеет археологическое исследование тех больших холмов — тепе, которые располагаются над их головными узлами.

Два из таких исключительно интересных памятников были обследованы в 1934 г. экспедицией. Один у Кампыр-равата на Кара-Дарье, другой — в западной части Ферганы, в Исфаринской долине.

[50] В этом отношении чрезвычайно интересна находка железного кетменя вместе с железной тешой (теслом), керамикой и обломками стеклянных кружек с рельефным узором, сделанная в 1948 г. в одном (3-м) из так называемых поглощающих колодцев в северной части городища Афрасиаб. А. И. Тереножкин, проводивший раскопки, уверенно датирует весь комплекс этих находок концом VIII в. Это наиболее ранняя, насколько я знаю, из пока известных и датируемых находок кетменя (А. И. Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиаб. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 137).

ШОШ-ТЕПЕ

Как указывалось, в план работ экспедиции 1934 г. входило также археологическое обследование Шарихансайской и Исфаринской оросительных систем.

По Шарихансаю было намечено провести его в двух важнейших узловых районах: на головном участке у Кампыр-равата и в зоне распределительного сооружения у Асаке. Охватить периферию системы и зону сбросовых каналов не представлялось, к сожалению, возможным. Даже разведочный только осмотр столь большой и совершенно археологически еще не изученной тогда территории занял бы целиком все время, имевшееся в распоряжении экспедиции.

Обследования у Асаке еще раз подтвердили, что обнаружить древние памятники в полосе современного интенсивного земледелия, если эта полоса совпадает с ареалом земель, возделывавшихся в предшествующие эпохи, бывает весьма затруднительно.

Всякое земельное возвышение — тепе или городище, обычно оказывается здесь сильно поврежденным при планировке поливных участков или срытым на удобрение полей.

Некоторые материалы могут дать лишь анализ названий поселенных пунктов и урочищ и поиски еще сохранившихся выходов культурного слоя на пашне, в обрезах арыков и т. п.

Очень интересным пунктом с точки зрения истории Шарихансайской системы является у Асаке теснина адыров, у выхода из которой расположено распределительное сооружение. Но произведенное обследование не обнаружило здесь никаких следов поселения или укрепления, которые могли бы дать указания на время устройства распределительного сооружения. Возможно, что такое укрепление находилось несколько ниже современного узла и что следы его уничтожены постройкой города.

Культурный слой, обнаруженный у края левого крутого склона теснины, занятого теперь городским садом и отдельными постройками, относится к позднейшему времени и непосредственно с разбираемым вопросом связан быть не может.

Если работы в районе Асаке не дали определенных результатов, то обследование у Кампыр-равата, в головной части Шарихансайской ирригационной системы, позволило сделать некоторые наблюдения по истории ее возникновения.

При выходе из долины Узгена, Кара-Дарья прорывается сквозь ущелье Кампыр-рават и, теряя свой бурный характер, течет затем в западном направлении по сплошь возделанной плоской равнине.

В самой теснине Кампыр-рават, на правом берегу Кара-Дарьи, между скалистым обрывом прорезанной рекою каменной гряды и водой остается узкая полоса, по которой проходит дорога на Узген и далее, через перевалы в горах в Кашгар.

В наиболее узкой части ущелья, над древним караванным путем в Китайский Туркестан и головными сооружениями крупнейших, выведенных здесь из Кара-Дарьи магистральных каналов Шарихан-сай, Андижан-сай и Савай, возвышается конусообразный, крутой холм Шош-тепе. Достигая 8—9 *м* высоты, он хорошо заметен издали на покатой к реке узкой полосе берега (рис. 26).

Склоны тепе, особенно у подошвы, сильно повреждены частично уже заплывшими ямами. К северной, обращенной к скалам его стороне, Кампыр-раватстроем, сооружавшим в 1934 г. дамбу у головных участков Шарихан- и Андижан-сая, была проложена узкоколейка для вывоза лесса из карьера, заложенного в северной поле Шош-тепе. Желтый лессовый суглинок, из которого сложен Шош-тепе, более жирный и тонкий чем лесс, покрывающий нетолстым слоем аллювиальные наносы узкой террасы правого берега, использовался при различных постройках Кампыр-раватстроя. Сделанная строительством выемка разрушила значительный участок тепе, обнажив его культурные слои приблизительно на 5 *м* от подошвы.

В верхней части этого обреза была видна горизонтальная кладка из некрупных речных валунов, обычно устраиваемая в основании сырцовых стен. Она, вероятно, указывает на нижнюю границу напластований, относящихся ко времени если не последнего, то во всяком случае одного из позднейших сооружений, возводившихся некогда на Шош-тепе. Аналогичная кладка из валунов была обнаружена и в основании

насыпи арка 1-го городища в Кызыл-яре.

Ниже идут более древние слои метаморфизованного лесса с прослойками золы, углем и обломками керамики. На вершине холма, откуда открывается вид на ущелье, положение Шош-тепе на самом берегу, непосредственно у того места, где берут начало магистральные каналы, указывает, что укрепление это блокировало не само ущелье и пролегавшие через него древние караванные пути, а ирригационные системы Са-

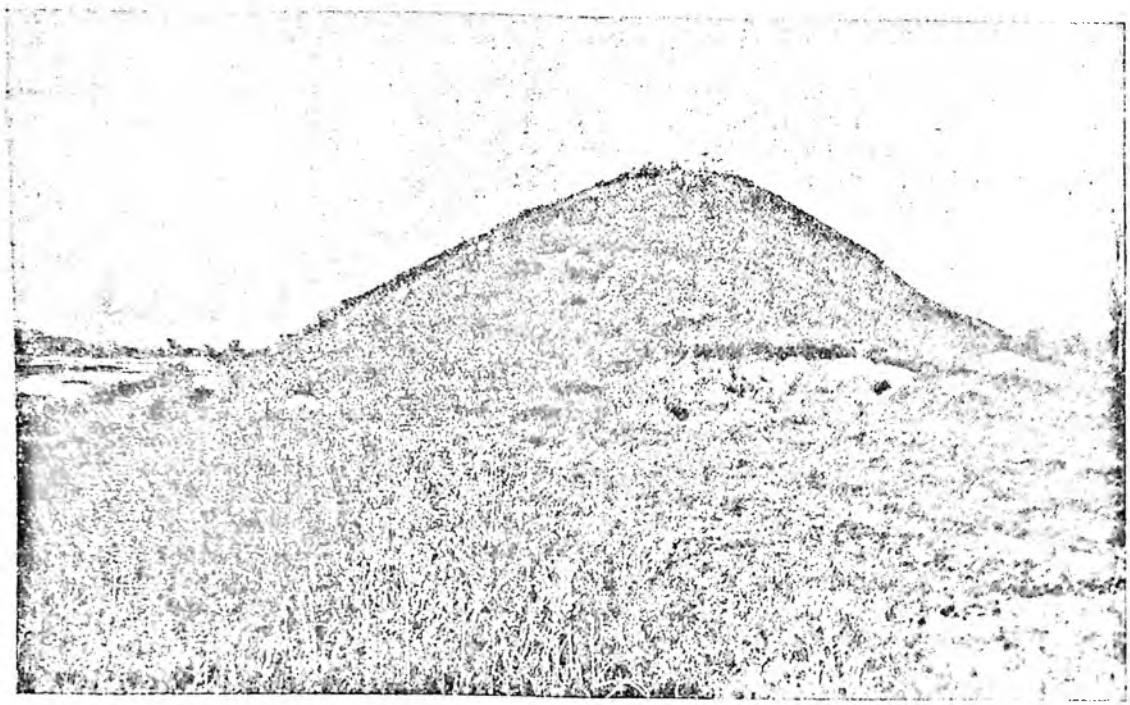

Рис. 26. Шош-тепе над головным участком магистральных каналов, выведенных из Кара-Дарьи у Кампыр-равата.

головные сооружения каналов и долину (к востоку — на Узген и на запад — на Ханабад), устроено небольшое христианское кладбище.

То, что Шош-тепе возникло в результате постепенного отложения культурных напластований, воздвигаемых в течение длительного отрезка времени на одном и том же месте сырцовых построек, не вызывает сомнения. Можно с уверенностью сказать также, что это были замкнутые, укрепленного типа сооружения.

Развалины их, вероятно, и явились основанием для возникновения позднейшего названия «Кампыр-рават», аналогичного «Кампыр-дувал», которым обозначают развалины древних сырцовых стен в районах Ташкента и Бухары.

Отсутствие каких-либо остатков стены, которая перегораживала бы ущелье, и расвая, Шарихан- и Андижан-сая. Господствуя над их головными сооружениями, оно имело то же значение ключа ко всему обширному орошаемому ими району, которое для сохской оросительной системы имело древнее укрепление Сар-курган на правом берегу р. Сох, у кишлака Сары-курган, господствовавшее над головным узлом Сохского веера арыков.

Связь таких укреплений, блокировавших головные узлы древних оросительных каналов, с возникновением и развитием больших ирригационных систем очевидна.

Археологическое исследование их для изучения вопросов истории ирригации имеет тем большее значение, что сама сеть каналов не дает, обычно, достаточных оснований для определения времени ее возникновения, а памятники, оказавшиеся на орошаемых и в позднейшее время землях, как отмечалось,

сохраняются плохо. Остатки же укрепленных поселений, или «замков», подобных Шош-тепе и Сар-кургану, находятся выше орошаемой зоны. В толщах своих культурных наслоений они содержат исключительно ценный материал по истории тех ирригационных систем, которые они некогда охраняли, контролировали и подчиняли.

Нижние, наиболее ранние слои Шош-тепе, характеризуются, поскольку об этом можно было судить по данным обследования, обломками чаш, обычных для керамики периода ФII. Красочная облицовка у них оранжево-красная, блестящая, но не очень густая и ровная. Посуды 1-го типа (с прочерченным орнаментом) при сборах не встречено.

Обнаруженная керамика очень близка к красноангобированной керамике ФII других районов Ферганы. Но трудно еще решить, вполне ли она тождественна ей или представляет собой в долине Узгена какой-то местный вариант. Все же нижние слои Шош-тепе, благодаря этим находкам, довольно уверенно можно отнести к периоду ФII. В эту эпоху, по-видимому, и началось постепенное превращение используемых для орошения паводковых, сбросовых протоков, прорывавшихся в этом месте по левому берегу Кара-Дарьи, в древнейшие магистральные каналы Кампыр-раватского ирригационного узла. Оно явилось следствием постоянной расчистки русла таких, первоначально естественных, протоков от наносов и, вероятно, устройства каких-то простейших головных заборных сооружений, над которыми и возникло охранявшее их укрепление.

Залегающая выше толща культурных напластований Шош-тепе дала керамику более позднего комплекса, в который входит, как руководящий в его определении тип, посуда с сургучно-красным тусклым ангобом, характерная для периода ФIII. К этой эпохе, вероятно, относится дальнейшее развитие и рост, как искусственных уже оросительных сооружений, больших магистральных каналов Савайской, Шариханской и Андижан-сайской оросительных систем.

При обследовании Шош-тепе была обнаружена еще одна особая, не встречающаяся ранее группа керамики, лепная, с росписью, нанесенной матовой, буровато-красной краской по светлопалевой поверхности. Наряду с этими архаическими чертами, она совмещала в себе и ряд несомненно поздних признаков, как, например, кувшинообразные формы сосудов с развитыми ручками дужкой. По первым впечатлениям, казалось возможным сблизить ее с той расписной керамикой, которая в виде пережитка сохранилась до настоящего времени в некоторых районах у горных таджиков. Для более раннего времени (IX—XI вв. **н. э.**) подобная керамика известна как «псевдотрипольская» по находкам на городищах Афрасиаб в Самарканде, а теперь и на Мунчак-тепе у Беговата и в Узгене[51]. Ее, видимо, следовало отнести к самым верхним слоям Шош-тепе, ко времени использования ее в качестве укрепленного средневекового замка, блокировавшего давно уже существующие и развивавшиеся далее ирригационные системы.

Головные сооружения каналов, вероятно, первоначально находились непосредственно у подошвы Шош-тепе, т. е. несколько выше современных, что давало возможность орошения более высоких, ближе к предгорьям расположенных, участков. С этой точки зрения значительный интерес представляло бы археологическое обследование Савайской степи. Сравнительное изучение разбросанных по ней многочисленных тепе и городищ, с одной стороны, и Шош-тепе, с другой, могло бы дать материал для установления направления роста оросительной системы.

Связь укрепленных «замков», оплывшими развалинами которых являются тепе над головными узлами древних больших

---

[51] В. Ф. Гайдукевич. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг. КСИИМК, вып. XIV, 1947, стр. 108. А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 186. Аналогичная кампыр-раватской расписная керамика обнаружена теперь Ю. А. Заднепровским на городище Шурабашат, близ Узгена. Раскопки 1954—1956 гг. позволили ему проследить стратиграфическое соотношение нескольких разновременных ее комплексов. Образцы расписной керамики, собранные на Шош-тепе, относятся к сравнительно поздним типам, видимо, синхронным периоду ФIII. В более ранние комплексы Шурабашата входит вместе с расписной и красноангобированная керамика ФII, подобная той, что была встречена нами в 1934 г. в нижнем горизонте Шош-тепе, а также, видимо, керамика и актамского типа ФI(2). (Ю. А. Заднепровский. Городище Шурабашат. КСИИМК, вып. 71, 1958; его же. Археологические работы в Южной Киргизии. КСИИМК, вып. 76, 1959).

ирригационных систем, с этими системами, и значение их не только для охранения головных сооружений, но и для подчинения областей, получавших воду из блокируемых ими каналов, выявилась еще при обследовании в 1930 г. на Сохе[52]. Тот, кто владел таким «замком», владел и водой оросительной системы. Контролируя ее распределение, он господствовал над всем районом, который ею пользовался.

Обследования Шош-тепе на Кара-Дарье и замка Калаи-боло в Исфаринской долине, описание которого дается ниже, подтвердили такое значение этих тепе. В последующие годы несомненная связь их с древними оросительными системами была отмечена в целом ряде случаев и для других районов Средней Азии[53].

Исследование таких тепе является одной из важнейших задач в изучении истории ирригации и не только в узком, техническом смысле этого слова, или только для установления времени возникновения той или иной оросительной системы, но имеет и гораздо большее значение. Оно может позволить на основе конкретных археологических материалов ближе подойти к вопросу о связи развития ирригации с теми коренными изменениями в производственных отношениях и строе общества, которые происходили в Средней Азии с возникновением больших и сложных оросительных систем. Сооружаемые уже не отдельными земледельческими общинами, каждая для себя самой, а государством, они вели к появлению на этой основе особых прав господствующего класса, представляемого этим государством, на орошаемую землю.

В частности, это дает возможность, как мне представляется, яснее понять социальную сторону событий, отраженных в известном рассказе Геродота о постройке персидским царем водохранилища и головных сооружений («шлюзов») на реке Акес, и о тех последствиях, которые она имела для населения.

ИСФАРА

Исфаринский район, один из самых западных орошаемых районов Ферганы, входит в состав Таджикистана. Он очень близок по своему характеру к соседящему с ним на востоке Сохскому району, обследованному экспедицией в 1930 г.

Река Исфара сбегает по довольно узкому ущелью с гор, ограничивающих Ферганскую долину с юга. Она выходит в долину у небольшого кишлака Рават, где расположены головные сооружения каналов, которые и разбирают полностью всю ее воду. Расходясь веером, они пересекают конус галечного выноса Исфары и орошают обширное полукольцо возделываемых земель, среди которых стоит и Канибадам. За ними начинается все понижающаяся к Сыр-Дарье засоленная степь, заносимая местами барханными песками.

На востоке сеть веера исфаринских каналов сближается с каналами сохской системы, а на западе крайний из них, проложенный по краю предгорий выше Канибадама, доходит до Махрама, лежащего в самом проходе из Ферганы в степи.

В 35 *км* выше Равата ущелье р. Исфары расширяется, образуя хорошо орошенную и сплошь возделанную замкнутую горную долину, в которой расположен районный центр г. Исфара.

Обследование началось с окрестностей Канибадама и охватило исфаринский веер каналов от Куч-кака до Саур-тюбе, Якатута, Бешарыка и Рапкана. Затем оно было продолжено в зоне Исфаринской долины.

Всюду здесь пришлось встретиться с хорошо уже известным явлением плохой сохранности древних памятников на территории современного орошения и интенсивного земледелия. Разведки у Канибадама и Исфары к тому же были затруднены большими садовыми насаждениями, скрывающими при осмотре местности детали ландшафта. Тем не менее, проведенные изыска-

---

[52] Б. А. Латынин. Отчет об археологических работах в Фергане в 1930 г. Рукопись в архиве Узкомстариса.

[53] Д. Д. Букинич. Каналы Древнего Термеза. Тр. АН УзССР, т. II, сер. 1, Ташкент, 1945, стр. 194; В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 108—109; С. П. Толстов. По следам древней хорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 122; Я. Г. Гулямов. Отчет о работе третьего отряда..., стр. 103; его же. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Автореферат докторской диссертации, Ташкент, 1949, стр. 16.

ния дали некоторый материал по истории исфаринской оросительной системы.

В головной части, у кишлака Рават, обнаружить укрепление, память о котором сохранилась в самом названии кишлака, не удалось. Представляется очень вероятным, что оно здесь имелось и выполняло те же функции охраны и контроля головного узла, что и Шош-тепе на Кара-Дарье и Сар-курган на Сохе. Его следы, вероятно, полностью уже уничтожены и скрыты под современными постройками кишлака.

В 0,5 *км* на северо-восток от Равата есть развалины какого-то довольно позднего сооружения, известные у местных жителей под названием «Эски-курган», т. е. старинное укрепление. Остатки его представляют собою приближающееся к прямоугольнику возвышение, размерами с севера на юг до 20 *м*, с запада на восток до 8 *м*. Внутренняя его площадка, огражденная остатками стен, возвышается на 1,5 *м*. Сырцовые стены почти срыты и сильно оплыли. Несколько лучше они сохранились лишь по северному фасу. С развалинами у местных жителей связаны предания о «дворце отца Худаяр-хана».

Такой же пример постепенного уничтожения древнего памятника дают остатки тепе у кишлака Холта, близ Канибадама. Оно находится среди хлопковых полей в 0,5 *км* от полотна железной дороги Канибадам-Исфара и приблизительно в 100 *м* от разветвления дорог на кишлаки Патар и Холта. Декхане называют его термином «туда».

В 1934 г. от него уцелело не более 10 $м^3$ древней насыпи. Все остальное срыто при проведении железной дороги и на постройки. Площадь, которую занимало тепе, удается проследить по выходам культурного слоя на прилегающих полях и в откосах арыков метров на 150 в северо-западном направлении от еще сохранившейся его части. С тепе связаны предания о «китайцах» и варианты обычного фольклорного рассказа о том, что его насыпали воины какого-то «хана», принеся каждый по мешку земли.

Сопоставление образцов керамики из сохранившихся еще местами нижних слоев этого тепе с лучше стратиграфически характеризованными комплексами, которыми для Исфаринского района еще нельзя, к сожалению, располагать в достаточном количестве, позволит точнее определить время, к которому оно относится. Однако полное отсутствие поливной посуды и близость сделанных находок к керамике с сургучно-красным ангобом периода ФIII, дают основания отнести разрушенное тепе у кишлака Холта к эпохе раннего средневековья.

Хотя соотношение тепе у с. Холта с оросительной системой Исфаринского веера, в сети каналов которого оно находится, и не вполне ясно, такая датировка его должна быть принята во внимание при решении вопроса о возрасте данной системы. Она подтверждает вероятность возникновения каналов исфаринского веера в период ФIII.

Большой интерес для решения того же вопроса имеют и остатки древних поселений, обнаруженные при обследовании окрестностей кишлаков Джар и Рапкан.

В целом ряде мест, в выдувах на песчаных дюнах, были собраны фрагменты неполивной керамики тех же типов, что и в тепе у Холта. Особенно интенсивные выходы культурного слоя отмечены в 0,5 *км* к северу от Рапкана, на холме, вероятно, представляющем собою остатки занесенного песком укрепления. Форма холма овально-вытянутая с запада на восток. Длина его около 30 *м*, высота до 4 *м*. Весь этот район в прошлом, очевидно, орошался лучше и имел густое население.

Следы древних поселений прослежены на периферии Исфаринской системы и в районе Беш-арыка. За кишлаками Декхан-Туда и Чорбаг-Турангы, у границы орошенных земель и низкой солончаковой степи левого берега Сыр-Дарьи, тянется несколько невысоких песчаных гряд. За рекой они доходят до небольшой горной цепи, пересекающей параллельно реке степь за Наукатом.

В этих горах, по словам местных жителей, есть древние разработки меди, которую, якобы, добывали здесь и в позднейшее время, — «перед войной 1914 г.».

В наиболее возвышенной части песчаной гряды дюн, расположенной у перекрестка дорог за кишлаком Декхан-Туда, в выкидной земле из могил мусульманского кладбища обнаружены выходы довольно мощного культурного слоя. Почва дюнного холма сильно засолонена. Но многочисленные находки на нем керамики периода ФIII свидетельствуют, что в определяемое этими

находками время, при ином распределении воды исфаринских каналов, она была доведена и сюда, и что низкая степь левого берега Сыр-Дарьи могла быть орошаемой и заселенной. Было бы весьма желательным продолжить изучение этой зоны, так же как

полагали, что она служила «для предохранения от силевых потоков», сбегающих с предгорий. В связи с этим вставал вопрос, не остатки ли это каких-то водосборных сооружений, подобных тем, которые были обнаружены в Кызыл-яре[54].

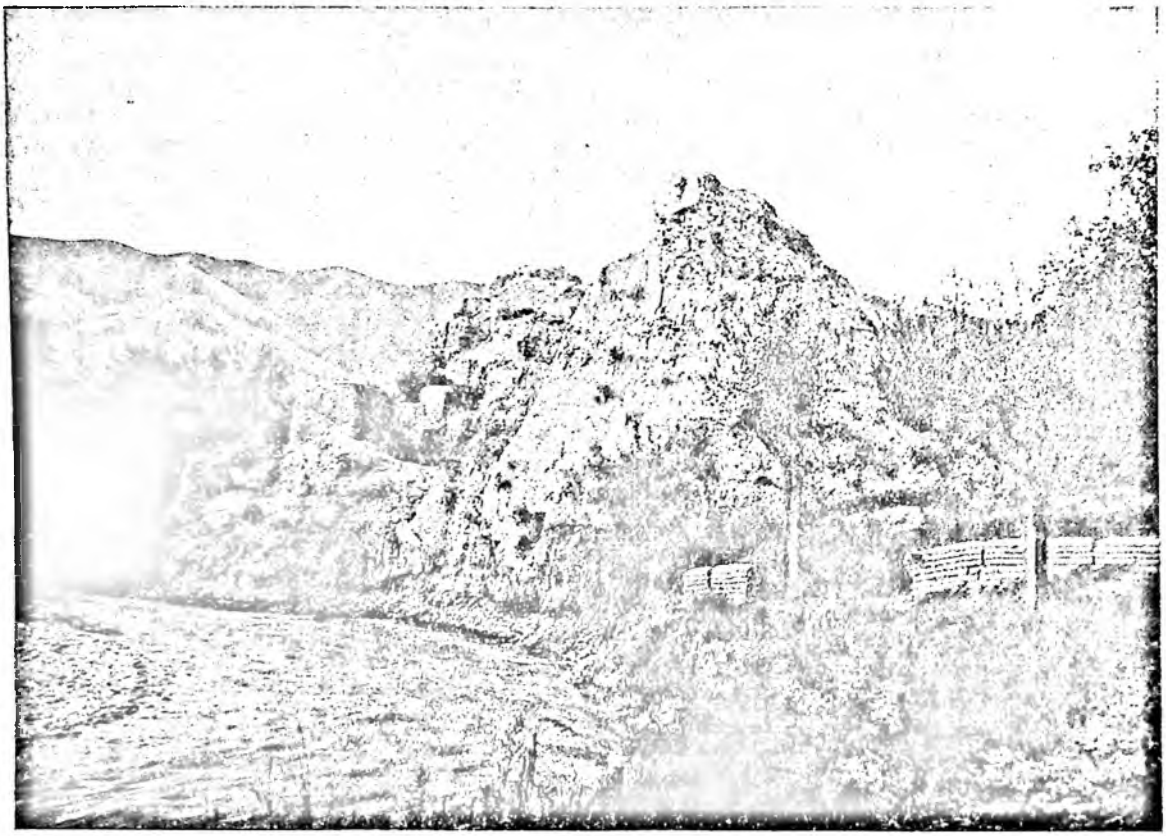

Рис. 27. Развалины Калаи-боло над р. Исфарой.

и вообще пониженной центральной части Ферганской долины, по которой проходили русла низовьев Исфары, Соха и других рек, впадавших, до вывода из них больших веерных оросительных систем, в Сыр-Дарью.

При обследовании западной части исфаринского веера и осмотре дюн у Якатута, памятников древности обнаружено не было, но со слов декхан были получены указания на существование «Палван-тепе» у кишлака Тюря-курган и вала, или стены (кампыр-дувал), сложенной «из камней насухо», без раствора. По их словам, стена пересекает склоны адыров от Акчичек-сая до дороги на Ниазбек. Сотрудники Канибадамской конторы Сазгипровода, видевшие стену, пред-

Дальнейшие работы были сосредоточены выше по течению р. Исфары, в Исфаринской долине. Уже одни рассказы местного таджикского населения дали указания на целый ряд древних памятников. Наиболее достоверные из них касались следующих точек:

крепость Калаи-боло в 2-х *км* на юг от г. Исфары, на правом берегу реки;

[54] Такое предположение, однако, не подтвердилось. Каменный вал у Ниазбека был обследован в 50-х годах Б. А. Литвинским и, по его мнению, представляет собою развалины крепостной стены, перегораживавшей долину от гор и, возможно, до Сыр-Дарьи (Б. А. Литвинский. Новые материалы по археологии Таджикистана. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 139 и след.).

развалины крепости близ Ханабадской дороги, неподалеку от Балатского моста и Калачи-мазара;

древняя крепость по дороге в Лякон, за кишлаком Чильгазы.

Самым интересным объектом с точки зрения истории возникновения и последующего развития ирригации Исфаринской долины являлась Калаи-боло, т. е. Верхняя крепость, расположенная над головными узлами каналов, расходящихся по Исфаринской долине.

Возвышаясь над обрывом берега реки Исфары, у входа в небольшую теснину, где горы, окружающие долину, несколько сужаются и река образует изгиб, крепость заметна еще издали (рис. 27). В плане она представляет собою вытянутый с севера на юг прямоугольник, размерами, приблизительно, 80 × 35 *м*, при наибольшей высоте оплывших развалин крепости («замка») над уровнем прилегающего поля до 12—14 *м*. Постройки верхней ее части сложены из больших, плоских сырцовых кирпичей (41 × 21 × 8 *см*). По двум углам сохранились остатки башен, не выступавших из толщи стен наружу. Верхняя площадка крепости перегорожена невысокими толстыми стенами на два ряда неузких прямоугольных помещений, которые были перекрыты рухнувшими теперь сводами. В верхних частях стен были еще заметны остатки сводчатой кладки.

Массивные своды коридоров нижнего этажа сохранились лучше и в них можно еще проникнуть. В обращенной к реке юго-восточной угловой башне уцелели небольшие амбразуры. Сырцовая кладка двух этажей укрепленного замка лежит на насыпи, достигающей 5 *м* высоты от уровня прилегающего поля и насыщенной культурными остаками.

С восточной (напольной) стороны мыс, образуемый рекой, на котором и расположена Калаи-боло, был когда-то перегорожен глинобитной стеной, проходившей примерно в 50—60 *м* от крепости. Стена срыта до основания в недавние годы и местное население ее еще хорошо помнило. С Калаи-боло у исфаринских таджиков связаны легенды об «Александре Македонском».

В промоинах верхней площадки при обследовании в большом количестве были обнаружены фрагменты керамики. Основную массу составляли обломки толстостенных хумов от запасов, когда-то хранившихся в кладовых замка. Встречалась также керамика с тусклой сургучно-красной облицовкой, характерная для памятников периода ФIII. Единственный фрагмент донышка чаши с бирюзовой поливой найден в культурном слое, в обрывистом береге реки, на площадке между срытой уже внешней стеной и самою крепостью [55].

Основное значение Калаи-боло представлялось довольно ясным даже по материалам предварительного обследования.

Она играла, очевидно, ту же роль защитного и контролирующего укрепления, блокируя головной узел оросительной системы Исфаринской долины, что и Сар-курган для Соха и Шош-тепе для Савая, Шарихан- и Андижан-сая. Все три существовали весьма длительное время, в течение которого, в процессе разрушения возобновлявшихся на том же месте сырцовых строений, наросли мощные культурные напластования, образовавшие высокие холмы или тепе.

Сар-курган на Сохе и Калаи-боло на Исфаре долго сохраняли свое значение. Их последние по времени крепостные сооружения, перекрывавшие сверху древние слои тепе, на которых они воздвигнуты, относятся к концу XVIII — началу XIX вв. Но, так же как и у Сар-кургана на Сохе, планировка в виде вытянутого прямоугольника, сырцовая кладка стен и сводчатые перекрытия верхних построек Калаи-боло на Исфаре покрывают собою культурные напластования предшествующего периода ФIII.

---

[55] В 1951—1952 гг. на Калаи-боло Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским были произведены раскопки, которые обнаружили остатки 3-х строительных периодов. К первому, раннему периоду, они отнесли остатки двух массивных сырцовых стен «позднe кушанского» времени, вскрытых в нижнем горизонте насыпи. Эта насыпь была спланирована и использована как платформа для постройки укрепленного замка VI—VIII вв. н. э. От него сохранились платформа, крепостные стены, внутристенные коридоры, пандус и остатки некоторых помещений на верхней площадке. После разрушения и запустения замка, в 3-м строительном периоде, этапы которого относятся к XI—XII, XIV и XVIII—XIX вв., восстанавливаются, укрепляются дополнительно и возводятся частично заново его стены и постройки верхней площадки (Б. А. Литвинский, ук. соч.; стр. 142, след. и рис. 56; Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Тр. Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXXV. Сталинабад, 1956, стр. 70—137).

В этих сооружениях, несмотря на некоторые позднейшие перестройки XI—XII вв., сохранился тип замка ферганского феодала-дихкана, блокировавшего оросительную систему Исфаринской долины. Датировка его VI(V) — VIII вв. н. э. нашла подтверждение в указанных раскопках Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского [56].

Шош-тепе на Кара-Дарье, также существовавшее весьма длительное время, теряет свое значение раньше, и его укрепления не возобновляются в позднейшую эпоху. Заключительный этап существования Шош-тепе как «замка», блокировавшего головной узел выведенных у Кампыр-равата оросительных систем, едва ли выходит за пределы IX—XI столетий н. э. Возможно, что оно обрывается и ранее в связи с тем, что стало доступным и необходимым такое дальнейшее изменение и расширение систем Савая, Шарихан- и Андижан-сая, при котором надобность в Шош-тепе, как замке, прикрывавшем их головные сооружения, отпала или его функции перешли к какому-либо иному укрепленному пункту, еще нам не известному.

Представляется вероятным, что древнейшими каналами, выведенными у Кампыр-равата и первоначально являвшимися руслами паводковых потоков, орошалась в период ФII лишь ближняя зона Савайской степи. До более удаленных и низких участков в районе Андижана, Ассаке и Шарихана они протянулись в результате их расчистки, расширения и устройства (или усовершенствования) головных водозаборных сооружений, что увеличивало и регулировало поступление воды в эти каналы, по-видимому, только в период ФIII и в еще более позднее время. Утрата Шош-тепе своего значения и была, возможно, связана с этими позднейшими изменениями оросительных систем.

Тот археологический материал, который дают в Фергане обследования и раскопки мест древних поселений, удалось в 1934 г. впервые пополнить в Исфаринской долине разведочными раскопками могильников.

Они были обнаружены в трех пунктах, по краям сложенных из галечных конгломератов возвышенностей, ограничивающих Исфаринскую долину с запада. Вероятно, число таких могильников, называемых местным таджикским населением «гори-муг», т. е. могилы магов (огнепоклонников), гораздо большее. Погребения нередко разрушают при расчистке арыков, проходящих вдоль подножья склонов возвышенностей, при различных земляных работах и т. д.

Были получены, например, указания на существование могильника по правому берегу Исфары на окраине самого города, где при прокладке арыка, за зданием Райисполкома было разрушено несколько погребений «с бронзовыми украшениями и сосудами».

Ближайший к Калаи-боло могильник (№ 1), расположен в урочище Хозина-хона, у дороги в Шураб, пролегающей по левому берегу реки (рис. 28), в месте наибольшего сужения долины. Возвышенность на противоположном берегу носит название «Гора 40 девиц» и с ней связаны легенды, повторяющие известный фольклорный мотив «девичьей башни». Метрах в двухстах от могильника дорога переходит через Шурабский мост, с которого хорошо видна Калаи-боло.

Покатый к реке склон возвышенности, занятый могильником, сильно изрыт неглубокими ямами. На поверхности его залегает большое количество фрагментов неполивной керамики. Среди них много обломков сосудов больших размеров, так называемых хумов.

С урочищем Хозина-хона («Дом казны») связаны рассказы о зарытых «сокровищах» и могильник подвергался разграблению кладоискателями. Население довольно подробно знает состав инвентаря, находимого при погребениях: бусы, бронзовые украшения, сосуды. Говорят и о находках «золота», что для данного района и периода, к которому, видимо, относится большинство погребений, не лишено вероятия.

Сильно изрытая поверхность могильника не дает возможности точно установить, имеют ли погребения наружные признаки. В лучше сохранившихся его участках были заметны небольшие холмики, достигающие высоты до 0,20 *м*, при диаметре 1,5—2 *м* и

[56] Ниже, как показали эти раскопки, в основании холма залегали остатки построек еще более раннего времени. Находки в этих нижних горизонтах красноангобированной с прочерченным орнаментом керамики, так же как и обнаружение ее в нижних слоях Саркургана, позволяют отнести возникновение укреплений над головными участками древнейших исфаринской и сохской оросительных систем, вероятно, еще к периоду ФII.

расположенные в непосредственной близости один возле другого.

Двумя заложенными в северо-западной части могильника разведочными раскопками было вскрыто два целых погребения и два разрушенных. Грунт — галечный нанос или древняя осыпь, смешанная с песчанистым лессовидным суглинком и заполняющая ложбины между концевыми частями невысоких, спускающихся к реке отрогов предгорий. В осыпи встречаются и отдельные, довольно крупные валуны.

Рис. 28. Могильник в урочище Хозина-хона.

Раскоп «А», размерами 4 × 4 *м* был заложен выше по склону. В середине приходился небольшой, очевидно, могильный, холмик.

Раскоп «В» размерами 3 × 3 *м* располагался ближе к дороге, в 9 метрах на С — В от раскопа «А».

Два верхних горизонта по 0,5 *м* толщиной в обоих раскопах оказались насыщенными фрагментами керамики и мелкими обломками костей человека. Иногда встречались угольки и линзы золы.

В раскопе «В» погребений не обнаружено. На глубине 0,6 *м*, на границе кв. 3 и 6 встречены в беспорядке обломки отдельных костей человека: части лучевой, фаланги пальцев и неопределенные обломки. На кв. 4, на глубине 0,8 *м* найдена каменная точилка с отверстием для подвешивания (рис. 29, *4*).

В раскопе «А», на кв. 4, 5 и 6, на глубине 0,6 *м* оказалось детское погребение.

Костяк на спине, вытянутый, руки вдоль туловища, головой на ЮЮВ. Кости плохой сохранности и пострадали от налегавших на них камней. Череп раздавлен валуном. При расчистке были хорошо заметны остатки истлевшей камышевой плетенки, покрывавшей погребение. Поперек голеней лежали короткие, толщиной в 1—2 *см*,

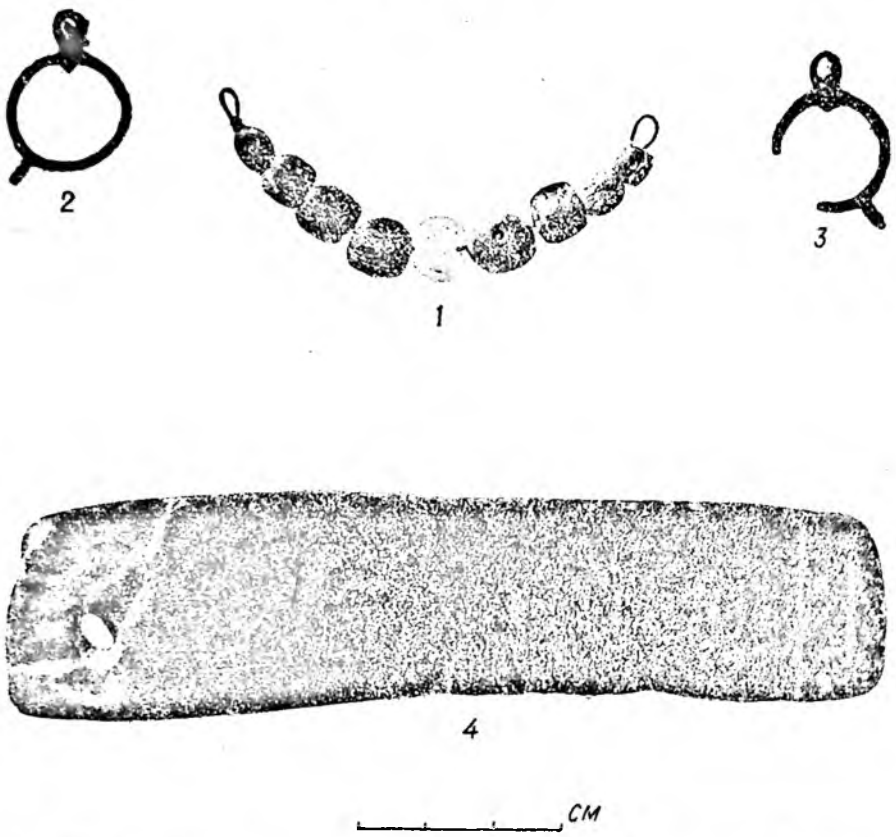

Рис. 29. Инвентарь грунтового погребения в урочище Хозина-хона. Оселок — отдельная находка в грунте могильника.

куски истлевшего дерева, прослеживавшегося в виде коричневатых прослоек в грунте. Такие же следы дерева были заметны и в области груди. Вероятнее всего, что это остатки ветвей, перекрывавших погребение поверх камышевой плетенки. У височных костей лежало по бронзовому колечку (серьге) с неподвижной каплевидной подвеской, у шейных позвонков и ключиц — стеклянные и пастовые бусы (рис. 29).

В ногах костяка, помещаясь на крупном валуне на 30 *см* выше уровня погребения, находился раздавленный камнями и сильно пострадавший от пропитавших его солей сосуд. Очертания могильной ямы не могли быть прослежены. Сосуд изготовлен на ножном круге и может быть отнесен к комплексу керамики ФIII.

Анализ металла, из которого изготовлены найденные в этом погребении колечки (серьги), произведенный лабораторией Института исторической технологии ГАИМК, дал следующие результаты: меди 70,83%, олова 6,63%, свинца 2,72%. Металл сильно окислен и анализ до полных 100% довести не удалось.

Наиболее вероятная датировка серег — VII—VIII вв. н. э. Близкая по форме серьга найдена при работах на строительстве Большого Ферганского канала в верхнем слое селища у Кайновата. Т. Г. Оболдуева, по аналогиям с находками в могильниках Кудыргэ на Алтае и Салтовском, отнесла ее к VII—VIII вв. н. э.[57] Встречен этот тип серег и в находках на такырах

[57] Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе..., стр. 18, табл. VI, рис. 12. См. также Н. Я. Мерперт. О генезисе Салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 30, табл. *2—34, 53, 60,* где приводятся типологическая классификация и основания для датировки серег «с каплевидной подвеской».

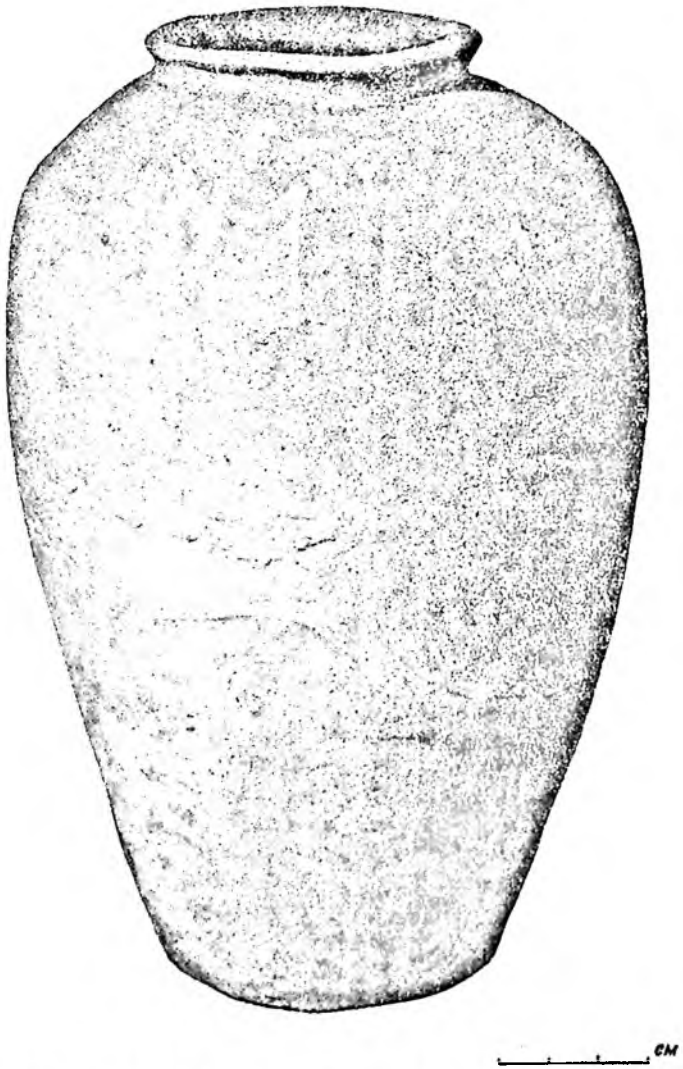

Рис. 30. Хум из погребения в могильнике в урочище Хозина-хона.

у раннесредневекового городища Беркут-кала в Хорезме[58].

В 20 *см* к западу от таза костяка ребенка, в естественном сочленении лежали кости левой руки взрослого: кисть, лучевые и локтевая.

Костяк, к которому они относились, очевидно, был ориентирован головой на юг и уничтожен при устройстве погребения № 1.

На кв. 13, на глубине 0,7 *м* и на кв. 14, на глубине 0,65 *м* найдено по фрагментированному (неполному) сосуду и мелкие обломки костей человека.

На кв. 14—15 было обнаружено кольцо из крупных валунов, лежавших в один ряд и окружавших больших размеров плоскодонный сосуд — хум — из светлой, зеленовато-желтой глины (рис. 30). Он сохранился полностью (рис. 31) и лежал на боку, на глубине 0,5 *м* от поверхности. Горло его, обращенное на юг, было прикрыто плоским валуном. Внутри сосуд заплыл на 10—15 *см* слоем тонкого отмученного лессового суглинка и содержал лежавшие грудой части неполного детского костяка без вещей.

[58] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, рис. 73.

Обнаруженное погребение принадлежит к числу погребений в кувшинных оссуариях и является, наряду с обычными грунтовыми погребениями, характерным для могильника. На его поверхности обломки таких в огромном количестве были встречены обломки больших хозяйственного назначения сосудов (хумов), служивших и погребальными оссуариями. Много обломков принадлежало чашам с широкими отогнутыми

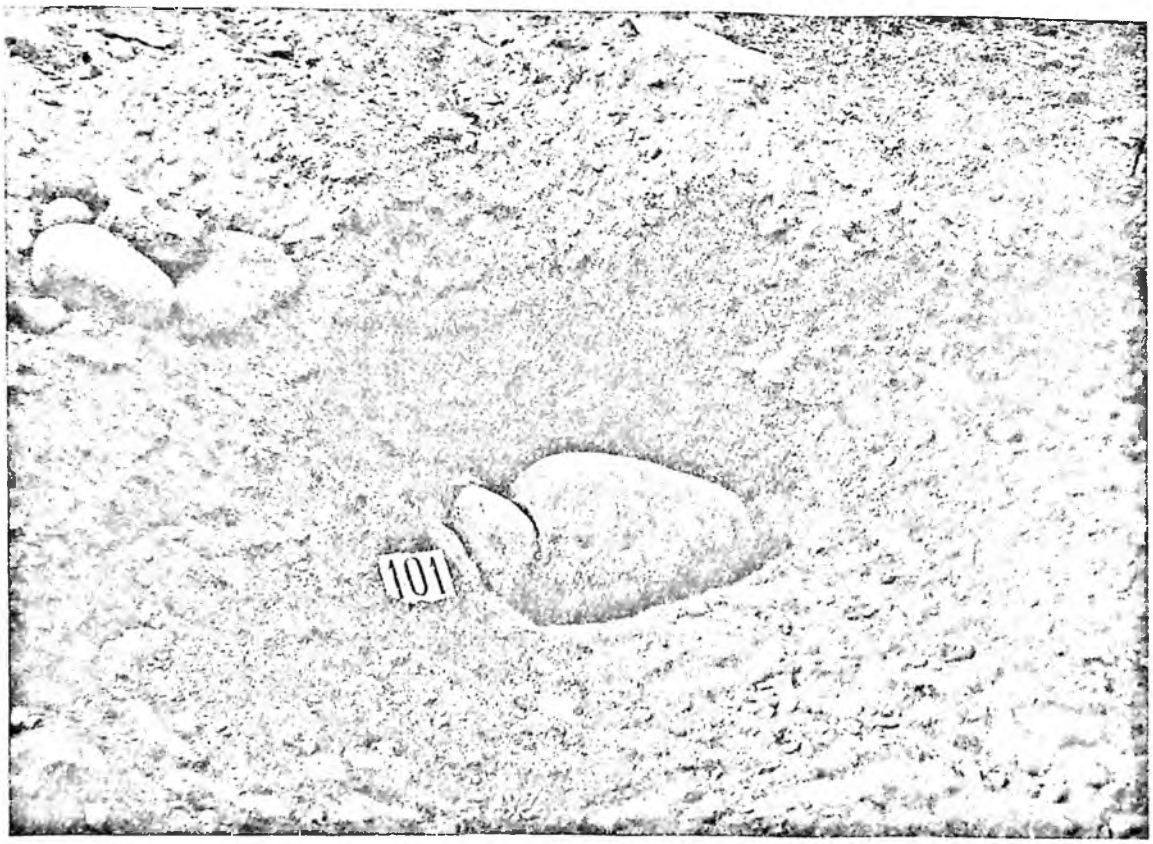

Рис. 31. Погребение в хуме. Хозина-хона.

же хумов из разрушенных грабительскими раскопками могил с кувшинными оссуариями встречались в большом количестве [59].

Галечный грунт в урочище Хозина-хона, в котором обнаружены погребения, оказался насыщенным обычно довольно крупными обломками керамики, характерной для периода ФIII (рис. 32). В обоих раскопах, начиная от самой поверхности, краями и характерной для керамики ФIII тусклой сургучно-красной облицовкой, а также сосудам кувшинообразных форм с палевой или светло-зеленоватой поверхностью и мелкими концентрическими желобками в верхних частях. На их дисковых поддонах иногда хорошо заметны следы срезывания веревочной петлей сырого сосуда с ножного гончарного круга.

Особо можно отметить обломок ручки сосуда со скульптурной головкой животного (рис. 33, *4*).

В очень небольшом числе были встречены также и мелкие обломки керамики с густой блестящей оранжевой облицовкой и прочерченным по ней орнаментом, харак-

[59] Аналогичные погребения в хумах были отмечены в древней Усрушане и Согде (О. И. Смирнова. Археологические разведки в Усрушане в 1950 г. МИА, № 37, 1953, стр. 203, рис. 17—18; Г. В. Григорьев. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент. ВДИ, 1939, № 2, стр. 144—145).

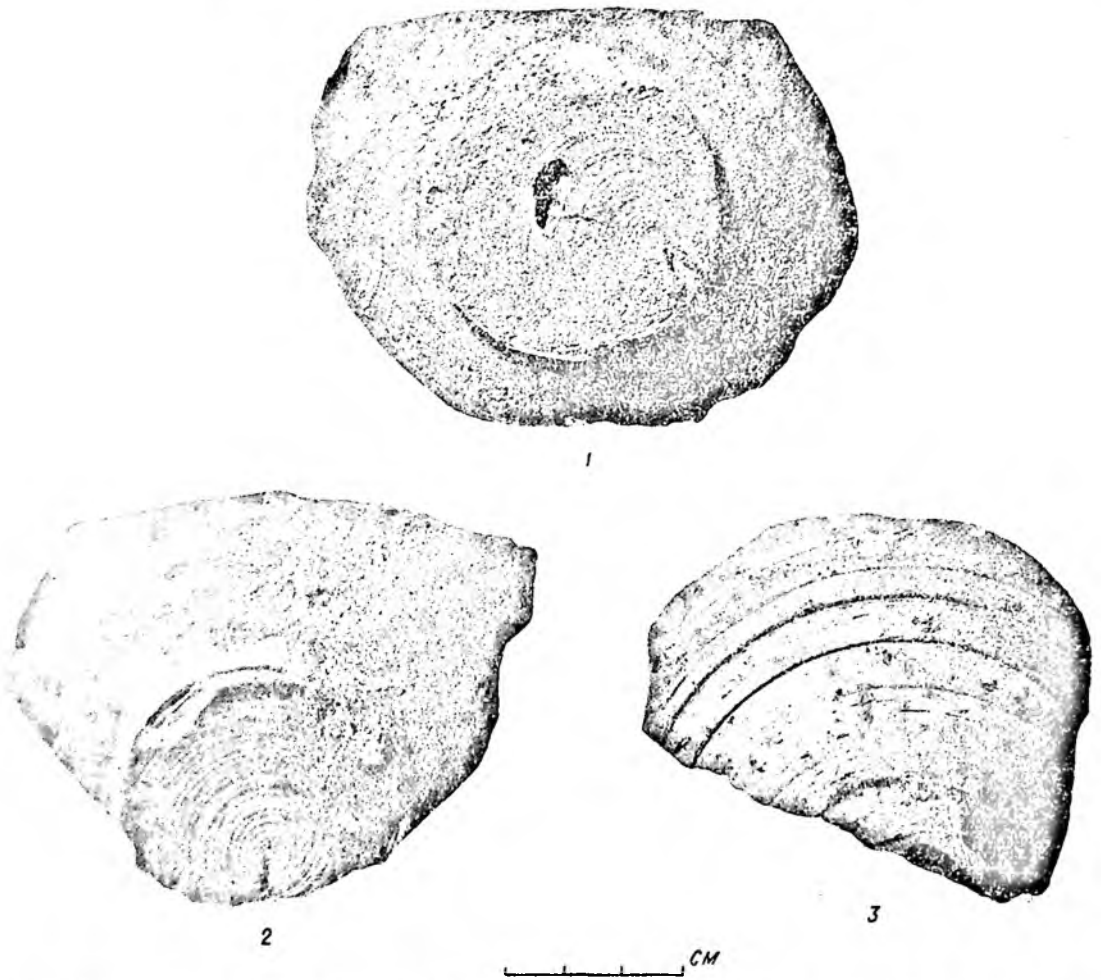

Рис. 32. Фрагменты сосудов периода ФIII, изготовленных на ножном гончарном круге. Хозина-хона, находки в грунте могильника.

терной для более раннего времени, — для периода ФII (рис. 33, *1—3*).

Такое обилие обломков керамики в грунте могильного поля, как мне представляется вероятным, могло быть обусловлено или разрушением погребений с их керамическим инвентарем при устройстве более поздних могил, или особенностями поминального культа, с его приношениями на могилы пищи в глиняной посуде.

Существует мнение, что могильник оказался расположенным на месте селища[60]. Против этого, однако, говорит то, что ни строительных остатков, ни костей домашних животных, которые должны были бы отложиться в культурном слое поселения, при раскопках встречено не было.

Второй могильник обнаружен на склоне той же возвышенности, ограничивающей Исфаринскую долину с юго-запада, но ближе к городу, в пределах его садов, в 0,5 *км* по Шурабской дороге от могильника № 1.

Найти его позволил выступивший здесь из обреза арыка хум-оссуарий. Один его бок был отбит при прокладке арыка и внутренность оссуария оказалась заполнена мелкой галькой и лессовым суглинком. Кости не сохранились. По словам владельца сада,

[60] Это предположение было высказано Ю. А. Заднепровским, анализировавшим состав находок из могильника Хозина-хона в своей диссертации.

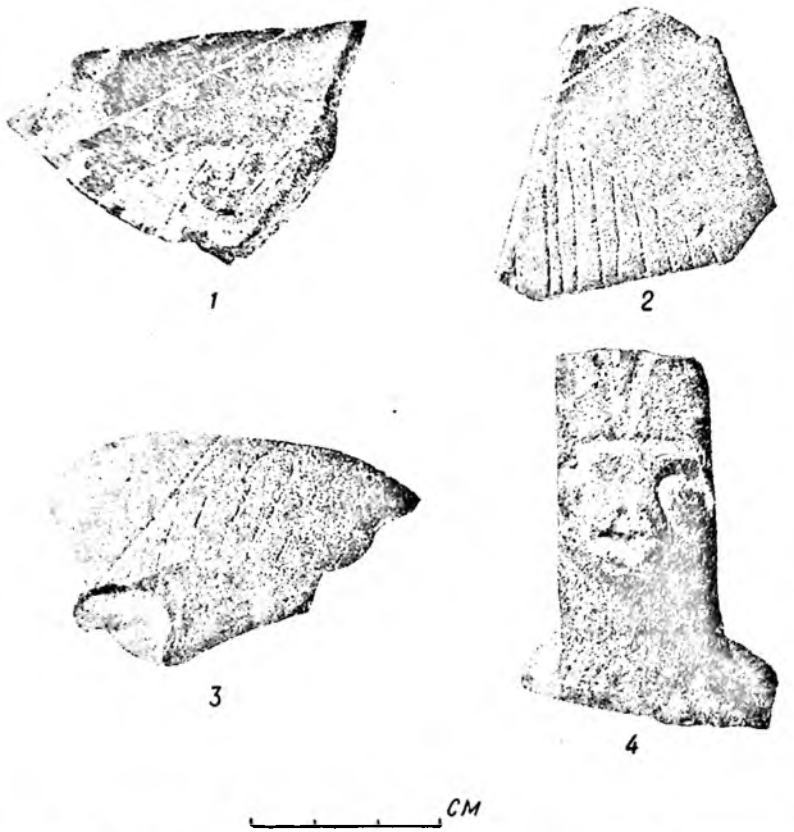

Рис. 33. Фрагменты красноангобированной с прочерченным орнаментом керамики периода ФII и зооморфной ручки сосуда. Хозина-хона, находки в грунте могильника.

он здесь находил и еще такие хумы, а также бусы. На поверхности крутого склона возвышенности, расположенной за садами и верхним арыком, повсюду разбросаны фрагменты керамики. Наличие в этом месте могильника, аналогичного 1-му, несомненно.

Третий могильник — курганный, находится не у подошвы склона указанной возвышенности, а на одной из образующих ее невысоких гряд, менее чем в одном километре на ЗЮЗ от городской больницы и в 1,5 *км* на СЗ от могильника № 2, в том месте где долина Исфары снова расширяется.

Гребень этой возвышенности, сложенной из галечного конгломерата, сильно смешанного с лессовым суглинком, и приближающейся по своему характеру к так называемым адырам, занят группой из 60—70 курганов. Насыпи расположены одна подле другой и достигают высоты от 0,2 до 1,5 *м*, при диаметре от 5 до 10 *м*. Некоторые из них носят следы грабительских раскопок, но в общем курганный могильник сохранился лучше, чем могильник в урочище Хозина-хона.

Для разведочных раскопок был выбран курган в центральной части могильника, давший погребение в грунтовой яме с боковой подбойной нишей. Еще два аналогичных кургана были вскрыты здесь Т. Г. Оболдуевой в 1936 г. [61]

Исфаринский курганный могильник датировался керамикой ФII, обнаруженной во всех вскрытых в нем погребениях. Устройство могильных сооружений, погребальный обряд, сопровождающий инвентарь, и в особенности керамика, позволяют отнести исфаринские курганы к той же группе па-

[61] Б. А. Латынин и Т. Г. Оболдуева. Исфаринские курганы. КСИИМК, вып. 76, 1959, где и дано описание всех трех курганов.

мятников, что и раскапывавшиеся в последующие годы курганы у Боркорбаза, Гурмирона, Джангаила, Воруха и некоторые другие. Кроме ряда объединяющих их черт погребального обряда и инвентаря, для этих курганных могильников весьма характерно расположение в долинах, или у выхода из предгорий, рек, сбегающих с гор на равнину Ферганы.

Самая тесная связь курганных могильников с оседло-земледельческой культурой Ферганы с особенной ясностью выступает в общности керамики. В то же время нельзя не отметить известную близость их с курганами степных скотоводческих племен сарматских кочевников.

Вопрос о курганах, прилегающих к Фергане предгорий и горных долин, имеет весьма большое значение. Эти курганы говорят о существовании в древней Фергане, наряду с оседлым поливным земледелием и скотоводством, использовавшим посевы люцерны для стойлового содержания домашних животных, также и отгонных форм скотоводства, с летним выпасом стад на горных пастбищах.

Аналогии эйлатанской и актамской керамики с керамикой из могильника Шарт, а также из селищ у Дараут- и Кызыл-кургана в Алайской долине, свидетельствуют о том, что такое яйлажное скотоводство, видимо, существовало в Фергане по крайней мере с этапа ФI/2.

Идентичность керамики оседлых земледельческих поселений периода ФII (иногда и ФIII) с керамикой курганных погребений Исфары, Боркорбаза и др. указывает, что отгонное скотоводство продолжало сосуществовать с оседлым поливным земледелием и в эту эпоху, также как оно бытовало в Фергане и в позднейшее время [62].

Материалы, полученные разведочными раскопками могильников у Исфары, позволили установить три различных варианта обряда погребения: 1 — в грунтовых ямах, 2 — в больших сосудах-оссуариях и 3 — в ямах с подбоем под невысокими курганными насыпями. Это несколько расширило те данные, на которые приходилось опираться в начале 30-х годов, работая в области вопросов ранних периодов истории Ферганы.

В плане стоявшего перед экспедицией, как одно из основных, задания по изучению истории возникновения и последующего развития Исфаринской оросительной системы, раскопки могильников в известной мере помогали уточнить в 1934 г. датировку одного из периодов жизни замка Қалаи-боло.

Керамика погребений 1-го и 2-го могильников, а также собранная на их поверхности и происходящая, вероятно, из разрушенных погребений, в своем большинстве была тождественна керамике, обнаруженной в промоинах верхней части Қалаи-боло. И там и здесь она относилась к типам керамики, характерной для памятников периода ФIII.

Как и инвентарь детского погребения, и в особенности кувшинные оссуарные погребения, дававшие местный вариант позднего зороастрийского ритуала, она позволяла установить факт существования Қалаи-боло в конце домусульманской эпохи, а вероятно, и ранее.

С Қалаи-боло могильники связаны н только во времени.

Подтверждая датировку одного из этапов его существования, как раннефеодального замка V—VIII вв. н. э., они давали возможность и несколько полнее представить себе то население, которое было подчинено обитавшему в замке феодалу-дихкану и обрабатывало земли, орошаемые контролируемой замком оросительной системой.

Замок, развалины которого занимают вершину холма Қалаи-боло, пережил, как показали раскопки Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского, арабское завоевание Ферганы и сохранял свое значение до XI—XII вв. и даже позже. Сохранилась и выведенная из р. Исфары у подножья его стен ирригационная система.

Время возникновения этой системы и блокировавшего ее древнейшего укрепления на месте Қалаи-боло относится к более ранней эпохе.

Ее определяет красноангобированная керамика периода ФII, обнаруженная Е. А. Давидович и Б. А. Литвинским в нижнем («кушанском») горизонте насыпи

[62] О постановке вопроса соотношений и взаимозависимости оседло-земледельческого и отгонного (яйлажного) скотоводческого укладов хозяйства в Фергане см. Б. А. Латынин и Т. Г. Оболдуева, ук. соч., стр. 25, а также С. С. Сорокин. Культура древних скотоводов в предгорьях Ферганы. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1958.

Калаи-боло, под строениями замка периода ФIII. Обломки керамики ФII были встречены и в грунте могильника № 1.

Так же как и находки такой керамики в нижних слоях Сар-кургана, для Соха, и в нижних слоях Шош-тепе, для Кара-Дарьи, это заставляет отнести время возникновения в Исфаринской долине каких-то ранних форм ирригационной системы, выведенной из р. Исфары у Калаи-боло, еще к периоду ФII.

Дальнейшее развитие и расширение системы, которая блокировалась Калаи-боло, также, видимо, как и большого веера каналов, расходившихся ниже, от Равата, заняло длительный отрезок времени. Оно проходило в период ФIII, при иных общественно-исторических условиях, когда на толще культурных пластований холма были воздвигнуты сырцовые стены раннефеодального замка, который затем неоднократно, вплоть до позднейшего времени, перестраивался.

Значительный интерес для понимания ряда вопросов, связанных с историей культурной жизни Исфаринского района и возникновением его ирригационной системы, имели работы Фархадской археологической экспедиции ИИМК в 1943—1944 гг[63].

Раскопки Ширин-сайского могильника и городища Мунчак-тепе у Беговата над Сыр-Дарьей, т. е. сравнительно неподалеку от Исфары, дали в условиях осуществлявшегося здесь крупного энергетического строительства широкие возможности для изучения древних памятников. Они позволили исследовать их путем вскрытия больших площадей и проследить стратиграфическое чередование культурных наслоений, которые оказались, как и в Каунчи-тепе близ Ташкента, близкими и синхронными памятникам периодов ФII и ФIII, выделяемым для районов, лежащих восточнее, в пределах самой Ферганской долины.

Самый нижний («1-й домусульманский») слой городища Мунчак-тепе и возвышающегося в его северо-восточной части продолговатого холма характеризовался керамическим комплексом, который руководивший раскопками на Фархадстрое В. Ф. Гайдукевич называет «кушанским» и датирует III в. н. э.[64] Он весьма близок к относительно поздним типам ферганской керамики периода ФII.

Также близки к ней находки и в развалинах сырцового строения, обнаруженного в 1944 г. в нижних слоях северного края этого холма и датируемого тем же временем, а по аналогии с соседними могильниками на Ширин-сае и к востоку от городища и несколько шире (I—IV вв. н. э.)[65].

Керамический комплекс верхнего «2-го домусульманского» слоя Мунчак-тепе и замка со стенами из сырцового кирпича, развалины которого были обнаружены в более поздних слоях на самой вершине того же холма, аналогичен керамике периода ФIII, в особенности исфаринской.

Время возникновения этого замка на вершине холма на Мунчак-тепе, образовавшегося в предшествующую еще эпоху, соответствующую периоду ФII, В. Ф. Гайдукевич относит к IV—V вв. н. э., а гибель его, после неоднократных перестроек, к VIII—IX вв.[66]

Все это дает картину очень близкую к той, которая наметилась и для Калаи-боло на Исфаре. Она, вероятно, типична и для ряда других памятников древней Ферганы, возникавших еще в период ФII и местами продолжавших существовать в период ФIII, вплоть до эпохи арабского завоевания и даже несколько позже.

Стратиграфические наблюдения, полученные на Мунчак-тепе, подтверждают, таким образом, последовательность и датировку периодов ФII и ФIII намечаемой периодизации древней Ферганы. Вместе с тем, они дают основания предполагать, что по мере дальнейшего накопления материалов явится возможность выделить и локальные варианты культуры этого времени.

Некоторые особенности, которые можно уже было заметить, например, в керамике Исфары, находят себе аналогии в керамике домусульманских слоев Мунчак-тепе. Именно к ним следует отнести правильное замечание В. Ф. Гайдукевича о том, что керамика Мунчак-тепе близка, с одной стороны — к керамике Ферганы, с другой — к каунчинской, характерной для древних оседло-земледельческих поселений района Ангрена и Чирчика[67].

---

[63] В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 92—109.
[64] Там же, стр. 100
[65] Там же, стр. 106.
[66] Там же, стр. 105.
[67] Там же, стр. 97.

Также, до известной степени, выделяются уже в особые местные группы памятники периодов ФII и ФIII для района южной части Ферганы и для долины Узгена.

Коснувшись возможности выделения местных вариантов, нельзя обойти вопрос и о соотношении культуры периодов намечаемой для древней земледельческой Ферганы археологической периодизации. Основным археологическим источником в этом пока остается массовый керамический материал, характеризующий памятники того или иного периода. Но имеющиеся сейчас данные позволяют лишь предварительно наметить некоторые возможности такого решения.

Так, проследить связь между памятниками периода ФI, с их лепной, весьма архаического облика крашеной и иногда расписной керамикой, и более поздними памятниками, с блестящей, оранжево-красной ангобированной, изготовленной на ручном круге керамикой периода ФII, не представлялось возможным. Оставалось неясным, существовал ли между ними разрыв во времени и культурном развитии, или это только пробел в наших знаниях и памятники промежуточной эпохи или переходного типа еще не выявлены.

Работы Т. Г. Оболдуевой на 3 и 8—9 участках Большого Ферганского канала и выделение А. И. Тереножкиным для Чача «Бургулюкской культуры» несколько заполняют уже эту лакуну, сближая культуру периодов ФI и ФII хронологически, а может быть и преемственно.

Иное соотношение давно уже можно было установить между памятниками периодов ФII и ФIII. Не только типы керамики, но и весь характер культуры их очень близок. Можно утверждать, что они непосредственно и тесно связаны друг с другом, являясь ступенями развития одной и той же культуры. Прямым потомком ее носителей, впитав значительную долю тюркского этнического элемента, видимо, и является позднейшее средневековое и современное основное земледельческое население Ферганы.

Особенно ценно, что при археологических исследованиях на Фархадстрое известное внимание было обращено и на вопросы истории ирригации.

В отчетном сообщении В. Ф. Гайдукевича об этих работах отмечается, что основой хозяйства во все времена существования поселения на Мунчак-тепе было поливное земледелие в прибрежной полосе к востоку от Беговата и что для орошения ее использовались источники, находящиеся в 3 *км* на ЮЗ от Мунчак-тепе и вода горной речки Ак-су.

Отмечается также интереснейший факт расположения близ кишлака Кош-тегермен, на холме, у подошвы которого из ключевых источников был выведен магистральный канал древней оросительной системы Мунчак-тепе, развалин сильно укрепленного поселения с холмом арка. «Очевидно, — добавляет В. Ф. Гайдукевич, — источники воды, обеспечивавшие жизнь обширной округе, находились всегда под надежной охраной» [68].

Совершенно очевидно, что в тепе у Кош-тегермена мы имеем дело с памятником, аналогичным по значению Сар-кургану, Шош-тепе, Калаи-боло и т. п., который не только охранял, но и подчинял и контролировал эту округу и ее оросительную систему. Изучение его могло бы дать ценный материал для решения ряда вопросов истории возникновения и последующего развития как самой оросительной системы, так и расположенных в ее районе памятников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая результаты проведенных работ, главным образом в части стоявших перед ними, как основные, вопросов изучения истории ирригации и построения археологической периодизации древней Ферганы, можно в порядке подведения некоторых предварительных итогов и учитывая результаты исследований последующего времени, отметить следующее.

1. Раскопки 1934 г. в районе Хакулабада впервые вскрыли в нижнем горизонте расплывчатого тепе на территории внутреннего Эйлатанского городища культурный слой древнего поселения, характеризуемого новым — ферганским — комплексом архаи-

[68] Там же, стр. 108—109.

ческой лепной керамики. Входящие в него типы крашеной и иногда расписной посуды аналогичны керамике ранних земледельческих культур юга Средней и Передней Азии. Типологически ближе всего они стоят к расписной керамике Анау I, хотя, очевидно, и являются хронологически более поздними.

Эта керамика была обнаружена и в нижнем культурном слое небольшого тепе, раскапывавшегося в 1933—1934 гг. у Кугая.

2. В последующие годы памятники, характеризуемые той же архаической лепной керамикой или близкими к ней комплексами, были открыты на некоторых участках строительства Большого, Южного и Северного Ферганских каналов, на селищах у Чуста и Дальверзина, в Актамском могильнике и еще в ряде других местах Ферганы. К ним, видимо, следует отнести группы памятников и в смежных с Ферганой районах низовий Ангрена (Бургулюк) и в Алайской долине (Дараут- и Кызыл-курган и курганные погребения в уроч. Шарт).

3. В намечаемой археологической периодизации памятники, характеризуемые архаической лепной керамикой, выделены в первый ее раздел и отнесены к раннему периоду ФІ. Несмотря на ограниченность имеющихся материалов, памятники этого периода можно с достаточной уверенностью отнести к эпохе первобытнообщинного строя, к оседлой земледельческо-скотоводческой культуре, развивавшейся на основе начальных, простейших форм ирригации.

4. Расположение земледельческих поселений периода ФІ по окраинам некогда заболачивавшихся низин у Эйлатана, Кугая, Тюячи, Чакана, Чуста, Дальверзина и Ашкал-тепе, т. е. во всех случаях, когда о природных условиях их расположения можно судить по материалам полевых исследований, стоит в прямой связи с особенностями ареала древнейших форм естественно-орошаемого земледелия. Постоянно отвечая этим своеобразным, но вполне определенным и повторяющимся условиям, оно указывает, что орошаемое земледелие возникло и первоначально сосредотачивалось на участках, которые периодически затоплялись сезонными разливами.

5. Так же, как и у подножий Копет-дага в Туркмении и, вероятно, в ряде других предгорных районов Средней Азии и Ирана, в Ферганской долине для естественно-орошаемого земледелия использовались разливы в поймах рек и в низовьях затухавших на плоскости равнины горных речек и сезонных саевых или паводковых, сбросовых потоков. Такие разливы использовали, — или только применяясь к их периодичности и границам, — или как-то уже регулируя и направляя их, для так называемого лиманного и каирного орошения.

В условиях замедленного течения больших равнинных рек, это были, как показали исследования С. П. Толстова, Я. Г. Гулямова и В. М. Массона на Аму-Дарье, Зеравшане и Мургабе, разливы затухавших рукавов дельты.

Ирригационные работы вначале имели, таким образом, преимущественно «мелиоративное» значение. Они сводились к расчистке тростниковых зарослей, к задержанию воды путем обвалования, или, наоборот, — ее отвода на участках, орошавшихся естественным путем, а возникновение древнейших ирригационных каналов относится к более позднему времени.

6. Раскопки 1934 г. подтвердили относительную хронологию намечаемой археологической периодизации объективными данными стратиграфии. В малом тепе у Кугая нижний культурный слой его насыпи с архаической керамикой периода ФІ оказался перекрытым сверху более поздними слоями развалин строения, погибшего в пожаре и определяемого красноангобированной керамикой периода ФІІ. Та же стратиграфическая последовательность была затем отмечена Т. Г. Оболдуевой для слоев с керамикой ФІ и ФІІ на 8-м и 13-м участках строительства Большого Ферганского канала. На территории внутреннего Эйлатанского городища слой с лепной керамикой ФІ покрывался слоем, датируемым керамикой с тусклым сургучно-красным ангобом периода ФІІІ. Прослеживавшееся по разведочным обследованиям больших тепе соотношение периодов ФІІ и ФІІІ нашло затем подтверждение в стратиграфии Касана, Калаи-боло и Мунчак-тепе у Беговата.

Обнаружение на 3 и 8—9-м участках БФК комплексов, в которых поздняя лепная керамика ФІ сопровождалась красноангобированными сосудами ФІІ, указывает на то, что эти два периода непосредственно сменили друг друга.

7. Представляется возможным наметить в предварительном порядке внутреннее

подразделение культуры периода ФI на этапы, с условными наименованиями: раннего этапа — ФI/1, или «чустский», среднего — ФI/2, или «эйлатано-актамский» и позднего — ФI/3, или «бургулюкский».

При весьма древнем облике культуры периода ФI, появление в выделяемых, как поздние, ее памятниках также и красноангобированной керамики ФII, позволяет отнести этап ФI/3 к IV—III вв. до н. э. Близость керамики Эйлатана с расписными чашами из погребений в урочище Шарт и, в особенности, с керамикой Актамского могильника, датируемыми бронзовыми стрелами довольно раннего «скифского» типа, дает основания для датировки этапа ФI/2 VII—IV вв. до н. э. Несомненно более ранние «чустские» комплексы ФI/1 следует отнести к началу I-го — ко второй половине II-го тысячелетия до н. э., к эпохе бронзы. Если в них со временем удастся выделить более древние компоненты, то станет вполне вероятным отнесение начала этапа ФI/1 к середине, а может быть и к первой половине II-го тысячелетия.

8. Многочисленные поселения следующего, более позднего периода ФII представлены преимущественно малых, реже средних и иногда огромных размеров тепе, образованных оплывшими развалинами сырцовых строений, и сильно укрепленными, обычно небольшими городищами с холмом цитадели. Группы малых и средних тепе обычно располагаются поблизости от отдельного большого тепе с примыкающей к нему возвышенной площадкой и небольшой подквадратной оградой валов (стен) с несимметричными бастионообразными башнями.

Сосредоточены памятники периода ФII преимущественно в относительно высоко расположенной зоне сухих степей Ферганской долины. В большей своей части во все время после периода ФII (лишь местами после периода ФIII) эта зона оставалась вне границ земель, орошавшихся и в последующие эпохи, пустынной или частично занятой только сезонными пастбищами или богарными посевами.

9. Памятники периода ФII характеризуются комплексом керамики, изготовленной на ручном круге — подставке. Ведущим в его определении типом служит керамика с густым и блестящим оранжево-красным, реже черным ангобом и прочерченным иногда по нему своеобразным «геометрическим» орнаментом.

Раскопки развалин сгоревшего строения в верхнем горизонте насыпи малого тепе у Кугая дали возможность установить комплексное сочетание типов керамики ФII, так же, как раскопки слоя древнейшего поселения на территории Эйлатанского городища позволили впервые тогда сделать это для комплекса керамики периода ФI.

10. Работами 1933 и 1934 гг. в Кызылярской степи обнаружена одна из тех древних систем ирригации, которые делали возможным сезонное орошение верхнего, предгорного пояса зоны преимущественного расположения поселений периода ФII. Как показали исследования 1934 г., эти системы имели особые, *водосборные,* головные сооружения. Ложбины склонов предгорий опоясывались в горизонтальном направлении сетью параллельных небольших арыков, соединенных z-образными перемычками. Они задерживали и собирали весенние талые и дождевые воды и направляли их на орошение прилегающих, высоко расположенных участков степи.

Обнаружение в последующие годы в Нуратинской и Даргомской предгорных степях небольших водохранилищ и некоторых других несложных головных сооружений при выходе саевых потоков из горных ущелий позволяет установить и еще иные, «саевые» способы орошения, применявшиеся в этот период на таких высоко расположенных участках.

11. Изучение природных условий расположения земледельческих поселений периода ФII в районах западной части междуречья Нарына и Кара-Дарьи и за границами Сохского веера каналов у Урганджи, а также на запад от Араван-сая у Мархамата, и обследование Кампыр-раватского ирригационного узла, дают возможность установить древние способы орошения и нижнего пояса этой зоны.

Оно осуществлялось при посредстве небольших ирригационных систем, использовавших русла сбросовых протоков, прорывавшихся в паводки в сторону от основного течения реки при выходе ее на равнину, а также, видимо, и русла главных протоков, расходившихся в паводки по конусу выноса горных речек.

Переход от естественно-орошаемого земледелия периода ФI в лиманных разливах

низовий таких протоков к выведению для расширения площади орошаемых земель сети боковых каналов выше по их течению, был связан с необходимостью обеспечить более регулярное и в большем количестве поступление воды в эти протоки. Для этого потребовались постоянная их очистка от наносов и, вероятно, устройство каких-то простейших водозаборных сооружений в головных частях, что и превратило русла прежних паводковых протоков в каналы древнейших ирригационных систем. В период ФII они не достигали значительных размеров, но позволяли все же оросить довольно большие участки и нижнего пояса степи, прилегавшего к болотистым низинам.

12. Как и *водосборные* и «саевые» системы в предгорьях, они явились следующей, второй ступенью в развитии ирригации, позволившей в период ФII освоить для поливного земледелия новый ареал земель: — сухие степи ферганской долины, которые оставались вне зоны, доступной для древнейшего естественного лиманного орошения в низинах.

Орошение этого ареала земель обычными для более позднего времени самотечными каналами, выводимыми, как требовалось бы по рельефу местности, много выше по течению горных рек, было для большинства его высоко расположенных участков невозможным или еще долго оставалось технически недоступным. Некогда орошавшиеся при посредстве описаных древних *водосборных* и «саевых» ирригационных систем и густо заселенные, они превратились в пустынные, выжженные солнцем «земли древнего орошения», когда в конце периода ФII, или, местами, в период ФIII, эти системы были заброшены и забыты.

13. Древнейшие системы искусственного орошения, возникшие в период ФII, охватывали каждая лишь небольшой участок. Сооружение и поддержание их не требовали больших и длительных земляных работ. Такие системы были доступными и целесообразными для сельских общин тех конкретно-исторических форм патриархально-рабовладельческого строя общества, в которых он, не получив, вероятно, значительного развития, сложился в древней Фергане.

Процесс его развития протекал в период ФII намечаемой периодизации, приближенно датируемый III—II вв. до н. э. — III—IV вв. н. э. К нему, видимо, и следует отнести Фергану — Та-юань древних китайских авторов.

14. За это время культура периода ФII испытала ряд изменений. Отдельные черты их уже прослеживаются, но установить и охарактеризовать эти изменения достаточно полно пока не представляется возможным.

Только как выделение условных археологических категорий, памятники, аналогичные находкам на 3 и 8—9-м участках БФК, которые смыкаются с поздними «бургулюкскими» комплексами ФI/3, можно отнести к раннему этапу периода ФII и, обозначив его шифром ФII/1, приближенно датировать III—II вв. до н. э. Эта датировка подтверждается находкой на Кайноватском городище монеты Гелиокла «варварского чекана» начала II-го в. до н. э.

Памятники, аналогичные по типам керамики комплексу находок в погибшем от пожара строении, которое было обнаружено в верхнем горизонте насыпи тепе у Кугая, датируется трехперым позднесарматского типа железным наконечником стрелы. Их следует отнести к позднему, заключительному этапу периода ФII и, обозначив его как ФII/3 датировать II—IV вв. н. э.

Тогда памятники, стоящие между ними, как типологически несомненно промежуточные, можно обозначить шифром ФII/2 и датировать I в. до н. э. — I в. н. э.

Подобное деление на этапы хотя и намечается, но до появления возможности уточненной археологической характеристики, датировки и раскрытия их конкретного исторического содержания, оно является, как и подразделение на этапы периода ФI, лишь приближенной, рабочей гипотезой.

15. Следующий период ФIII, выделение которого наметилось еще на основе работ 1930 и 1933 гг., остается наименее изученным. Работы Ферганской экспедиции 1934 г. и археологические исследования, проводившиеся в последующие годы, дают возможность проследить только самые общие контуры его характеристики. Особое значение в этом имели раскопки Калаи-боло и Мунчак-тепе у Беговата, а также некоторые работы Памиро-Ферганской экспедиции.

16. Памятники периода ФIII археологически определяются технически высоко развитой, изготовленной на ножном гончарном круге, стандартной, ремесленной керамикой. В ней обычны дисковые и кольцевые поддоны, прилепные ручки дужкой у кувшинов,

короткие трубчатые носики — сливы, мелкие концентрические желобки-каннелюры и неглубоко прочерченные, волнообразные орнаментальные полосы у основания горла сосудов. Поверхности чаш, мисок и иногда кувшинов покрыты сургучно-красным, реже черным тусклым ангобом. Красочный ангоб нанесен поверх желобков-каннелюр и волнистого орнамента, который не прочерчен, как в керамике периода ФII сквозь ангоб, после формовки и облицовки сосудов, а нанесен по сырой глине при самом изготовлении сосудов на быстро вращающемся станке.

17. Некоторые из освоенных в период ФII участков предгорных степей продолжали использоваться в существовавших и прежде условиях их орошения, как, например, в Кызыл-яре. В изменившихся условиях, при дальнейшем развитии ирригационных систем, возникших еще в период ФII на основе расчистки паводковых протоков, используются и расширяются орошаемые земли на некоторых участках и нижнего пояса степи, как, например, в западной, пониженной части междуречья Нарына и Кара-Дарьи, в Савае и районе Мархамата.

В этих районах, наряду с дихканскими «замками», занявшими вершины больших тепе периода ФII, на месте более древних поселений появляются обнесенные сырцовыми стенами с симметричными башнями прямоугольно вытянутые в плане города и крепости периода ФIII. Такие, например, как I-е городище в Кызыл-яре и Мархаматское, возникают на месте отдельных домов-усадеб периода ФII, или как внутреннее Эйлатанское — на месте поселения периода ФI.

Значительная же часть ареала земель, орошавшаяся в период ФII, оставляется вовсе, как, например, в Учкурганской и Кугайской степях, где на месте многочисленных поселений периода ФII почти отсутствуют памятники периода ФIII и всего последующего мусульманского средневековья.

18. Основная масса населения в период ФIII сосредотачивается на плодородных землях периферии конусов выноса таких, довольно значительных, стекавших в Ферганскую долину рек, как Ак-бура, Исфайрам, Шахимардан, Сох и Исфара — в южной стороне долины и Касан-сай — в северной. На них возникают новые большие сельские поселения и городские центры раннего средневековья Ферганы.

Этой следующей, третьей ступенью развития ирригации, явилось хозяйственное освоение для поливного земледелия обширной равнинной зоны долины, которая не захватывалась естественными разливами затухавших на ее плоскости малых рек, паводковых и саевых потоков. Она не могла орошаться и небольшими искусственными ирригационными системами, применявшимися в период ФII в верхнем и нижнем поясах степей.

19. Ирригация таких равнинных участков была осуществлена более сложным и трудным путем. Расчистка и устройство головных распределительных сооружений превратили в период ФIII русла протоков, расходившихся в паводки по покатым конусам выноса рек, в веерную сеть полноводных и длинных магистральных каналов. Сеть их увеличивалась затем еще и искусственно проведенными каналами такого веера до пределов, которые ставились рельефом местности и дебитом воды в реке, полностью разбираемой для орошения.

В период ФIII происходит также дальнейшее усовершенствование старых и выведение новых, тянущихся теперь на десятки километров, отдельных больших магистральных каналов, в основе которых лежали расчищенные русла прежних боковых паводковых сбросовых протоков. Как и создание больших веерных ирригационных систем, это требовало огромных земляных работ и устройства сложных головных сооружений для забора воды из быстрых и полноводных рек.

Представляется несомненным, что некоторые из таких протоков, так же как и отдельные естественные протоки веерных систем, использовались для орошения и начали превращаться в ирригационные каналы в результате постоянной расчистки еще в период ФII, но полное свое развитие они получили лишь в период ФIII.

20. Это становится возможным только с дальнейшим ростом производительных сил, с усовершенствованием железных орудий (появление кетменя), изменением производственных отношений и возникновением соответствовавшего этим изменениям строя общества. Представлявшее интересы его господствующего класса феодальное госу-

дарство направляло на работы по ирригации массовый и организованный, хотя и подневольный, труд закрепощаемых общинников-земледельцев и, вероятно, имевшихся рабов.

Период ФIII, отвечающий эпохе раннего феодализма в Фергане, следует отнести к IV—VIII вв. н. э. без возможности еще более детального его археологического подразделения на этапы.

21. Работы 1934 г. подтвердили, что в определении времени возникновения и истории развития древних веерных ирригационных систем и больших отдельных магистральных каналов важное значение имеет изучение связанных с ними холмов-тепе, подобных Сар-кургану на Сохе, Шош-тепе на Кара-Дарье и Калаи-боло на Исфаре.

Располагаясь над головными узлами таких систем, они представляют собой оплывшие развалины укрепленных твердынь, которые охраняли и в то же время подчиняли себе и оросительную систему и весь охватываемый ею район поливных земель. Тот, кто владел таким «замком», владел и водой для орошения и не только охранял этот район, но и господствовал над ним.

В своем возникновении и дальнейшем существовании такие «замки» тесно связаны с блокировавшимися ими древними ирригационными системами. Последовательно отложившиеся культурные напластования их развалин (тепе) — это страницы истории оросительной ситемы и того «оазиса», которому она давала воду. Возникая с зарождением некоторых ирригационных систем, использовавших расчищаемые русла естественных паводковых протоков еще в период ФII, такие «замки» получают особенно большое значение с дальнейшим развитием этих оросительных систем в период ФIII, а иногда сохраняют свое значение и вплоть до познейшего времени.

22. Привлечение археологических материалов как источника в изучении истории ирригации позволяет определить общее направление и ступени развития орошаемого земледелия [69]. Оно показывает, что этот процесс шел от простейшего использования лиманных разливов в низинах к созданию искусственного орошения все более сложными, но и более эффективными способами там, где применение его, позволявшее осваивать новые ареалы земель, становилось доступным по уровню развития производительных сил и строю общества.

Способы ирригации и ее возможности не являлись ни чем-то неизменным, ни случайным или зависящим только от тех или иных природных условий. Изменяясь и совершенствуясь, они приспосабливали и целесообразно изменяли эти условия. Но изменялись они не как-то самостоятельно и оторванно от общего процесса развития общества, а в теснейшей и взаимообусловленной связи с ним.

---

[69] Некоторые из этих выводов и более общие заключения по истории ирригации Средней Азии, которые представлялось возможным сделать на основе работ Ферганской экспедиции и учета результатов археологических исследований, проводившихся в последующие годы, кратко, в предварительном порядке, изложены в одной из упоминавшихся моих статей, где была дана и схема предлагаемой археологической периодизации древней Ферганы. К сожалению, авторский текст этой статьи оказался местами не всегда удачно и точно отредактирован при ее напечатании (Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы. КСИИМК, вып. 64, 1956 г.).

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть
33	2	7	рассмари-ваются	рассматри-ваются
113	1	13	залегали	залегал
128	схема	8	$\Phi^{1/2}$	$\Phi^{1/4}$
137	1	приме-чание *	силанирo-ванных	спланирован-ных
149	1	24	земельное	земляное
170	1	8	IV—VIII	V—VIII

Археологический сборник, № 3. Издательство Гос. Эрмитажа.
Зак. 1965